This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Bought with the income of
THE
SUSAN A. E. MORSE FUND
Established by
WILLIAM INGLIS MORSE
In Memory of his Wife

Harvard College Library

Slav 3115,27.2

Bought with the income of
THE
SUSAN A. E. MORSE FUND
Established by
WILLIAM INGLIS MORSE
In Memory of his Wife

Harvard College Library

№ 66

ОБЪ ИЗУЧЕНІИ

ИСТОРІИ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ

И ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ РУССКО-ЕВРЕЙСКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С. М. Дубнова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Ж. Ландау. Пасж. Большн. Театра, 2.
1891.

Slav 3115. 27. 2

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JUN 4 1959

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 Ноября 1891 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр

I. Сознательное отношеніе къ прошедшему, какъ мѣрило духовнаго развитія. 1

II. Историческое сознаніе, какъ основа еврейской національной идеи, и міровое значеніе еврейской исторіи. 5

III. Состояніе еврейской исторической науки на Западѣ. 9

IV. Существуетъ-ли исторіографія русскихъ евреевъ? 19

V. Объемъ и планъ русско-еврейской исторіи. 35

VI. Источники русско-еврейской исторіи и способы изслѣдованія ихъ. . . 46

VII. Необходимость организаціи подготовительныхъ работъ къ исторіографіи русскихъ евреевъ.—Учрежденіе „Русско-еврейскаго Историческаго Общества“ и планъ его дѣятельности. 76

VIII. Отвѣты недоумѣвающимъ и возражающимъ. — Какъ должна писаться исторія?—Напутствіе будущимъ работникамъ на нивѣ русско-еврейской исторіи. 82

ОБЪ ИЗУЧЕНІИ ИСТОРІИ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ

И ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ РУССКО-ЕВРЕЙСКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Historiam nescire id est semper esse puerum.

I.

Сознательное отношеніе къ прошедшему, какъ мѣрило духовнаго развитія.

„Не знать исторіи значитъ всегда быть младенцемъ"— говоритъ Цицеронъ. Если это мудрое изреченіе примѣнимо не только къ отдѣльной личности, но и къ народу, то несомнѣнно, что мы, русскіе евреи, въ дѣлѣ историческаго самопознанія еще не вышли изъ состоянія младенчества, ибо мы почти вовсе не знаемъ своей исторіи на землѣ, обитаемой нами уже восемь вѣковъ, и, повидимому, не чувствуемъ даже особенной потребности съ нею познакомиться.

Лаконическое изреченіе Цицерона заключаетъ въ себѣ глубокую психологическую истину, которую не всякій сразу замѣтитъ. Дѣйствительно, *сознательное отношеніе къ прошедшему* можетъ служить точнымъ мѣриломъ духовной зрѣлости и полноты внутренней жизни мыслящаго существа. Ребенокъ живетъ исключительно *настоящимъ* съ его минутными радостями и печалями; будущее рисуется ему только въ образѣ обѣщанныхъ наградъ или наказаній за то или другое поведеніе; прошедшее же, т. е. сумма пережитыхъ впечатлѣній, никогда не представляется его уму въ цѣломъ и въ логической причинной связи со своими многосложными, для дѣтскаго разума неуловимыми, послѣдствіями, а только мелькаетъ въ его памяти въ видѣ отрывочныхъ, смутныхъ картинъ чисто-рефлективнаго свойства. Позже, по мѣрѣ при-

ближенія человѣка къ зрѣлости и расширенія его умственнаго кругозора, выростаетъ, рядомъ съ этимъ узкимъ дѣтскимъ „культомъ настоящаго“, гораздо болѣе сложный культъ *будущаго*. Болѣе развитое чувство самосохраненія и болѣе ясное пониманіе причинной связи явленій побуждаютъ взрослаго человѣка думать не только объ интересахъ минуты, о „злобахъ дня“, но и въ большей еще мѣрѣ — о послѣдствіяхъ извѣстныхъ поступковъ, о цѣлесообразности ихъ, о значеніи тѣхъ или другихъ фактическихъ комбинацій для будущихъ, заранѣе намѣченныхъ цѣлей. Само понятіе о „будущемъ“ прогрессивно растетъ вмѣстѣ съ развитіемъ и расширеніемъ сознанія: начинаясь съ будничнаго представленія о „завтрашнемъ днѣ“, оно въ человѣкѣ съ обширнымъ кругозоромъ доходитъ до многообъемлющаго представленія объ отдаленномъ будущемъ и охватываетъ весьма длинную цѣпь причинъ и слѣдствій. Чѣмъ яснѣе и шире это понятіе, тѣмъ богаче внутренняя жизнь человѣка. Въ житейскомъ быту способность къ сложнымъ умственнымъ комбинаціямъ относительно будущаго называютъ дальновидностью, проницательностью. И если человѣкъ съ такими качествами, въ силу извѣстныхъ нравственныхъ побужденій, посвящаетъ свои силы дѣятельности общественной и вноситъ въ нее ту же дальновидность, то его умственное превосходство дѣлается общепризнаннымъ. Словомъ — во всѣхъ сферахъ практической дѣятельности сознательное отношеніе къ будущему признается вѣрнѣйшимъ мѣриломъ духовнаго развитія данной личности.

Но есть еще иное, высшее и болѣе идеальное мѣрило глубины человѣческаго сознанія: это—сознательное отношеніе къ *прошедшему*. Пониманіе будущаго, даже самое тонкое, доходящее до способности предвидѣнія, все-таки тѣсно связано съ интересами и стремленіями практическими; оно всецѣло основано на началѣ *цѣлесообразности*, т. е. на умѣніи направлять свои дѣйствія къ достиженію желательныхъ результатовъ, и требуетъ наиболѣе знанія внѣшнихъ житейскихъ фактовъ; стало быть, этимъ пониманіемъ измѣряется только практическій умъ, разсудочная способность, но не умъ теоретическій, не сила мышленія или *духъ* въ широкомъ смыслѣ слова. Болѣе точнымъ *динамометромъ духа* служитъ сознаніе прошедшаго. Это сознаніе высту-

паетъ за предѣлы практицизма, оно не связано непосредственно съ какими либо утилитарными соображеніями, но заключается всецѣло въ уясненіи (путемъ изученія фактовъ и впечатлѣній прошлаго) общихъ законовъ развитія данной личности или даннаго народа. Основное начало здѣсь — *законосообразность* (*психологическая* — въ развитіи личности, *историческая*—въ развитіи народа); конечная цѣль— *самопознаніе*. Наши наклонности, убѣжденія, характеръ—составляютъ сложный продуктъ всей суммы пережитыхъ нами ранѣе впечатлѣній; нашъ такъ называемый душевный складъ есть собственно только накопленный, наслоенный опытъ прошлаго, переработанный мышленіемъ и кристаллизовавшійся въ извѣстной формѣ. Постичь процессъ этого постепеннаго наслоенія и кристаллизаціи душевныхъ элементовъ значитъ познать себя, понять ходъ своего развитія. Духъ, познающій лишь внѣшніе факты, а не самого себя, не можетъ быть совершеннымъ, вполнѣ зрѣлымъ. Высшею ступенью и вѣнцомъ *знанія* должно быть *самопознаніе*. Отрѣзать свое прошедшее отъ настоящаго и будущаго значитъ разрубить естественную цѣпь причинъ и слѣдствій, жить лишь малою частью своихъ впечатлѣній, обречь себя на вѣчное младенчество духа, быть неполнымъ, нецѣльнымъ, быть какъ бы отрывкомъ мыслящаго существа. Только ясно познавая себя и все внѣ насъ на *всемъ* протяженіи нашего существованія, мы можемъ сказать, что мы вполнѣ сознательныя существа, разумѣется — въ предѣлахъ ограниченнаго и условнаго пониманія человѣческаго.

Вся эта цѣпь умозаключеній, очевидно, равно примѣнима и къ отдѣльной личности, и къ народу, какъ къ особи коллективной. Знаніе и пониманіе своихъ историческихъ судебъ—вотъ мѣрило сознательной жизни народа. Конечно, не весь народъ сплошь можетъ жить такою полною сознательною жизнью; но чѣмъ больше въ немъ такихъ людей мысли, такихъ изыскателей прошедшаго и знатоковъ души народной во всѣхъ стадіяхъ ея развитія, тѣмъ выше уровень сознанія самого народа, ибо духовные представители все-таки руководятъ массою и постепенно прививаютъ ей свое міросозерцаніе, въ видѣ готовыхъ выводовъ изъ своихъ историческихъ наблюденій.

Замѣтны-ли у насъ въ настоящее время въ мыслящихъ

слояхъ общества признаки такого историческаго самосознанія?—Нѣтъ, ни малѣйшихъ. Мы не только не *сознаемъ*, не понимаемъ нашего прошедшаго, но просто не *знаемъ* его фактически и какъ будто не хотимъ знать, словно мы—люди вчерашняго дня, безродные, не имѣющіе за собою никакого прошлаго. По правдѣ сказать, мы никогда не удостоивали исторіи своимъ вниманіемъ. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, когда мы впервые получили понятіе о существованіи на Западѣ еврейской исторической науки, мы, подобно дѣтямъ, жили преимущественно интересами *настоящаго*, которое своею новизною, своей свѣжей атмосферой, своимъ „зеленымъ, весеннимъ шумомъ" опьяняло насъ, кружило намъ голову, какъ опьяняетъ свѣжій воздухъ человѣка, только что выпущеннаго изъ душной тюрьмы. Въ послѣднее десятилѣтіе испытывается нѣчто прямо противоположное: настоящее такъ тяжело, такъ неприглядно, что мы, отчаявшись въ возможности скораго и радикальнаго его улучшенія, убѣгаемъ отъ него, отвлекаемъ отъ него мысль и всецѣло предаемся или бездѣятельному, душу разъѣдающему пессимизму, или восторженнымъ мечтаніямъ о возрожденіи Израиля въ *будущемъ* на другой почвѣ... Мы бѣжимъ отъ этого настоящаго и, подобно Лотовой семьѣ, боимся оглянуться назадъ. Презрѣніе къ настоящему распространяется и на прошедшее. Идти впередъ *безъ оглядки*—вотъ лозунгъ нынѣшнихъ „практическихъ дѣятелей". Такъ велитъ простой инстинктъ самосохраненія: удаляться отъ всего, что причиняетъ боль. Односторонность и узость мысли служатъ намъ какъ бы щитомъ. Вездѣ господствуетъ культъ умышленнаго невѣжества. Одни вовсе упразднили знаніе и размышленіе, другіе держатся какихъ-то крошечныхъ идеекъ или пробавляются мечтаніями. Безсиліе и младенчество духа—характеристическія черты переживаемаго времени.

Должно-ли быть такъ? Должны-ли мы дѣйствительно, въ виду невзгодъ времени, „забыться и заснуть", умышленно закрывать глаза на прошедшее, жить „безъ оглядки"? Неужели, кромѣ безнадежныхъ пессимистовъ, спасающихся наивною вѣрою мечтателей, или узко-практическихъ дѣятелей, не найдется между нами людей мысли и обширнаго знанія, идеалистовъ, разъяснителей историческихъ судебъ народа, двигателей народнаго самосознанія? Развѣ горе должно при-

тупить и съузить нашъ духъ, а не напротивъ — изощрить и углубить его, непрестанно побуждать къ самоизслѣдованію? И неужели нынѣ, среди смятенія, уже потеряла для насъ всякое значеніе великая надпись, начертанная древле на вратахъ Дельфійскаго храма: *Познай самого себя!*—эта священнѣйшая заповѣдь мыслящаго человѣчества?..

Нѣтъ, не можетъ быть! Мы не можемъ и не должны обречь себя на умственный застой, не должны выбирать только между тупою апатіей и узкимъ практицизмомъ, не должны лишить себя той внутренней мощи, которую даетъ только глубокое самоизслѣдованіе. Думать иначе значило бы преднамѣренно заковать душу народную, съузить и затемнить нашу *національную идею*, которая въ сущности тождественна у насъ съ *историческимъ сознаніемъ*.

II.

Историческое сознаніе, какъ основа еврейской національной идеи, и міровое значеніе еврейской исторіи.

Слѣдуетъ всегда отличать (что, къ сожалѣнію, весьма рѣдко дѣлается) національную *идею* отъ національнаго *чувства*. Національное чувство есть нѣчто непосредственное, присущее въ большей или меньшей степени всѣмъ членамъ націи, какъ родовая или фамильная привязанность. Это чувство имѣетъ свои приливъ и отливъ, смотря по тому—приходится-ли націи, въ силу исключительныхъ условій, отстаивать свою индивидуальность или нѣтъ. Однако, будучи сложнымъ психическимъ явленіемъ, а не простымъ инстинктомъ, это чувство допускаетъ идейный анализъ, т. е. люди мыслящіе и сознательные могутъ уяснить себѣ происхожденіе, развитіе и причину сохраненія національнаго чувства въ данной народности въ силу извѣстныхъ историческихъ фактовъ или идей, ставшихъ національнымъ достояніемъ. Выводы, къ которымъ приводитъ такой анализъ, объединенные и обобщенные, составляютъ содержаніе *національной идеи*. Задача послѣдней—*осмыслить* національное чувство и дать ему духовную санкцію въ глазахъ тѣхъ, которые однимъ безсознательнымъ чувствомъ не удовлетворяются.

Въ чемъ же сущность нашей именно, еврейской національной идеи? Иначе говоря, изъ чего состоитъ тотъ цементъ,

который связываетъ и объединяетъ насъ въ одинъ сложный организмъ? Матеріальныхъ признаковъ націи—территоріи и государства—у насъ давно уже нѣтъ. Ихъ замѣняютъ начала абстрактныя: религія и происхожденіе. Это, безспорно, два могущественныхъ фактора, но они-ли одни поддерживаютъ національную связь еврейства? Нѣтъ, ибо, допуская такое положеніе, мы должны были бы также допустить, что ослабленіе религіозныхъ началъ въ свободомыслящихъ евреяхъ и расовыхъ особенностей въ „культурныхъ" слояхъ еврейства должно соотвѣтственно ослабить или даже совершенно расшатать наши національные устои,—чего, однако, на самомъ дѣлѣ не видимъ. Напротивъ, мы обыкновенно видимъ людей передовыхъ, подчасъ даже религіозно-индиферентныхъ и „libres penseurs", въ авангардѣ всѣхъ нашихъ національныхъ движеній. Что же ихъ-то привязываетъ къ народу, принадлежность къ которому въ большинствѣ случаевъ есть подвигъ, нерѣдко сопровождаемый даже мученичествомъ? Значитъ, есть нѣчто общее и всеобъемлющее, что связываетъ въ единое цѣлое людей самыхъ разнообразныхъ воззрѣній и культурныхъ состояній. Это „нѣчто" есть *общность историческихъ судебъ* всѣхъ разрозненныхъ частей еврейства. Насъ связываютъ общія воспоминанія о нашемъ богатомъ событіями прошедшемъ, о нашей былой славѣ, о нашихъ многовѣковыхъ страданіяхъ, о нашемъ бѣдственномъ скитальчествѣ; объединяетъ насъ безконечная цѣпь пережитыхъ нашими предками однородныхъ впечатлѣній, вѣками накоплявшихся въ еврейской душѣ и оставившихъ тамъ извѣстный прочный осадокъ [1]. Словомъ, общееврейская національная идея основана главнымъ образомъ на *историческомъ сознаніи*.

---

[1] „Нація,—говоритъ Ренанъ,—есть душа, начало духовное. Двѣ вещи, представляющія въ сущности нѣчто единое, составляютъ эту душу, это духовное начало. Одна заключается въ прошедшемъ, другая—въ настоящемъ. Одна есть обладаніе сообща богатымъ запасомъ воспоминаній; другая заключается въ согласіи и желаніи продолжать совмѣстную жизнь и въ настоящемъ и сохранить въ цѣлости общее наслѣдіе... Нація, подобно человѣку, является плодомъ длиннаго ряда усилій, жертвъ и привязанностей въ прошедшемъ. Героическое прошлое, великіе люди, слава — вотъ общественный капиталъ, на которомъ виждется національная идея! Имѣть общіе подвиги въ прошедшемъ и общую волю въ настоящемъ, совершить сообща великія дѣла и желать еще совершить ихъ—вотъ существенное условіе бытія народнаго. Наша взаимная привязанность пропорціональна жертвамъ, принесеннымъ нами для общаго дѣла, горю, нами вмѣстѣ перенесенному... Общія слава и униженія въ прошедшемъ; стремленіе осуще-

Отсюда прямо вытекаетъ, что чѣмъ глубже и яснѣе это историческое сознаніе, тѣмъ крѣпче національная идея. Историческому же *сознанію* должно предшествовать *знаніе* историческихъ фактовъ. И вотъ гдѣ великое всенародное значеніе еврейской исторіи!..

Но, кромѣ своего національнаго значенія, еврейская исторія *въ цѣломъ* имѣетъ еще *значеніе міровое*, какъ оригинальнѣйшая часть исторіи всемірной. Во первыхъ, это— единственный примѣръ народной исторіи, проходящей, какъ центральная ось, черезъ всю исторію человѣчества, отъ одного ея полюса до другого, и органически связанной со всѣми вѣками, всѣми культурами и почти всѣми странами. Еврейская исторія—такой же *unicum*, какъ еврейскій народъ. Подобной ей, однородной съ ней—не найти. Если классифицировать народы на не-историческіе (дикари, некультурные, слившіеся съ другими) и историческіе (древніе и новые культурные народы), то еврейскій народъ придется признать историческимъ въ превосходной степени (*historicissimus*), такъ какъ онъ выступилъ на арену исторіи съ ранняго дѣтства человѣчества и едва-ли когда нибудь съ нея сойдетъ.

Этому безпримѣрному *объему* общееврейской исторіи соотвѣтствуетъ ея своеобразный *качественный составъ*. Ибо вотъ уже почти двѣ тысячи лѣтъ, какъ она представляетъ собою единственный примѣръ *исторіи безгосударственнаго народа*, который съ лишеніемъ своей территоріи не лишился, однако, своей культурной и духовной самобытности. Это — безпрерывная цѣпь фактовъ внутренней, общественной и духовной жизни націи, осѣненной терновымъ вѣнкомъ мученичества. Это — единственная исторія безъ внѣшнихъ войнъ, безъ государственныхъ переворотовъ, безъ политики и дипломатіи, словомъ—безъ всего того, что наполняетъ исторіи

ствить одну и ту же программу въ будущемъ, общія историческія страданія, радости, надежды—все это имѣетъ для націи большее значеніе, нежели общія таможни или границы, устроенныя на основаніи стратегическихъ соображеній. Я сказалъ: „общія страданія"; да! ибо страданіе совмѣстное объединяетъ людей больше, чѣмъ совмѣстная радость. Въ національныхъ поминаніяхъ трауры важнѣе тріумфовъ, такъ какъ первые налагаютъ обязанности и порождаютъ общія усилія.—И такъ,—кончаетъ Ренанъ,—нація — это великое единеніе, созданное сознаніемъ принесенныхъ уже и имѣющихъ быть принесенными (для народнаго блага) жертвъ. Понятіе о націи предполагаетъ непремѣнно извѣстное прошедшее"... (Qu'est ce qu'une Nation", 2-e edition, Paris, 1882, pp. 26—27).

другихъ народовъ и поражаетъ своей однообразностью, подчасъ даже безъидейностью. Одинъ весьма умный писатель замѣтилъ, что „въ исторіи евреевъ насъ поражаютъ не блестящія внѣшнія событія, не побѣды, завоеванія и т. п., но *чудная внутренняя жизнь народа*, которому суждено было занять такое важное мѣсто въ развитіи новѣйшей цивилизаціи. Съ какой бы стороны ни объяснять и толковать событія еврейской исторіи,—она никогда не будетъ имѣть особеннаго интереса въ глазахъ воина и политика; но за то сколько завлекательныхъ и интересныхъ сторонъ представляетъ она для *мыслителя*!“ Дѣйствительно, *исторія евреевъ есть самая философская, идейная и нравоучительная часть всеобщей исторіи*. Передъ вами—картина безпрерывнаго развитія духа, превозмогающаго страданія плоти. Даже уклоненія и аномаліи этого развитія въ высшей степени поучительны. Своеобразный, исключительный строй прошедшей общественной жизни евреевъ можетъ навести соціолога на самыя глубокія размышленія и дать ему новыя теоремы. Мыслитель и моралистъ могутъ найти въ исторіи духовной жизни еврейства непочатый матеріалъ для самыхъ глубокомысленныхъ философскихъ построеній! Да, мы увѣрены, что настанетъ время, когда всѣ это поймутъ—и тогда двухтысячелѣтняя исторія еврейскаго народа въ Европѣ сдѣлается такою же настольною книгою *мыслящаго* человѣчества, какою уже давно сдѣлалась для *вѣрующаго* человѣчества ветхозавѣтная, библейская исторія этого самаго народа...

О значеніи исторіи евреевъ, какъ предмета *спеціальной науки іудейства*, едва-ли есть надобность распространяться. Если такая спеціальная наука—scientia judaica—существуетъ, то, конечно, первенствующая въ ней роль должна принадлежать еврейской исторіи. Всѣ прочія отрасли еврейской науки—еврейская филологія, археологія, натуралистическія и юридическія изслѣдованія въ области библейско-талмудической письменности, библіографія, эксегетика—должны занимать подчиненное, служебное положеніе по отношенію къ исторіи. Изслѣдованіе прошлыхъ судебъ нашего народа, изслѣдованіе безпрерывное, неутомимое, открывающее все новые и новые факты, создающее все новыя обобщенія,—вотъ задача наиболѣе достойная тѣхъ, которые претендуютъ на званіе „еврейскихъ ученыхъ“. Подобныя изысканія и от-

крытія могутъ поглотить еще силы цѣлаго ряда поколѣній ученыхъ и мыслителей, и по мѣрѣ умноженія такихъ научныхъ изслѣдованій будетъ пополняться и совершенствоваться еврейская исторія, которая нынѣ, не смотря на всѣ успѣхи, сдѣланные въ ея области, все еще пребываетъ въ первоначальномъ фазисѣ своего развитія, ибо многія ея части совершенно не изслѣдованы.

Все это поняли наши братья на Западѣ. Съ полвѣка тому назадъ тамъ взялись за великое дѣло строенія еврейской исторіи. Строительная работа продолжается съ большимъ или меньшимъ усердіемъ и понынѣ, поражая иногда своими блестящими результатами и геніальными архитектурными комбинаціями,—а зданіе все еще не увѣнчано и далеко ему до конца. Въ этомъ убѣдитъ насъ краткій обзоръ развитія еврейской исторіографіи на Западѣ. Такой обзоръ необходимъ для насъ, русскихъ евреевъ, еще какъ указаніе на *опытъ прошлаго*, могущій научить насъ многому въ предстоящей намъ самимъ исторической работѣ.

III.

Состояніе еврейской исторической науки на Западѣ.

Разработка еврейской исторіи на Западѣ началась при такихъ условіяхъ, которыя насъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, могутъ навести на весьма назидательныя размышленія. Это было на рубежѣ второго и третьяго десятилѣтій настоящаго вѣка. Надъ Европой и особенно надъ Германіей нависла тяжелая туча реакціи. Люди сжигали то, чему прежде поклонялись: принципы свободы, равенства и человѣческаго братства. Юдофобія, эта отвратительная ночная сова, спрятавшаяся-было при первыхъ проблескахъ разсвѣта, почуявъ мракъ, вновь появилась „на вершинахъ“ и стала оглашать воздухъ рѣзкими, зловѣщими криками. Чернь услышала эти крики—и въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ городахъ совершила безчинства надъ евреями (1819 г.). То же, только въ иной формѣ, дѣлала умственная чернь въ книгахъ и газетахъ, съ высоты церковныхъ амвоновъ и университетскихъ каѳедръ. Травля евреевъ сдѣлалась потребностью опустѣвшихъ умовъ и очерствѣвшихъ сердецъ. Нѣмецкіе евреи, которые послѣ смерти Мендельсона ринулись-было къ слія-

нію съ нѣмцами и до того усердно „сливались“, что забыли и о своей религіи, и о своемъ великомъ историческомъ прошломъ—теперь опомнились и отступили назадъ. Въ нихъ заговорило сознаніе. Они поняли, что съ такими священными традиціями, съ такимъ героическимъ прошлымъ постыдно покидать свою вѣковую позицію. Имъ захотѣлось воскресить въ своей памяти прошлое еврейскаго народа, углубиться духомъ въ его исторію, осмыслить и офилософствовать его религію. Для этой цѣли соединились лучшіе люди тогдашняго еврейства Германіи и учредили знаменитое „*Общество культуры и науки евреевъ*“, имѣвшее свой главный центръ въ Берлинѣ. „Это было въ исходѣ 1819 г.,—разсказываетъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей этого „Общества“,—когда мы собрались въ первый разъ. Во многихъ городахъ германскаго отечества происходили тѣ страшныя сцены, которыя многихъ заставляли предполагать непредвидѣнное возвращеніе къ среднимъ вѣкамъ“. Во главѣ „Общества“ стояли Эдуардъ Гансъ, Моисей Мозеръ и Леопольдъ Цунцъ; примыкали къ нему поэтъ Генрихъ Гейне (интимный другъ названныхъ трехъ главарей), I. Леманъ, I. Рубо, Л. Маркусъ, Вольвиль, И. Якобсонъ, Д. Фридлендеръ и Л. Бендавидъ—все лучшіе люди тогдашняго нѣмецкаго еврейства. „Общество“ имѣло свой спеціальный литературный органъ: „Журналъ для науки іудейства“, редактировавшійся Л. Цунцомъ. Въ „Журналѣ“ помѣщались изслѣдованія историческія и филологическія, а также философскіе трактаты; въ засѣданіяхъ „Общества“ читались рефераты о „принципахъ еврейской истори“, о развитіи іудаизма и о началахъ религіозной реформы. „Общество“ просуществовало немногимъ болѣе четырехъ лѣтъ и затѣмъ распалось.

Причину распаденія этого многообѣщавшаго союза историки (Штродтманъ, Грецъ и др.) видятъ обыкновенно въ личныхъ стремленіяхъ и судьбахъ его руководителей: указываютъ на религіозное отступничество Эд. Ганса, на гегельянскія увлеченія Мозера, на поэтическій „Sturm und Drang“ Гейне; но мы думаемъ, что не за этимъ дѣло стало, что причина лежала гораздо глубже—въ самой программѣ „Общества“ и въ способахъ ея осуществленія. Во первыхъ, учредители союза забыли мудрую талмудическую сентенцію: „Если ты черезчуръ много забралъ, то ты ничего не за-

бралъ". Они слишкомъ широко задумали свой планъ, включивъ въ дѣятельность „Общества", кромѣ научно-историческихъ изслѣдованій, важныя практическія и соціально-реформаторскія задачи, въ родѣ распространенія просвѣщенія между евреями, борьбы съ юдофобіей, агитаціи въ пользу религіозныхъ нововведеній etc. Не диво, конечно, что съ такими сложными задачами, да еще въ то мрачное время, нелегко было справиться одному союзу, — а неудача въ осуществленіи одной части намѣченной программы влекла за собою сомнѣніе въ осуществимости другой. Вторая причина непрочности союза заключалась въ самомъ способѣ осуществленія исторической части его программы. Дѣло въ томъ, что „союзники" начали строить исторію сверху, съ крыши, а не съ фундамента. Вмѣсто того, чтобы начать съ собиранія и изслѣдованія фактическихъ матеріаловъ для средневѣковой исторіи евреевъ, тогда еще почти совершенно неизвѣстной,—они начали прямо съ принциповъ, съ „историческихъ выводовъ" и обобщеній, подъ коими не было фактическаго основанія, или же съ побочныхъ научныхъ изслѣдованій по еврейской юриспруденціи, филологіи и археологіи, которыя имѣли самостоятельное значеніе для науки, но съ исторіей имѣли лишь весьма слабую связь [1]. Понятно, что такая историческая постройка, лишенная матеріальнаго фундамента, не могла быть прочною и вскорѣ рухнула вмѣстѣ со всѣмъ предпріятіемъ молодыхъ энтузіастовъ. Въ этомъ грустномъ фактѣ заключается спасительное предостереженіе для насъ, русскихъ евреевъ, долженствующихъ только приступить къ строенію своей исторіи,—и мы, конечно, поступимъ крайне опрометчиво, если не примемъ къ свѣдѣнію этого предостереженія...

Отъ потопа, превратившаго въ обломки все зданіе берлинскаго научно-культурнаго „Общества" и разсѣявшаго въ разныя стороны самихъ строителей, уцѣлѣлъ и остался на своемъ посту только одинъ изъ этихъ строителей—Леопольдъ *Цунцъ*. *„Наука іудейства*,—писалъ онъ послѣ распаденія

---

[1] См. подробное описаніе дѣятельности „Общества культуры и науки евреевъ"— въ главѣ изъ сочиненія Ад. Штродтмана „Heine's Leben und Werke", переведенной въ 1 т. „Евр. Библіотеки", и. н. „Молодая Палестина". Ср. также *Groetz*: Geschichte der Juden, XI, cap. 9; *Karpeles*: „Исторія еврейской литературы", стр. 1002—1007 русскаго перевода.

„Общества“,—вотъ все, что осталось отъ этого „мабула“ (потопа). Эта наука продолжаетъ жить, хотя въ теченіе столѣтій никто для нея и пальцемъ не шевельнулъ. Я сознаюсь, что, послѣ вѣры въ Божій судъ, занятіе этой наукой составляетъ все мое утѣшеніе и мою опору“. Цунцъ исполнилъ свой обѣтъ. Слишкомъ 60 лѣтъ прожилъ онъ послѣ провала его юношеской попытки—и вся эта долгая жизнь была посвящена разработкѣ еврейской исторіи. Цунцъ хорошо понялъ, что для систематической исторіографіи еще не настало время, такъ какъ фактическій матеріалъ былъ еще очень скуденъ и не разработанъ. Поэтому онъ прежде всего взялся за собираніе матеріала и за *монографическую* обработку нѣкоторыхъ важнѣйшихъ моментовъ средневѣковой исторіи евреевъ. Такимъ образомъ онъ познакомилъ насъ съ древнею синагогальной письменностью и со многими выдающимися дѣятелями нашей средневѣковой литературы („Gottesdienstliche Vorträge der Juden“, „Synagogale Poesie“, „Zur Geschichte und Literatur“ etc.). Внѣшнею соціальною исторіей евреевъ Цунцъ почти не занимался; духовная жизнь стояла у него на первомъ планѣ. Однако, при всей ограниченности его сюжетовъ, монографіи его могутъ быть поистинѣ названы „камнями угла“ еврейской исторіи.

Другъ и сподвижникъ Цунца *Іостъ* оказался далеко не столь проницательнымъ. Онъ вздумалъ создать *систематическую* исторію евреевъ съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго, въ то время, когда для такой постройки не было никакого солиднаго архивнаго матеріала и приходилось основываться единственно на средневѣковыхъ „лѣтописяхъ“, тогда еще не разобранныхъ критикою. Онъ осуществилъ свою смѣлую задачу въ цѣломъ рядѣ многотомныхъ трудовъ («Geschichte der Israeliten von der Zeit der Makkabäer bis auf die Gegenwart», «Allgemeine Geschichte d. Israelit. Volkes», «Neuere Gesch. d. Israeliten», «Geschichte d. Iudenthums u. s. Secten», 1819 — 1860). Обо всѣхъ этихъ трудахъ можно сказать только одно: это — наскоро выстроенныя изъ перваго попавшагося матеріала временныя палатки, пріютившія еврейскую исторію въ то время, когда о приличномъ и солидномъ для нея помѣщеніи нельзя было еще и думать. То же можно сказать о трудахъ подражателей Іоста, спѣшившихъ взяться за синтетическіе курсы исторіи безъ достаточ-

ной подготовки. Таковы, напримѣръ, сочиненія *Петра Вегра* («Geschichte aller jüd. Secten», 1822—1829) и *Леона Галеви* («Resumé de l'histoire des juifs», 1825—28).

Совершенно особое мѣсто занимаетъ въ этой фалангѣ раннихъ историковъ 20-хъ и 30-хъ годовъ даровитый *Іосифъ Сальвадоръ*, начинатель франко-еврейской отрасли литературы. Этотъ мыслитель отмежевалъ себѣ особую область, а именно—*философію еврейской исторіи* («Histoire des institutions de Moïse», «J. Christ et sa doctrine», и въ особенности замѣчательное «Paris, Rome, Jerusalem», 1816—1860) и въ этой области положилъ начало многимъ великимъ историко-философскимъ теоремамъ, надъ которыми уже много думали и еще больше будутъ думать. Единственное описательное сочиненіе Сальвадора («Исторія господства римлянъ въ Іудеѣ») отличается блестящимъ изложеніемъ и прекрасными обобщеніями, но фактически новаго и критическаго отношенія къ источникамъ въ немъ нѣтъ.

Съ 40-хъ годовъ критико-монографическая разработка еврейской исторіи въ духѣ Цунца усиливается. Галиціянинъ *С. І. Рапопортъ* углубляется въ изслѣдованіе темной талмудической эпохи и даетъ намъ рядъ превосходныхъ біографій *гаоновъ* IX—XI вѣковъ. Итальянецъ *С. Д. Луццато* усердно работаетъ надъ библейскою эксегетикой, надъ исторіей средневѣковой литературы въ жизнеописаніяхъ ея главныхъ дѣятелей (Іегуда Галеви, Маймонидъ, Ибнъ-Эзра etc.), надъ исторіей Каббалы и разныхъ системъ богословія. Рядомъ съ этими двумя консервативными мыслителями, появляется смѣлый реформаторъ *Авраамъ Гейгеръ* и вноситъ свѣжую струю въ изслѣдованіе исторіи. У него нѣтъ безсистемности и разбросанности Рапопорта и Луццато. Всѣ его монографіи, затрагивающія многіе важнѣйшіе моменты еврейской исторіи, преимущественно литературной, отъ библейской эпохи до конца среднихъ вѣковъ, проникнуты однимъ духомъ, одними великими и твердыми принципами. Изъ-за историка въ немъ видѣнъ боецъ за идею, народный трибунъ и проповѣдникъ. Въ этихъ особенностяхъ заключаются и достоинства и недостатки исторической работы Гейгера.

Всестороннее изслѣдованіе духовнаго развитія и литературной исторіи евреевъ все болѣе усиливается и усложняется во второй половинѣ этого столѣтія. *Франкель* (Захарій) и

Вейсъ реставрируютъ исторію Талмуда; *Адольфъ Франкъ* и *Іеллинекъ* вносятъ свѣтъ критики въ мрачный лабиринтъ Каббалы; *С. Мункъ* разъясняетъ судьбы арабско-еврейской философской письменности X—XII вѣковъ; *Гидеманъ* увлекательно излагаетъ культурную исторію средневѣкового еврейства. Еще цѣлая армія ученыхъ равностно работаетъ надъ критическимъ изданіемъ крупнѣйшихъ произведеній еврейской средневѣковой литературы, надъ откапываніемъ драгоцѣнныхъ древнихъ рукописей, надъ библейской эксегетикой, надъ вспомогательными историческими науками—археологіей, языковѣдѣніемъ, библіографіей...

Этотъ накопившійся огромный матеріалъ, эта подавляющая масса монографій, изслѣдованій, перепечатокъ старинныхъ книгъ, статей въ спеціальныхъ періодическихъ изданіяхъ—все это требовало объединенія, обобщенія и систематизаціи въ одномъ общемъ историческомъ курсѣ. Такимъ объединителемъ явился *Грецъ*. Его одиннадцати-томная „Исторія Евреевъ" (1858—1875 г.) является первымъ полнымъ и солиднымъ курсомъ, гдѣ *соціально-политическая* исторія евреевъ связана съ исторіею ихъ *духовной* жизни съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго. Первая основана всецѣло на печатномъ матеріалѣ—на еврейскихъ и христіанскихъ лѣтописяхъ; послѣдняя, болѣе обширная, составлена на основаніи всей предшествовавшей историко-литературной работы. Блестящія, внѣшнія и внутреннія, качества поистинѣ безсмертнаго произведенія Греца слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ нужно было распространяться. Необыкновенная сила обобщенія, тонкость критическаго и философскаго анализа, оригинальная классификація періодовъ и эпохъ, наконецъ, художественное, увлекательное изложеніе—все это дѣлаетъ „Исторію" Греца лучшимъ и популярнѣйшимъ произведеніемъ еврейской исторіографіи. Нѣкоторые замѣченные критикою недостатки этого творенія, какъ, напримѣръ, субъективность и иногда тенденціозность изложенія, совершенно блѣднѣютъ передъ упомянутыми сейчасъ положительными его качествами. И если „Исторія Евреевъ" Греца современемъ устарѣетъ и окажется неудовлетворительною, то это случится не вслѣдствіе присущихъ ей второстепенныхъ недостатковъ, отъ которыхъ не можетъ быть вполнѣ свободенъ даже самый геніальный трудъ, а вслѣдствіе безпрерывнаго роста исторической науки. Исторія

выростетъ изъ этого прекрасно сшитаго для нея костюма, который станетъ ей узокъ вслѣдствіе увеличенія ея объема вновь открываемымъ фактическимъ матеріаломъ. Уже и теперь, въ послѣднія 10—15 лѣтъ, т. е. послѣ появленія послѣдняго тома „Исторіи“ Греца, накопилось столько новыхъ данныхъ по всѣмъ періодамъ еврейской исторіи, что существенное дополненіе Грецова труда представляется необходимымъ. Да и самое свойство вновь открываемыхъ данныхъ таково, что еврейской исторіографіи на Западѣ предстоитъ не только количественное увеличеніе, но и коренное преобразованіе качественное.

Дѣло въ томъ, что всѣ еврейскіе историки, какъ монографисты, такъ и систематики, отъ Цунца до Греца включительно, пользовались почти исключительно еврейскими старопечатными или вновь изданными съ рукописей источниками, изъ коихъ 99 сотыхъ имѣютъ чисто-литературное значеніе и только едва одна сотая часть представляетъ собою историческій матеріалъ въ собственномъ смыслѣ. Къ этой послѣдней категоріи относятся: полу-легендарныя сообщенія Талмуда и Мидраша, средневѣковыя хронографіи и мартирологіи, жизнеописанія замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей, отчасти религіозно-политическія книги и т. п. Общими архивными и неизданными источниками никто не пользовался, по крайней мѣрѣ въ обширныхъ размѣрахъ. Все вниманіе „собирателей“ сосредоточивалось на откапываніи старопечатныхъ или рукописныхъ книгъ преимущественно литературнаго свойства, въ родѣ безчисленныхъ комментаріевъ къ Библіи, талмудическихъ и раввинскихъ ритуальныхъ изслѣдованій, поэтическихъ и философскихъ произведеній арабско-испанскаго періода и т. п. Многое въ этомъ отношеніи сдѣлало издавна существующее общество „Пробудителей усопшихъ“ (מקיצי נרדמים); еще больше сдѣлано частными издателями и библіофилами. Не были тронуты вовсе общегосударственные архивы разныхъ странъ Европы, городскіе муниципальные архивы, гдѣ несомнѣнно заключается масса важныхъ матеріаловъ для исторіи общественнаго положенія евреевъ; мало также изслѣдованы памятныя книги (Memorbücher, *Пинкосы*) различныхъ еврейскихъ общинъ, выясняющихъ внутренній бытъ и порядокъ самоуправленія, а нерѣдко и политическое положеніе евреевъ въ томъ или другомъ го-

сударствѣ. Вообще литературный матеріалъ подавлялъ своимъ количествомъ чисто-историческій архивный матеріалъ— и еврейская исторія представляла собою преимущественно не исторію еврейскаго *народа*, а исторію еврейской *литературы*. Вотъ эту-то односторонность поставили себѣ цѣлью устранить новѣйшіе изыскатели, благодаря которымъ историческое изслѣдованіе приняло уже новое направленіе.

Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ не въ Германіи, родинѣ еврейской научной исторіографіи, а во Франціи. Въ 1880 г., по иниціативѣ покойнаго барона Джемса Ротшильда и парижскаго раввина Цадока Кана, въ Парижѣ учредилось *„Общество для изученія іудейства“* (Société des études juives), задавшееся чрезвычайно обширною цѣлью: поощрять изслѣдованія въ области еврейской исторіи посредствомъ спеціальныхъ изданій самого „Общества“, поддержки постороннихъ предпріятій въ томъ же родѣ, посредствомъ научныхъ бесѣдъ, публичныхъ лекцій и т. п. [1]. Съ конца 1880 года „Общество“ издаетъ свой спеціальный органъ: *„Revue des études juives“*, выходящій четыре раза въ годъ. Въ этомъ замѣчательномъ изданіи, появляющемся аккуратно и поднесь, помѣщаются неизданные архивные документы, относящіеся къ исторіи преимущественно французскихъ, а потомъ и вообще европейскихъ евреевъ, обработанныя монографіи, основанныя на такого рода документахъ, строго-научныя библейскія изслѣдованія на основаніи современ-

[1] Какъ широко поняли учредители „Общества для изученія іудейства“ свою задачу, показываетъ слѣдующій отрывокъ изъ перваго „воззванія“ этого „Общества“: „Область еврейскаго знанія далеко еще не изучена во всѣхъ своихъ сторонахъ. Необходима работа многихъ поколѣній, чтобы пройти эту область по всѣмъ ея стезямъ, во всѣхъ направленіяхъ. Библія одна представляетъ еще множество проблемъ, ждущихъ разрѣшенія. Талмудъ и Мидрашъ являются во многихъ отношеніяхъ безформенной массой, которую надо привести въ порядокъ. Десятки тысячъ еврейскихъ манускриптовъ, вовсе неизданныхъ или способныхъ провѣрять уже изданные, хранятся въ парижской „Bibliothéque Nationale“, въ Бодлеянской библіотекѣ (въ Оксфордѣ), въ „British Museum“, въ библіотекахъ Италіи, Мюнхена, Лейдена и Петербурга. Всѣ эти литературныя сокровища имѣютъ невыразимо громадное значеніе. Рядомъ съ ними существуютъ документы другого рода, не менѣе необходимые для пониманія еврейской исторіи, переплетенной въ теченіе ряда вѣковъ съ исторіей другихъ народовъ. Если даже взять одну Францію, трудно сосчитать, сколько хартій и всякаго рода оффиціальныхъ бумагъ хранится въ парижскихъ и провинціальныхъ книгохранилищахъ, въ національныхъ архивахъ, въ архивахъ различныхъ городовъ и департаментовъ. Пока всѣ эти бумажныя кипы не будутъ разобраны, исторія евреевъ во Франціи будетъ еще весьма неполна“.—См. ст. „Общество для распр. еврейской науки въ Парижѣ“, въ „Восходѣ“ 1883 г., кн. VII—VIII.

ныхъ данныхъ египтологіи, ассиріологіи etc. Въ „Revue“ принимаютъ постоянное участіе крупнѣйшіе ученые Франціи и другихъ странъ, какъ, напр., французскіе академики и профессора Ж. Галеви, І. Деренбургъ, бр. Дармштетеры, затѣмъ Изидоръ Лэбъ, Цадокъ Канъ, Израиль Леви, М. Швабъ, Д. Кауфманъ, Фридлендеръ, Т. Рейнахъ, Бруншвигъ и многіе др. Кромѣ своего трехмѣсячника, „Общество“ выпускаетъ разъ въ годъ особый сборникъ документовъ и монографій по еврейской исторіи подъ заглавіемъ „Annuaire des études juives“. Опредѣлить подробно содержаніе и значеніе всѣхъ доселѣ вышедшихъ трехъ десятковъ томовъ „Revue“ и „Annuaire“ здѣсь, конечно, немыслимо: для этого потребовалось бы цѣлое объемистое сочиненіе. Достаточно сказать, что каждая книжка трехмѣсячника приноситъ что нибудь новое и существенное для исторіи евреевъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, для критики историческихъ источниковъ, для библейской науки. Каждая книжка положительно прибавляетъ нѣсколько новыхъ страницъ въ исторію евреевъ, рядъ дотолѣ невѣдомыхъ фактовъ, историческихъ комбинацій и выводовъ. Количество же и качество матеріала, напечатаннаго во всѣхъ тридцати томахъ названныхъ изданій, таковы, что на основаніи этого матеріала можно совершенно заново написать исторію евреевъ во Франціи въ среднихъ вѣкахъ и значительно исправить и дополнить исторію испанскихъ, итальянскихъ и германскихъ евреевъ.

По слѣдамъ французскихъ ученыхъ пошли недавно и германскіе. Въ 1886 г., въ память столѣтней готовщины смерти Мендельсона, въ Берлинѣ учреждена была „*Коммисія для изслѣдованія исторіи евреевъ въ Германіи*“ (Historische Commision für Geschichte der Juden in Deutschland). Во главѣ „Коммисіи“ стоятъ прославленные ученые, какъ профессоры: Людвигъ Гейгеръ, Лацарусъ, Штейнталь, Бервальдъ, Бреславъ, Кристеллеръ и др. Предположено издавать всѣ неизвѣстные или малоизвѣстные первоисточники нѣмецко-еврейской исторіи и печатать оригинальныя изслѣдованія на основаніи данныхъ такихъ источниковъ. „Историческая Коммисія“ имѣетъ свой спеціальный органъ: „Zeitschrift für die Geschichte der Juden in Deutschland“, выходящій періодически подъ редакціей Л. Гейгера и заключающій въ себѣ

массу обработаннаго и сырого матеріала для исторіи нѣмецкихъ евреевъ. Сверхъ того, „Коммисія“ предприняла въ 1887 г. слѣдующія два крупныхъ изданія: одно, подъ заглавіемъ „Regesten zur Geschichte der Juden in Deutschland“, представляетъ собою полное хронологическое собраніе всѣхъ лѣтописныхъ извѣстій, писемъ, законовъ, соборныхъ постановленій, пѣсенъ и всевозможныхъ памятниковъ, относящихся къ исторіи евреевъ въ Франкскомъ и Германскомъ государствахъ до 1273 г.; второе изданіе, подъ названіемъ „Quellen zur Geschichte der Juden in Deutschland“, должно наполняться главнымъ образомъ матеріалами, собираемыми въ архивахъ разныхъ нѣмецкихъ городовъ или взятыми изъ сохранившихся актовыхъ книгъ еврейскихъ синагогъ, кагаловъ и религіозныхъ братствъ.

Такимъ образомъ, въ двухъ своихъ главныхъ центрахъ, еврейская историческая наука выбралась наконецъ на настоящую торную дорогу. Ревностное собираніе всевозможныхъ архивныхъ документовъ, провѣрка и систематизація уже существующихъ первоисточниковъ, наконецъ всесторонніе изслѣдованія и монографіи, выставляющія въ новомъ свѣтѣ тѣ или другіе историческіе моменты,—вотъ задачи этой обширной науки. Пройдетъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ такой подготовительной работы — и понадобится новый Грецъ, новый геніальный исторіографъ-систематикъ, которому придется заново переработать всю еврейскую исторію и значительно расширить ее на основаніи собраннаго громаднаго запаса данныхъ.

Стремленіе возсоздать свое историческое прошлое проникло даже въ немногочисленную и маловультурную среду румынскаго еврейства. Въ 1886 г., по иниціативѣ нѣсколькихъ ученыхъ или просто интеллигентныхъ евреевъ (М. Шварцфельда, Бали, Касвона, Псантора и др.), основанъ былъ въ Букарештѣ „Союзъ для изслѣдованія еврейской исторіи въ Румыніи“ и установлена программа дѣятельности членовъ союза и его центральнаго комитета. Результаты четырехлѣтней дѣятельности этого скромнаго союза превзошли всякія ожиданія. Собрана коллекція, состоящая изъ трехсотъ рукописей, рѣдкихъ старопечатныхъ книгъ и отдѣльныхъ документовъ по исторіи румынскихъ евреевъ, издано нѣсколько прекрасныхъ монографій по тому же пред-

мету, а недавно появился составленный г. *Шварцфельдомъ* обстоятельный „Обзоръ исторіи евреевъ въ Румыніи отъ древнѣйшихъ временъ до 1850 года“, основанный на собранныхъ союзомъ историческихъ матеріалахъ.

Такъ-то ростетъ и совершенствуется еврейская историческая наука на Западѣ, въ странахъ, насчитывающихъ отъ полумилліона до ста тысячъ евреевъ. Какъ же обстоитъ дѣло историческаго изслѣдованія у насъ, русско-польскихъ евреевъ, втрое превосходящихъ численностью всѣхъ нашихъ западныхъ единовѣрцевъ вмѣстѣ взятыхъ и мнящихъ превзойти ихъ также своею самобытною духовною жизнью и своимъ значеніемъ въ будущемъ?

IV.

Существуетъ ли исторіографія русскихъ евреевъ?

Подъ общимъ терминомъ *„исторія русскихъ евреевъ“* подразумѣвается исторія евреевъ во всѣхъ земляхъ, входящихъ въ составъ *нынѣшняго* русскаго государства, т. е. въ Польшѣ, Литвѣ и всей западной Руси. Исторія эта обнимаетъ слишкомъ *восемь столѣтій*, начинаясь приблизительно съ конца XI-го вѣка, когда первые крестовые походы на Западѣ загнали массу нѣмецкихъ евреевъ въ сосѣднюю Польшу и юго-западную Русь [1]. Въ теченіе восьми столѣтій евреи въ названныхъ странахъ (то во всѣхъ, то лишь въ одной части ихъ) жили вполнѣ историческою жизнью: имѣли свое твердое общественное устройство, граничившее нѣкогда съ полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ, занимали опредѣленное мѣсто въ соціально-экономической жизни народовъ, среди коихъ жили, весьма часто страдали отъ людской жестокости и беззаконія, бывали не разъ гонимы и истребляемы (а вѣдь это послѣднее есть *существенный* признакъ *еврейской* „исторической жизни“), развивались духовно и, въ особенности начиная съ XVI вѣка, отличались необыкновенною умственною производительностью, преимущественно на почвѣ религіозной и богословской. Продуктомъ этой восьмивѣковой исторической жизни является четырехмилліонная громада нынѣшнихъ „русскихъ евреевъ“ со всей своей самобытной

[1] Подробную мотивировку этого опредѣленія читатель найдетъ въ слѣдующей главѣ.

культурой, съ своимъ крайне оригинальнымъ бытомъ, съ своими нравами, обычаями, вѣрованіями. Что же сдѣлано для изслѣдованія этой внушительныхъ размѣровъ исторіи оригинальнѣйшаго изъ европейскихъ народовъ?

На Западѣ, откуда доселѣ исходитъ всякій серьезный научный починъ, не могли, да отчасти и не хотѣли ничего сдѣлать для исторіи польско-русскихъ евреевъ. Полнѣйшее незнакомство съ бытомъ послѣднихъ, незнаніе русскаго и польскаго языковъ, недоступность для ученыхъ иноземцевъ русскихъ архивовъ и книгохранилищъ—все это мѣшало изслѣдователямъ всеобщей еврейской исторіи на Западѣ заниматься и исторіей евреевъ на востокѣ Европы. Вдобавокъ (незнаніе всегда вызываетъ предразсудки) въ западныхъ нашихъ единовѣрцахъ прочно укоренилось мнѣніе, будто сами евреи въ Россіи и Польшѣ представляютъ собою сплошную некультурную, даже полудикую массу, исторія которой не можетъ представлять особеннаго интереса, такъ что ею и заниматься не стоитъ. Единственное, что вошло изъ исторіи русскихъ евреевъ въ нѣмецкіе труды по всеобщей еврейской исторіи—это нѣкоторыя весьма скудныя свѣдѣнія о нѣсколькихъ эффектныхъ моментахъ нашего прошедшаго, какъ „хмѣльничина", секта „франкистовъ", имена нѣсколькихъ прославленныхъ раввиновъ—причемъ свѣдѣнія эти почерпнуты изъ распространенныхъ еврейскихъ лѣтописей и раввинскихъ книгъ, безъ всякой критической провѣрки. Надобно еще сказать, что и эту скромную услугу русско-еврейской исторіи оказалъ преимущественно Грецъ, пріютившій упомянутыя свѣдѣнія въ нѣкоторыхъ укромныхъ уголкахъ своего сочиненія и посвятившій еще франкизму особую монографію. Если къ этимъ разбросаннымъ въ „Исторіи" Греца скуднымъ свѣдѣніямъ прибавить еще пару тощихъ монографій на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ о польскихъ евреяхъ,—монографій, составляющихъ собственно компиляціи изъ трудовъ польскихъ писателей (книжки: *Голлендерскаго* — „Les israélites de Pologne", Paris, 1846, *Штернберга*—„Geschichte der Juden u. d. Piasten und Jagellonen", 1878, *Перлеса*—„Die Juden in Posen"),—то этимъ совершенно исчерпаемъ всю западную „литературу" о прошломъ польскихъ евреевъ.

И такъ, нѣмцы, на которыхъ мы всегда уповаемъ,

когда рѣчь идетъ о серьезномъ научномъ предпріятіи, на сей разъ насъ не выручили и предоставили намъ самимъ вѣдаться съ своей исторіографіей. Оказалась-ли намъ такая задача по силамъ?

Въ виду разноязычности нашей польско-русско-еврейской литературы, разсмотримъ послѣдовательно успѣхи родной исторіографіи въ каждой изъ трехъ отраслей этой литературы и начнемъ съ отрасли еврейской.

Наша свѣтская литература на древне-еврейскомъ языкѣ началась, какъ извѣстно, съ *Левинзона*, въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія (до него мы имѣли литературу обширную, многовѣковую, но почти исключительно духовную). Изъ всѣхъ тогдашнихъ и позднѣйшихъ еврейскихъ писателей въ Россіи этотъ благородный мыслитель былъ бы несомнѣнно наиболѣе призванъ, по личнымъ своимъ умственнымъ качествамъ, сдѣлаться историкомъ русскихъ евреевъ, если бы его не отвлекъ отъ этой работы нашъ достопамятный Kulturkampf. Левинзону приходилось сражаться на два фронта: съ одной стороны, онъ долженъ былъ бороться противъ грубыхъ предразсудковъ своихъ единовѣрцевъ и доказывать имъ, что читать свѣтскія книги и получать общее школьное образованіе не составляетъ грѣха передъ Богомъ, а съ другой—онъ считалъ своимъ долгомъ защищать еврейскую религіозную традицію отъ нападокъ обвинителей изъ христіанъ и писать апологіи Талмуда и т. п. На эту борьбу ушла вся его долгая жизнь. Не до исторіографіи было, когда евреямъ приходилось доказывать, что религіею не возбраняется заниматься ариѳметикою или изученіемъ русскаго и нѣмецкаго языковъ въ объемѣ первоначальныхъ школъ.

Какъ бы то ни было, однако, въ Левинзонѣ несомнѣнно жила душа ученаго историческаго изслѣдователя,—чего нельзя сказать о большинствѣ его преемниковъ и „духовныхъ чадъ", представителей слѣдующихъ литературныхъ поколѣній. Вся „научная" литература на еврейскомъ языкѣ послѣ смерти Левинзона (отъ конца 50-хъ годовъ до настоящаго времени) не только не даетъ намъ ни одного оригинальнаго систематическаго изслѣдованія по части исторіографіи, но, напротивъ, представляетъ разительныя доказательства тому, что дѣятели этой литературы къ такимъ изслѣдованіямъ вовсе неспособны и даже чувствуютъ къ нимъ необъяснимую

антипатію. Наша литература перемѣнила только кличку, превратившись изъ духовной въ свѣтскую, но духъ казуистики и схоластическая мелочность, свойственныя старой раввинской письменности, остались въ ней неприкосновенными. Страсть къ *комментаторству*, этой обычной формѣ средневѣкового мышленія и писательства, заѣла нашихъ ученыхъ. Они все пишутъ *толкованія*: толкованія на св. Писаніе и на его безчисленныхъ старыхъ комментаторовъ, толкованія на безбрежную талмудическую письменность, толкованія на книги средневѣковыхъ поэтовъ и философовъ, на Маймонида, Галеви, Ибнъ-Эзру. Всѣ эти толкованія ничего идейнаго, реальнаго подъ собою не имѣютъ; одно только бравированіе „эрудиціею" и жалчайшая казуистика—и больше ничего. О томъ, что исторіографія должна составлять альфу и омегу еврейской науки, что все остальное должно служить этой цѣли—здѣсь и понятія не имѣютъ. О правильномъ собираніи историческихъ матеріаловъ, о систематической его обработкѣ и о возсозданіи прошедшаго путемъ синтеза и творческой мысли—обо всемъ этомъ и знать не хотятъ наши доморощенные ученые. Фактическое, научное изслѣдованіе ненавистно ихъ схоластической натурѣ. Великія обобщенія, обширныя комбинаціи имъ не по плечу. Муравьиная работа, вѣчное копаніе въ чужихъ мысляхъ и хитроумное сближеніе послѣднихъ—вотъ на что ихъ хватаетъ... И вотъ почему мы имѣемъ цѣлую фалангу „изслѣдователей", сирѣчь—комментаторовъ-казуистовъ или, въ лучшемъ случаѣ, библіографовъ, въ родѣ Рейфмана, Шацкеса, Дубжевича, Бегака et tutti quanti, и нѣтъ у насъ ни одного Греца, Гейгера или даже Вейса. Не отрицаю микроскопической полезности этой муравьиной работы (въ особенности нѣкоторую заслугу слѣдуетъ признать за библіографическими изысканіями Рейфмана); но вѣдь это все-таки не живая наука, не настоящее научное изслѣдованіе. Изъ тѣхъ мелкихъ щепокъ и старыхъ обломковъ, которые такъ любовно собираютъ наши „ученые", ничего крупнаго и цѣльнаго не воздвигнешь. Это—пыль вѣковъ, а не прочный матеріалъ для возсозданія прошедшаго.

Стыдно сказать, но и скрывать не приходится, что вся ново-еврейская „научная" литература послѣднихъ тридцати лѣтъ дала намъ всего *три книжки*, могущія до нѣкото-

рой степени пригодиться въ дѣло при систематической разработкѣ исторіи евреевъ въ Россіи. Это—историческіе очерки трехъ древнѣйшихъ еврейскихъ общинъ Литвы — Вильны, Гродно и Бреста,—составленные *С. І. Финомъ*, *Фриденштейномъ* и *Файнштейномъ*[1]. Монографія покойнаго Фина является наилучшею изъ этихъ трехъ работъ. Хотя въ изложеніи общественной исторіи виленскихъ евреевъ авторъ слѣпо придерживался устарѣлыхъ трудовъ Чацкаго и Крашевскаго и не зналъ еще о массѣ мѣстныхъ архивныхъ документовъ о томъ же предметѣ, которые, начиная съ половины 60-хъ годовъ, стали появляться въ „Актахъ Виленской Археографической Коммисіи“ и въ „Археографическомъ Сборникѣ“, издаваемомъ при попечительствѣ виленскаго учебнаго округа,—однако, матеріалъ, собранный авторомъ въ видѣ множества надгробныхъ надписей и выдержекъ изъ рукописей, очень важенъ. Не лишена также серьезнаго значенія выработанная Финомъ въ томъ же трудѣ генеалогія цѣлаго ряда поколѣній раввиновъ. Если бы Финъ продолжалъ работать въ этомъ направленіи, то могъ бы очень многое сдѣлать для исторіи евреевъ въ Россіи; но онъ уклонился въ сторону и ушелъ туда, гдѣ и безъ него могли обойтись—въ область древней общей исторіи евреевъ, въ эксегетику и лексикографію, — покинувъ заброшенную ниву, гдѣ онъ былъ бы единственнымъ шахаремъ. Книжка г. Фриденштейна о еврейской общинѣ въ *Гродно* составляетъ ученическое подражаніе книгѣ Фина и во всѣхъ отношеніяхъ слаба. Кромѣ отрывочныхъ общеизвѣстныхъ свѣдѣній о позднѣйшей судьбѣ гродненскихъ евреевъ, да еще немногихъ надгробныхъ надписей изъ мѣстнаго еврейскаго кладбища, въ ней ничего нѣтъ. Авторъ въ своемъ младенческомъ невѣдѣніи, повидимому, и не подозрѣвалъ, что за 10—15 лѣтъ до выхода его книжки въ свѣтъ обнародованъ былъ значительный архивный матеріалъ, относящійся прямо къ древнѣйшей исторіи гродненскихъ евреевъ и помѣщенный въ упомянутыхъ выше оффиціальныхъ „Актахъ“

---

[1] *С. І. Финъ*: קריה נאמנה—исторія евреевъ въ Вильнѣ и литературная ихъ дѣятельность. Вильна, 1860; *Ш. Фриденштейнъ*: עיר גבורים — исторія евреевъ въ Гродно. Вильна, 1880; *Л. Файнштейнъ*: עיר תהלה — исторія еврейской общины въ Брестъ-Литовскѣ. Варшава, 1886.

и „Сборникѣ“ [1]. Нѣсколько болѣе уснащена фактами „Исторія еврейской общины въ *Брестѣ*“, составитель которой, г. Файнштейнъ, сдѣлалъ уже нѣкоторое употребленіе изъ „Документовъ и Регестъ“ профессора Бершадскаго и изъ сохранившагося „Пинкоса“ раввинскихъ литовскихъ съѣздовъ, но и онъ не совладалъ съ своимъ матеріаломъ, да и тоже упустилъ изъ виду вышеупомянутые архивные „Акты“, гдѣ общественная жизнь брестскихъ евреевъ выясняется въ цѣломъ рядѣ документовъ, относящихся къ XVII и XVIII вв. (т. е. къ періоду болѣе позднему, чѣмъ тотъ, коимъ ограничиваются „Документы“ г. Бершадскаго). Многочисленныя разсужденія о генеалогіи брестскихъ раввиновъ, помѣщенныя въ книгѣ, отличаются, къ сожалѣнію, совершенно казуистическимъ характеромъ.

Въ самое послѣднее время проявилось-было стремленіе къ систематическому изданію важнѣйшихъ первоисточниковъ для исторіи русскихъ евреевъ, но, къ несчастію, и это дѣло вскорѣ заглохло со смертью его иниціатора. Мы говоримъ о начатой серіи выпусковъ по „*Исторіи бѣдствій израильскихъ*“ *Х. І. Гурлянда* (לקורות הגזרות על ישראל, выпуски I—IV, Краковъ, 1887—1890 г.). Покойный составитель этого сборника имѣлъ въ виду сосредоточить въ одной книгѣ всѣ старопечатные и рукописные источники на еврейскомъ языкѣ, относящіеся къ исторіи бѣдствій украинскихъ евреевъ въ эпохи хмѣльничины и гайдамачины (1648—1768). Четыре вышедшихъ выпуска этого изданія [2] заключаютъ въ себѣ немаловажныя историческія данныя; припасенъ былъ и даже приготовленъ къ печати обширный матеріалъ для цѣлаго ряда новыхъ выпусковъ [3], но теперь, послѣ неожиданной смерти Х. І. Гурлянда, едва-ли кто позаботится о продолженіи его прекраснаго начинанія. Да, судьба по-истинѣ не милостива къ бѣдной еврейской исторіографіи...

Въ то время, какъ мы сами, русскіе евреи, почти ничего не съумѣли сдѣлать для того, чтобы поставить нашу исторіографію на твердую фактическую почву,—другіе, совершенно

---

[1] См. особенно томы V и VI „Актовъ“, содержащіе „акты гродненскаго и брестскаго градскихъ судовъ, Кобринской магдебургіи“ etc. Вильна, 1871—72.

[2] Съ содержаніемъ ихъ можно познакомиться по рецензіямъ: въ 4-й кн. журнала „Восходъ“ 1888 г., 4-й кн. 1889 г. и 2-й кн. сего года.

[3] Авторъ этихъ строкъ имѣлъ случай видѣть его въ рукописи.

посторонніе дѣятели, преимущественно *поляки-христіане*, взялись за исполненіе того, что составляетъ нашъ прямой національный долгъ. Извѣстно, что первымъ писателемъ, заговорившимъ объ историческихъ судьбахъ евреевъ Рѣчи Посполитой, былъ польскій правовѣдъ *Т. Чацкій*. Его небольшая книга „*Разсужденіе о евреяхъ и караимахъ*“ (Rozprawa o Żydach i Karaitach, г. 1807) обязана своимъ появленіемъ въ свѣтъ случайному поводу. Когда на сеймѣ 1788 г. обсуждался вопросъ о коренномъ преобразованіи правового положенія евреевъ въ Польшѣ, Чацкому, какъ члену „Скарбовой коммисіи“, поручено было составить планъ этого преобразованія. Проникнутый гуманными, освободительными идеями, царившими тогда въ Польшѣ и создавшими знаменитую „конституцію 3-го мая“ (1791 г.), Чацкій выработалъ требуемый проектъ реформъ, не свободный, можетъ быть, отъ практическихъ ошибокъ, но въ общемъ весьма солидный и благожелательный къ евреямъ. Проектъ не могъ осуществиться въ виду наступившаго вдругъ рокового *finis Poloniae*, но Чацкій, разъ уже заинтересовавшись еврейскимъ вопросомъ, продолжалъ имъ заниматься, и въ своихъ занятіяхъ наткнулся на нѣкоторые законодательные памятники, опредѣлявшіе положеніе евреевъ въ старинной Польшѣ. Эти-то памятники онъ обнародовалъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи „О польскихъ и литовскихъ правахъ“ (1800 г.), а затѣмъ—въ обработанномъ видѣ, съ добавленіями—въ своемъ „Разсужденіи о евреяхъ“. Послѣднее состоитъ изъ девяти главъ (всего 148 стр. въ изд. 1860 г.), гдѣ вкратцѣ излагаются: исторія евреевъ до разрушенія Іерусалима, исторія ихъ въ западной Европѣ, соображенія о причинахъ появленія евреевъ въ Польшѣ, о граматахъ, данныхъ имъ Болеславомъ Благочестивымъ (1264 г.), Казиміромъ Великимъ и Витовтомъ, о юридическомъ ихъ положеніи; наконецъ, воспроизводится составленный нѣкогда авторомъ „планъ реформы“ и сообщаются свѣдѣнія о караимахъ. Взглядамъ Чацкаго на нѣкоторыя стороны еврейскаго стариннаго быта въ Польшѣ нельзя отказать въ вѣрности, даже проницательности; но понятно, что его сочиненіе, гдѣ лишь вскользь затронуто нѣсколько историческихъ фактовъ, случайно ставшихъ извѣстными автору въ то время, когда громадная масса другихъ фактовъ и документовъ, а также спеціально-еврейская литература были ему совершенно

неизвѣстны,—понятно, что такое сочиненіе не можетъ претендовать на научное значеніе. Книга Чацкаго сама по себѣ есть любопытный историческій фактъ, характеризующій отношенія извѣстной части польскаго общества конца прошлаго вѣка къ евреямъ. Это—историческій документъ, но не исторія.

Послѣ Чацкаго надолго глохнетъ интересъ къ еврейской исторіи въ Польшѣ. Польскіе историки (Лелевель, Морачевскій и др.) мимоходомъ упоминаютъ въ своихъ общихъ курсахъ исторіи Польши о евреяхъ, все на основаніи тѣхъ же немногихъ королевскихъ граматъ, ставшихъ со времени Чацкаго ходячею монетою въ исторической литературѣ; но спеціально евреями никто не занимается. Романистъ Крашевскій въ своемъ историческомъ трудѣ „Wilno od poczatkow jego“ (1842 г.), въ третьемъ томѣ, довольно подробно говоритъ о старинномъ бытѣ польско-литовскихъ евреевъ, но научно-критическаго отношенія къ источникамъ, вдобавокъ—очень скуднымъ, у него нечего искать. Какъ поэтъ, онъ предпочитаетъ легенды, въ родѣ разсказа о переходѣ графа Потоцкаго въ еврейство. Фактическихъ данныхъ въ его распоряженіи было очень мало.

Въ 1865 г. польскій еврей *Александръ Краусгаръ* сдѣлалъ смѣлую попытку — написать хоть краткую, но систематическую исторію евреевъ въ Польшѣ въ періоды Пястовъ и Ягеллоновъ (до 1572 г.). Основаніемъ ему послужили тѣ же ходячія мѣста польской литературы о евреяхъ, дополненныя небольшою серіею вновь найденныхъ документовъ и приправленныя краснорѣчивыми разсужденіями, собственными или взятыми на прокатъ изъ прежнихъ сочиненій разныхъ историковъ. При всей гладкости изложенія въ книгѣ г. Краусгара, въ ней все-таки вездѣ чувствуется внутренняя пустота, плохо маскируемая искусственною раздутостью изложенія и богатою фразеологіей,—чувствуется, что подъ всѣми этими выводами нѣтъ прочнаго, широкаго фундамента, и что автору приходилось дополнять воображеніемъ то, чего не давали ему факты. Не говоримъ уже о разныхъ историко-критическихъ промахахъ автора (о коихъ подробно уже говорилъ проф. Бершадскій во 2-й главѣ „Литовскихъ евреевъ“), ибо мы здѣсь занимаемся не спеціальною критикою, а общимъ и преимущественно *количествен-*

нымъ опредѣленіемъ содержанія данныхъ сочиненій. Единственнымъ оправданіемъ г. Краусгару могло бы служить лишь то обстоятельство, что онъ писалъ только о древнѣйшемъ періодѣ исторіи польскихъ евреевъ, для котораго весьма трудно подобрать достаточный матеріалъ; но это все-таки не освобождало его отъ обязанности искать такого матеріала и не спѣшить своими выводами пока таковой не будетъ найденъ.

Спеціальная монографія г. *Гумпловича* изъ Кракова: „Польское законодательство о евреяхъ" (1867 г.) проливаетъ отчасти новый свѣтъ на своеобразное экономическое и правовое положеніе евреевъ въ старой Рѣчи Посполитой. Собранные авторомъ новые факты, взятые изъ архивныхъ источниковъ, а также широта обобщенія и извѣстная систематичность дѣлаютъ книгу г. Гумпловича полезнымъ пособіемъ для будущихъ историковъ польскаго законодательства о евреяхъ. На болѣе самостоятельное историческое значеніе эта скромная монографія не претендуетъ [1].

Бо́льшую претензію предъявляетъ книжка (объемомъ почти брошюра, въ полтораста страницъ) польскаго историка-законовѣда *Мацѣйовскаго*: „Евреи въ Польшѣ, Руси и Литвѣ", напечатанная въ Варшавѣ, въ 1878 г. Хотя глубокая эрудиція автора и оригинальность его пріемовъ и оправдываютъ отчасти такую претензію, однако, считать его книжку болѣе чѣмъ краткимъ историческимъ „опытомъ" или конспектомъ было бы неосновательно. Мацѣйовскій, впрочемъ, и самъ издалъ свою книжку не въ качествѣ самостоятельнаго сочиненія, а въ видѣ „*приложенія*" къ „Исторіи славянскихъ законодательствъ", ранѣе имъ обнародованной. Онъ весьма умѣло расположилъ имѣвшійся въ его распоряженіи (скудный, конечно) фактическій матеріалъ и умудрился на очень маломъ пространствѣ освѣтить его, обобщить и нарисовать въ самыхъ общихъ чертахъ картину соціальной жизни *польскихъ* евреевъ. О евреяхъ же „въ Литвѣ и Руси" онъ, кромѣ общеизвѣстныхъ и частью еще непровѣренныхъ данныхъ, ничего не сообщаетъ. Подобно своимъ предшественникамъ,

---

[1] Содержаніе книги Гумпловича изложилъ почти цѣликомъ покойный Л. О. Леванда въ своей статьѣ „Судьбы евреевъ въ польской Рѣчи Посполитой", „Восходъ" 1886, кн. 9—12.

онъ не обратилъ никакого вниманія на массу чрезвычайно важныхъ архивныхъ документовъ, собранныхъ въ *русскихъ* оффиціальныхъ изданіяхъ, въ родѣ „Актовъ Виленской археографической коммисіи", „Архива юго-западной Россіи" и проч. О еврейскихъ источникахъ онъ, конечно, и понятія не имѣлъ. Что же касается личныхъ взглядовъ автора на историческій бытъ евреевъ, то они гораздо болѣе оригинальны, чѣмъ основательны [1].—Послѣ книжки Мацейовскаго ничего оригинальнаго не появилось въ польской литературѣ по исторіи евреевъ, если не считать брошюрки *Вольфа*: „Еврей министръ короля Сигизмунда I" (объ *Авраамѣ Іезофовичѣ*. Краковъ, 1885) и пятаго тома „Исторіи евреевъ" *Нуссбаума*, трактующаго о польско-еврейской исторіи и отличающагося совершенно компилятивнымъ характеромъ (Варшава, 1890).

Общіе недостатки польскихъ сочиненій по исторіи евреевъ—слѣдующіе: 1) фактическимъ основаніемъ ихъ служитъ весьма незначительная коллекція общеизвѣстныхъ граматъ и привилегій (Болеслава, Казиміра, Витовта etc.), которая со временъ Чацкаго хотя нѣсколько увеличилась въ объемѣ, но качественно остается крайне одностороннею, ибо разъясняетъ отчасти, и то лишь *юридическое*, положеніе евреевъ въ Польшѣ и вовсе не освѣщаетъ ихъ внутренняго быта и духовной жизни; 2) кромѣ этой ходячей коллекціи документовъ, польскіе писатели не сдѣлали никакого широкаго употребленія ни изъ неизданныхъ архивныхъ матеріаловъ, ни даже изъ обнародованныхъ въ русскихъ оффиціальныхъ изданіяхъ актовъ, касающихся преимущественно исторіи литовскихъ и бѣлорусскихъ евреевъ; литература же на древне-еврейскомъ языкѣ имъ по большей части совсѣмъ незнакома; наконецъ, 3) спеціальною задачею написать полную *систематическую исторію* польско-русскихъ евреевъ, или даже готовиться къ таковой, никто изъ нихъ не задавался (кромѣ развѣ г. Краусгара, который поспѣшилъ и былъ наказанъ), благоразумно предоставивъ эту сложную работу позднѣйшимъ поколѣніямъ.

Теперь посмотримъ, не найдемъ-ли мы хоть какихъ нибудь зародышей еврейской исторіографіи въ *обще-русской*

[1] См. подробный разборъ произведенія Мацейовскаго въ „Литовскихъ евреяхъ" пр. Бершадскаго, стр. 148—171.

исторической литературѣ или же въ юной литературѣ *русско-еврейской*.

Русская исторіографія вообще чрезвычайно мало занимается евреями. Это объясняется просто тѣмъ, что до 1654 г. (до присоединенія Малороссіи) Московія вовсе не знала евреевъ и „ни подъ какими образы" ихъ къ себѣ не пускала, да и послѣ 1654 г. русское правительство не только не пропускало „жидовъ" въ свои коренныя области, но даже прилагало всѣ усилія, чтобы выжить ихъ изъ присоединенныхъ украинскихъ и бѣлорусскихъ провинцій (впрочемъ, изъ первыхъ ихъ еще раньше выжили возставшіе казаки). Такая политика продолжалась вплоть до 1772 г., когда съ присоединеніемъ Бѣлоруссіи по первому раздѣлу Польши въ составъ русскаго государства впервые вошла значительная масса евреевъ. Но крупнѣйшіе изъ русскихъ исторіографовъ, какъ извѣстно, едва довели свое повѣствованіе до этой эпохи, а въ эпохи болѣе раннія они встрѣчались съ евреями лишь случайно. Что же касается идейнаго отношенія къ евреямъ главнѣйшихъ русскихъ историковъ въ тѣхъ мѣстахъ ихъ трудовъ, гдѣ они мимоходомъ касаются „еврейскихъ дѣлъ", то у *Карамзина* это отношеніе *безразличное* (такъ какъ онъ упоминаетъ о евреяхъ лишь тамъ, гдѣ говорятъ о нихъ служившія ему матеріаломъ древнія лѣтописи, т. е. по самымъ ничтожнымъ поводамъ); у *Соловьева* оно въ общемъ *равнодушное*, не безъ оттѣнка, впрочемъ, предубѣжденія; только у *Костомарова* оно прямо *юдофобское*. Юдофобія Костомарова—это черное пятно на имени талантливаго историка—вытекала не изъ знакомства его съ еврейскимъ бытомъ или съ подробностями еврейской исторіи (по обоимъ этимъ предметамъ онъ отличался полнѣйшимъ невѣжествомъ), а только изъ его *украйнофильскихъ* убѣжденій. Тамъ, куда затесается украйнофильство историческое, нѣтъ мѣста дружелюбному или даже просто сколько нибудь человѣчному отношенію къ евреямъ (Немногія отрадныя исключенія, какъ, напр., гуманное и глубоко-правдивое отношеніе къ евреямъ г. Мордовцева — историка, конечно, въ счетъ не идутъ). Двѣ кровавыя эпопеи, приводящія въ восторгъ и украйнофиловъ-историковъ и украинскихъ пѣвцовъ, ужасаютъ душу еврея, для котораго онѣ связаны съ самыми плачевными воспоминаніями... Впрочемъ, въ послѣднее время у насъ на-

рождаются историки-юдофобы по профессіи. Застрѣльщикомъ ихъ является извѣстный составитель учебниковъ, а нынѣ авторъ компилятивной „Исторіи Россіи“ г. *Иловайскій*, который въ недавно появившемся третьемъ томѣ своей „Исторіи“ (кстати сказать, освистанномъ всей серьезной печатью) посвятилъ нѣсколько страницъ разгрому еврейства на исторической почвѣ. Впрочемъ, г. Иловайскаго и винить нельзя: вѣдь въ такому образу дѣйствія его понуждаетъ его принадлежность къ „анти-еврейской партіѣ“, которая, надо полагать, возложила на него такое спеціальное порученіе.

Еврейская литература на русскомъ языкѣ до послѣдняго времени почти совершенно игнорировала исторіографію. Эта литература вообще имѣла публицистическій и беллетристическій характеръ, но наука ей была чужда. Бѣдную исторіографію пріютили у себя изъ милости нѣкоторые сердобольные публицисты-правовѣды и ученые филологи. Первые заставили ее служить себѣ, втиснули ее въ узкія рамки законовѣдѣнія или экономики. Такъ поступилъ, напримѣръ, г. *Леонтовичъ* въ своемъ (впрочемъ, весьма дѣльномъ) очеркѣ: „Историческое изслѣдованіе о правахъ польско-литовскихъ евреевъ“ (1864 г.). То же въ болѣе обширныхъ размѣрахъ и только по отношенію къ новѣйшему, *русскому періоду* еврейской исторіи (нач. съ XVIII в.) сдѣлалъ нашъ правовѣдъ-публицистъ *И. Г. Оршанскій*, сочиненія котораго („Русское законодательство о евреяхъ“, нѣкоторыя статьи въ книгѣ „Евреи въ Россіи“) превосходны какъ вещи *публицистическія*, но односторонни какъ *историческія*.

Немногимъ болѣе сдѣлали для еврейской исторіи языковѣды и археологи. Главный представитель обѣихъ этихъ наукъ среди насъ, человѣкъ, который по своей громадной эрудиціи и особенному оффиціальному положенію могъ бы поставить еврейскую исторіографію на надлежащую почву, — д-ръ *А. Гарнави*, къ сожалѣнію, пренебрегъ столь великою задачею и если что нибудь сдѣлалъ для нея, то лишь мимоходомъ и въ pendant къ своимъ спеціальнымъ научнымъ занятіямъ. Вмѣсто того, чтобы подчинить свои спеціальныя науки — языковѣдѣніе и археологію — великой цѣли исторіографіи, онъ, напротивъ, имъ подчинилъ послѣднюю, т. е. употреблялъ исторію лишь постольку, поскольку она освѣщала тѣ или другіе археолого-филологическіе вопросы. Та-

кимъ именно спеціальнымъ характеромъ отличаются всѣ наиболѣе оригинальныя его произведенія; какъ, напр., „Евреи и славянскій языкъ“ (Вильна, 1867 г.), „Сказанія еврейскихъ писателей о хазарахъ“ (1874 г.), „Сообщенія о хазарахъ“ („Евр. Библ.“ 1879—80 г.), „Русь и русское въ средневѣковой еврейской литературѣ“ („Восходъ“ 1881 г., кн. I, и 1882 г., кн. I—II). Я, конечно, вовсе не думаю отрицать важное значеніе „вопроса о хазарахъ“ для уясненія исходнаго пункта русско-еврейской исторіографіи, не намѣренъ также умалять заслуги г. Гаркави въ дѣлѣ посильнаго разъясненія этого вопроса, который все-таки остается еще, да, вѣроятно, и останется, темнымъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаю, что стоять на одномъ этомъ начальномъ пунктѣ и не двигаться дальше, пока его не разъяснишь, было бы столь же несообразно, какъ если бы русскіе историки рѣшили не разрабатывать исторіи Россіи, пока не разъяснится спорный вопросъ о призваніи и происхожденіи варяговъ. Вѣдь не помѣшалъ же горячій и все еще нерѣшенный споръ „о началѣ Руси“ между Погодинымъ и Костомаровымъ, не помѣшалъ онъ обоимъ этимъ ученымъ заниматься разработкою позднѣйшей русской исторіи, которую они обогатили столь замѣчательными произведеніями. Какъ ни интересенъ „хазарскій вопросъ“, съ коимъ отчасти связанъ вопросъ о происхожденіи древнѣйшихъ еврейскихъ поселеній въ Россіи, намъ все-таки отнюдь не слѣдуетъ поставить въ зависимость отъ его разрѣшенія живое и великое дѣло еврейской исторіографіи, въ которой самый этотъ вопросъ составляетъ лишь одинъ пунктъ. Иначе, мы вѣчно будемъ топтаться на одномъ мѣстѣ и никогда ничего плодотворнаго не сдѣлаемъ... Правда, г. Гаркави пробовалъ было позаняться и позднѣйшей еврейской исторіей въ своемъ интересномъ „Очеркѣ Синода четырехъ странъ“ („Восходъ“ 1884 г., кн. 2—4), но и тутъ у него не хватило терпѣнія — и его очеркъ остался недоконченнымъ. Такъ-то еврейская исторіографія и осталась въ черномъ тѣлѣ, на побѣгушкахъ у археологіи и филологіи, которыя умный Бэконъ непремѣнно причислилъ бы къ лику „семи безплодныхъ дѣвъ“, еслибъ только могъ знать объ узко-схоластическомъ методѣ, отъ котораго эти науки не вполнѣ еще освободились даже въ настоящее время.

Единственный ученый, который, будучи юристомъ по спеціальности и даже *не-евреемъ* по происхожденію, все-таки довольно широко понялъ задачу русско-еврейской исторіографіи,—это профессоръ петербургскаго университета г. *С. А. Бершадскій*. Г. Бершадскій первый проникся той мыслью, что варьировать на разные лады тѣ немногіе общеизвѣстные документы и тѣ избитые выводы изъ нихъ, которые превратились въ ходячую монету со времени Чацкаго, есть дѣло праздное и что для того, чтобы воздвигнуть зданіе еврейской исторіи въ Россіи, нужно создать раньше широкій фактическій фундаментъ, т. е. нужно *собирать матеріалы*. И вотъ онъ сталъ собирать ихъ съ энергіей и рвеніемъ, съ горячей любовью къ дѣлу. Въ 1879 и 1880 г. онъ впервые обнародовалъ малую часть собранныхъ имъ документовъ, взятыхъ прямо изъ рукописныхъ актовыхъ книгъ *Кіевскаго центральнаго архива* („Матеріалы для исторіи евреевъ въ юго-западной Россіи и Литвѣ", „Еврейск. Библ.", т. VII и VIII). Эти 43 документа, относящіеся къ періоду между 1561 и 1758 гг., чрезвычайно важны для опредѣленія общественнаго положенія евреевъ въ Литвѣ и Украйнѣ въ означенный періодъ. Но это была лишь ничтожная часть собранной г. Бершадскимъ коллекціи, которая къ 1882 г. обогатилась огромною массою документовъ, извлеченныхъ изъ *Виленскаго центральнаго архива* и *Актовыхъ книгъ Метрики Литовской*. Но послушаемъ самого собирателя:

„Крайняя бѣдность литературы еврейскаго вопроса,—говоритъ онъ (повидимому, невполнѣ еще отрѣшаясь отъ *публицистической* точки зрѣнія на еврейскую исторію),—ничтожное количество актовъ о евреяхъ въ XVII и XVIII ст. и почти полное отсутствіе ихъ за XV и XVI вв. побудили меня, пять лѣтъ тому назадъ, приняться за кропотливую и мѣшкотную работу собиранія документовъ о евреяхъ въ различныхъ архивахъ. Результатомъ этихъ работъ оказалась *коллекція болѣе двухъ тысячъ документовъ, относящихся къ исторіи юридическаго и общественнаго положенія евреевъ въ Литвѣ и юго-западной Россіи, отъ временъ Витовта (1388 г.) до паденія польско-литовскаго государства*" (Предисловіе къ 1-му тому „Русско-еврейскаго архива", Спб., 1882, стр. III).

Изъ этой-то богатой коллекціи приблизительно одна треть, а

именно 662 документа, была напечатана въ первыхъ двухъ томахъ „Русско-еврейскаго архива"—прекраснаго изданія, предпринятаго „Обществомъ для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи" въ 1882 г. Съ тѣхъ поръ прошло уже больше восьми лѣтъ—и не видать ни „Русско-еврейскаго архива", ни дальнѣйшихъ документовъ изъ коллекціи г. Бершадскаго. Не хотѣлось бы думать, что „Общество" не найдетъ возможнымъ продолжать начатое изданіе. Это значило бы, что оно еще не прониклось сознаніемъ всей великой важности того дѣла, которому это изданіе должно служить.

При всемъ однообразіи и подчасъ мелочности содержанія напечатанныхъ въ *Архивѣ* „документовъ и регестъ", послѣдніе все-таки въ цѣломъ несомнѣнно проливаютъ совершенно новый свѣтъ на древнѣйшую эпоху еврейской исторіи въ Литвѣ—на экономическій и общественный ихъ бытъ отъ конца XIV до половины XVI вѣка. Будущему историку русскихъ евреевъ предстоитъ еще сдѣлать изъ этихъ документовъ надлежащее употребленіе, оживить эти сухія кости, сблизить ихъ одну къ другой, одѣть ихъ плотью и... одухотворить, возсоздать картину прошедшей жизни нашихъ отдаленныхъ предковъ. Нѣкоторое употребленіе сдѣлалъ уже изъ этихъ документовъ самъ г. Бершадскій въ своей большой магистрской диссертаціи „*Литовскіе евреи*: исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Люблинской уніи" (Спб. 1883). Правильности и систематичности изложенія въ этой книгѣ значительно помѣшала ея „диссертаціонная" форма, заставлявшая автора часто тратить слишкомъ много эрудиціи на выясненіе самыхъ мелочныхъ библіографическихъ и иныхъ недоразумѣній или спорныхъ пунктовъ. Эта форма дѣлаетъ книгу нѣсколько неудобочитаемою для обыкновенной публики; но для спеціалистовъ она—сущій кладъ, такъ какъ предметъ, въ ней затронутый, освѣщенъ разносторонне и вполнѣ научно, хотя нельзя сказать, чтобы онъ былъ авторомъ исчерпанъ. Такими же качествами отличаются и прочія, менѣе объемистыя изслѣдованія г. Бершадскаго, какъ, напр., „Исторія Виленской еврейской общины, отъ 1593 по 1648 г., на основаніи неизданныхъ источниковъ"; „Еврей король польскій: Шауль Юдичъ Валь изъ Бреста. Историческая легенда"; „Ав-

рамъ Езофовичъ, подскарбій земскій" etc. (печатались въ „Восходѣ" послѣдняго десятилѣтія и въ „Кіевской Старинѣ"). Вообще г. Бершадскій неутомимъ въ своей подготовительной исторической работѣ — и еврейская исторіографія по справедливости должна разсчитывать на будущую его неослабную дѣятельность въ томъ же направленіи, какъ на главнѣйшую свою опору.

Какъ ни широко, однако, поставилъ г. Бершадскій дѣло изслѣдованія русско-еврейской исторіи, онъ все-таки не совсѣмъ еще развернулъ ее и не вполнѣ опредѣлилъ ея объемъ. А объемъ этотъ гораздо значительнѣе, чѣмъ, повидимому, предполагаетъ даже г. Бершадскій. Ибо: 1) источники для исторіи евреевъ въ Россіи не исчерпываются государственными архивами, какъ ни велико тамъ число „актовъ" о евреяхъ, а существуетъ еще спеціально-еврейская *архивная письменность*, доселѣ еще неизслѣдованная, но не менѣе важная въ историческомъ отношеніи, чѣмъ казенные „акты", а именно старинные синагогальные *Пинкосы*, о коихъ еще подробно поговоримъ ниже; 2) кромѣ означенныхъ неизданныхъ источниковъ, имѣютъ еще немалое значеніе историческіе матеріалы, разсѣянные въ раввинской и хасидской литературахъ, въ рѣдкихъ старопечатныхъ изданіяхъ и рукописяхъ, хранящихся въ разныхъ библіотекахъ, и т. п., — о чемъ также рѣчь еще впереди; 3) сама задача еврейской исторіи заключается не въ выясненіи одного только юридическаго и экономическаго ихъ быта, но главнымъ образомъ — въ детальномъ изображеніи ихъ соціальнаго положенія въ обширномъ смыслѣ слова, ихъ внутренняго домашняго быта, ихъ духовной и религіозной жизни, словомъ — *всего* ихъ прошедшаго.

И такъ, на поставленный выше вопросъ: *существуетъ ли исторіографія русскихъ евреевъ?* — мы теперь можемъ отвѣтить: *нѣтъ*, исторіографіи въ серьезномъ смыслѣ слова у насъ не существуетъ, да и самое понятіе объ объемѣ и содержаніи русско-еврейской исторіи еще не выяснилось. Но *подготовительная работа* къ этой исторіографіи отчасти уже началась въ самое послѣднее время, въ формѣ собиранія матеріаловъ изъ русскихъ государственныхъ архивовъ. Публика, даже интеллигентная, глядитъ еще совершенно безучастно

на эту подготовительную работу, не понимая ея назначенія. Ей необходимо разъяснить—въ чемъ дѣло, къ какимъ плодотворнымъ результатамъ приведетъ собираніе историческихъ матеріаловъ. Наконецъ, самое это собираніе надобно значительно расширить и оживить, ибо, кромѣ государственныхъ архивовъ, существуетъ еще масса чрезвычайно важныхъ источниковъ русско-еврейской исторіи, совершенно неразработанныхъ, а частью и вовсе неизвѣстныхъ. Къ многосложной работѣ приготовленія историческихъ матеріаловъ настоятельно необходимо привлечь вниманіе общества, такъ какъ усиліями отдѣльныхъ, разрозненныхъ лицъ немного тутъ сдѣлаешь.

Такимъ образомъ, намъ предстоитъ въ слѣдующихъ главахъ начертать *программу русско-еврейской исторіи*, перечислить ея первоисточники и затѣмъ изложить планъ подготовительныхъ къ ней работъ, а также проектъ организаціи этихъ работъ.

V.

Объемъ и планъ русско-еврейской исторіи.

Представленіе объ объемѣ и содержаніи исторіи русскихъ евреевъ такъ еще смутно въ умахъ большинства, что я нисколько не удивлюсь, если многимъ изъ читателей вздумается вдругъ прервать мои разсужденія рѣшительными вопросами въ родѣ слѣдующихъ:

— Да что же она, наконецъ, такое—эта „русско-еврейская исторія“, о которой вы такъ хлопочете, къ возсозданію которой призываете лучшія силы интеллигенціи? Неужто мы въ самомъ дѣлѣ имѣемъ такую сложную и богатую событіями исторію, что для разработки ея нужны соединенныя усилія многихъ собирателей и ученыхъ изслѣдователей? Не много-ли чести будетъ?..

Я слышалъ такіе вопросы отъ многихъ простодушныхъ людей, съ которыми мнѣ случалось говорить о великой идеѣ возсозданія нашего прошедшаго; еще чаще читалъ я эти вопросы въ недоумѣвающихъ взглядахъ, двусмысленныхъ улыбкахъ, даже въ одобрительныхъ фразахъ тѣхъ изъ моихъ собесѣдниковъ, которые, очевидно, не больше знали о трактуемомъ предметѣ, чѣмъ тѣ простодушные люди, но не

имѣли смѣлости въ этомъ признаться. Стоитъ послушать даже тѣхъ, которые мнятъ себя „знающими", чтобы убѣдиться, какъ туманны и сбивчивы понятія о *содержаніи* русско-еврейской исторіи. Одни сводятъ все это содержаніе къ рѣзнѣ украинскихъ евреевъ въ эпохи Хмѣльницкаго и Желѣзняка, другіе—къ нѣсколькимъ граматамъ и привилегіямъ, даннымъ евреямъ польскими королями, третьи — къ „Синоду четырехъ странъ", ереси франкистовъ, хасидизму, четвертые—къ дѣятельности нѣсколькихъ выдающихся личностей, пятые—совсѣмъ начинаютъ исторію русскихъ евреевъ съ конца прошлаго вѣка—со времени присоединенія къ Россіи польскихъ областей, и т. п. Однимъ словомъ, всякій пріурочиваетъ содержаніе русско-еврейской исторіи къ одному или нѣсколькимъ громкимъ событіямъ, къ нѣсколькимъ *отдѣльнымъ* фактамъ, случайно ставшимъ ему извѣстными. При такихъ смутныхъ понятіяхъ о самой сущности дѣла, наивные вопросы, въ родѣ вышеприведенныхъ, весьма естественны—и отвѣчать на нихъ необходимо.

Убѣдительный фактическій отвѣтъ на эти вопросы съумѣетъ дать, конечно, лишь сама русско-еврейская исторія, если только ей суждено предстать современемъ, во всей своей полнотѣ, предъ удивленными взорами тѣхъ, которые нынѣ сомнѣваются даже въ ея существованіи. Теперь же возможно и нужно только разсѣять подобныя сомнѣнія, доказать, что подготовительная работа *должна* привести къ возсозданію русско-еврейской исторіи и что послѣдняя вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы для нея поработали. Предлагаемое мною историческое предпріятіе находится въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ находится всякое предпріятіе *географическое*, всякая снаряжающаяся въ путь экспедиція, идущая открывать невѣдомыя земли. Когда Бертонъ, Спикъ или Стэнли предприняли свои смѣлыя путешествія въ неизслѣдованную дотолѣ Центральную Африку, они не могли напередъ въ точности предопредѣлить всѣ тѣ великія открытія—географическія, этнографическія и натуралистическія, которыя впослѣдствіи дали намъ совершенно новыя представленія объ этой части свѣта, о ея обитателяхъ, о флорѣ и фаунѣ, и наконецъ привели къ созданію новаго, великаго въ будущемъ, государства Конго. Отправляясь въ путь, они твердо знали только одно: что, судя по всѣмъ имѣющимся даннымъ, во внутрен-

ней Африкѣ должны существовать цѣлая система горныхъ хребтовъ, озеръ и рѣкъ, цѣлые водные бассейны, связанные съ тѣми, которые были извѣстны ранѣе, обширныя группы племенъ, родственныя по расѣ и типу съ нѣкоторыми ранѣе извѣстными племенами, наконецъ—масса разновидностей животныхъ, растеній и минераловъ, которыя значительно дополнятъ и расширятъ область естествовѣдѣнія. И вотъ пошли эти отважные путешественники, имѣя въ рукахъ, въ качествѣ маршрута, такую карту Африки, гдѣ весь центральный материкъ представлялъ собою почти гладкую поверхность, на которой только тамъ и сямъ виднѣлись рѣдкіе географическіе знаки,—и когда они вернулись, то принесли съ собою карту того же центральнаго материка, сплошь испещренную всевозможными названіями „царствъ", областей, городовъ, селъ, рѣкъ, озеръ, горныхъ хребтовъ, однимъ словомъ—открыли и показали міру огромную невѣдомую область фактовъ, сразу значительно увеличившихъ прежній запасъ человѣческаго знанія.

Въ такомъ же положеніи находимся и мы, будущіе изслѣдователи русско-еврейской исторіи. Мы тоже имѣемъ передъ собою своего рода *темный материкъ* („the dark continent"—какъ англичане называли внутреннюю Африку), который предстоитъ изслѣдовать и освѣтить. Передъ нами—обширная, но неизслѣдованная историческая полоса, сплошная *tabula rasa*, на которой тамъ и сямъ лишь изрѣдка мелькаютъ одинокіе факты, составляющіе, очевидно, только ничтожныя частицы цѣлыхъ группъ фактовъ и событій, невѣдомыхъ намъ, но существующихъ и могущихъ обнаружиться путемъ изслѣдованія. За это изслѣдованіе намъ необходимо взяться. Но прежде чѣмъ пуститься въ долгій и трудный путь, нужно разсчитать его. Нужно, во первыхъ, самимъ изслѣдователямъ питать въ себѣ твердое убѣжденіе, что имъ предстоятъ важныя открытія, и показать обществу тѣ данныя, на которыхъ основано такое убѣжденіе; во вторыхъ, нужно имѣть въ рукахъ хоть приблизительную карту предстоящаго пути, долженствующую служить маршрутомъ; наконецъ, необходимо начертать програму изслѣдованій и планъ правильной ихъ организаціи. Позаймемся этимъ съ серьезностью, подобающей столь важному начинанію. Начнемъ съ обстоятельнаго разсмотрѣнія общей карты

нашего историческаго „темнаго материка“, т. е. установимъ послѣдовательный рядъ главнѣйшихъ пунктовъ русско-еврейской исторіи, могущихъ служить намъ вѣхами или указателями пути, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлимъ границы изслѣдуемой области.

Въ началѣ предыдущей главы поставлено слѣдующее опредѣленіе: „Подъ *исторіей русскихъ евреевъ* подразумѣвается исторія евреевъ во всѣхъ земляхъ, входящихъ въ составъ *нынѣшняго* русскаго государства, т. е. въ *Польшѣ*, *Литвѣ* и *всей западной Руси*“. Это опредѣленіе едва-ли нуждается во многихъ доказательствахъ. Отдѣлить исторію евреевъ въ Россіи отъ исторіи ихъ въ Польшѣ или Литвѣ—невозможно, потому что евреи всѣхъ этихъ странъ составляютъ, при всемъ различіи мѣстныхъ оттѣнковъ, одну культурно-бытовую единицу, имѣютъ одно общее прошедшее, испытали и нынѣ испытываютъ однѣ и тѣ же судьбы, жили и живутъ подъ одинаковымъ режимомъ; наконецъ—потому, что предки всѣхъ нынѣшнихъ „русскихъ“ евреевъ были польскими евреями, въ то время, когда вся нынѣшняя „черта еврейской осѣдлости“ входила въ составъ Рѣчи Посполитой, подобно тому, какъ потомки польскихъ евреевъ являются въ настоящее время евреями русскими. Измѣнились только внѣшнія политическія условія, но этнографическое единство осталось. Что же касается коренной, восточной Россіи, то вѣдь тамъ евреевъ, до присоединенія Польши, почти вовсе не было, если не считать отдѣльныхъ, случайно заброшенныхъ единицъ. И такъ, исторія евреевъ въ Польшѣ, Литвѣ и Россіи—едина и нераздѣльна.

Исторія эта, какъ уже сказано, обнимаетъ слишкомъ *восемь столѣтій*, начинаясь приблизительно съ конца XI вѣка. Время, предшествовавшее этому моменту, слѣдуетъ признать *доисторическимъ*: оно совершенно покрыто мракомъ и едва-ли когда нибудь будетъ достаточно освѣщено. Здѣсь—широкій просторъ гипотезамъ и археологическимъ изысканіямъ, но нѣтъ мѣста положительной исторіографіи. Возможно, что въ *Польшѣ* находилась и до XI в. незначительная еврейская колонія, но доказательствъ тому мы, кромѣ нѣкоторыхъ сомнительныхъ легендъ (какъ, напр., легенда объ Авраамѣ Пороховниковѣ etc.), не имѣемъ. Гораздо сложнѣе и запутаннѣе вопросъ о нахожденіи евреевъ въ самой древней *Руси* и особенно въ

столицѣ ея *Кіевѣ*, въ X и XI вѣкахъ. Этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ загадочной исторіей хазаръ. Если въ южной Руси и жили въ означенное время евреи, то это, по всей вѣроятности, были преимущественно „полу-евреи", т. е. хазары, исповѣдывавшіе іудейскую вѣру („Жидове Козарсти", какъ называетъ ихъ лѣтописецъ Несторъ). Но можно-ли считать доказаннымъ фактъ существованія еврейской колоніи въ Кіевѣ въ княженіе Владиміра Св. и Ярослава Мудраго? Есть ученые, которые не обинуясь рѣшаютъ этотъ вопросъ утвердительно [1]. Они основываются главнымъ образомъ на нѣсколькихъ неясныхъ выраженіяхъ въ старинныхъ русскихъ лѣтописяхъ, а именно: на показаніи Нестора, что въ 986 г. въ Кіевъ, вслѣдъ за болгарами и нѣмцами, пришли и „хазарскіе евреи"; на маловѣроятномъ предположеніи, будто *Лука Жидята*, епископъ новгородскій (1035 г.), происходилъ изъ евреевъ; на сказаніи Нестора, будто игуменъ Печерскій Ѳеодосій „ходилъ къ жидамъ для препираній о Христѣ" (1057—1074 г.); на нѣкоторыхъ словахъ въ проповѣдяхъ митрополита кіевскаго Илларіона (1050 г.), да еще на протестѣ митрополита Іоанна (1077 г.) противъ продажи рабовъ-христіанъ жидамъ и еретикамъ. Къ такого рода „доказательствамъ" можно причислить еще и свидѣтельство польскаго лѣтописца *Длугоша*, будто по покореніи города Кіева Болеславомъ Храбрымъ въ 1018 г. русскіе воины ограбили „нѣкоторыхъ изъ живущихъ тамъ іудеевъ" (singulos judaeorum in Kiew consistentium). Но всѣ эти „доказательства", вмѣстѣ взятыя, едва-ли достаточны даже для окончательнаго установленія мнѣнія, что въ Кіевѣ существовала въ X и XI вв. *незначительная еврейская колонія*; о постоянной же осѣдлости значительной массы евреевъ въ южной Руси въ означенное время напрасно и гадать при имѣющихся пока ничтожныхъ данныхъ.

Во всякомъ случаѣ остаются еще открытыми два вопроса: а) точно-ли жили евреи въ Польшѣ и Руси въ означенную *до-историческую эпоху* (X—XI в.)? и б) если жили, то были-ли они выходцами съ *запада* (Германіи, Венгріи

[1] Таковы: кіевскій профессоръ *Малышевскій*, авторъ книги „Евреи въ Южной Руси и Кіевѣ въ X—XII вѣкахъ" (Спб. 1878), и д-ръ *А. Я. Гаркави* въ своихъ извѣстныхъ изслѣдованіяхъ и особенно въ ст. „Русь и русское въ средневек.-евр. литературѣ" („Восходъ" 1881, кн. I).

etc.), явились-ли съ *юго-востока*, изъ Хазаріи, или же имѣли смѣшанное происхожденіе, т. е. частью западное, частью восточное?

Какъ ни рѣшены будутъ предстоящими археологическими изслѣдованіями эти безспорно важные вопросы, несомнѣнно, однако, то, что евреи впервые начали передвигаться изъ западныхъ странъ въ Польшу болѣе или менѣе значительными *массами* только начиная со времени первыхъ крестовыхъ походовъ, когда въ сосѣднихъ западно-европейскихъ земляхъ они подвергались опасности, отъ которой могли укрыться только въ привислянскомъ краѣ. Отсюда они могли проникнуть также въ центръ южной Руси—въ Кіевъ. По крайней мѣрѣ къ этому времени относится уже болѣе подробное свидѣтельство русскаго лѣтописца о томъ, что по смерти Святополка, князя кіевскаго, которому наслѣдовалъ Владиміръ Мономахъ (1113 г.), кіевляне, недовольные поборами своего покойнаго князя, разгромили мѣстныхъ евреевъ, которымъ покровительствовалъ Святополкъ во время своего княженія, повѣряя имъ собираніе доходовъ (Карамзинъ, Соловьевъ и Костомаровъ подъ означ. годомъ). Достовѣрность этого показанія подлежитъ еще сомнѣнію; но если оно когда либо подтвердится, то придется также допустить, что кіевскіе евреи начала XII в. имѣли кое-что общее съ евреями, прибывшими около этого времени въ Польшу изъ Германіи, послѣ первыхъ крестоносныхъ погромовъ. И такъ, *исходнымъ пунктомъ исторіи польско-русскихъ евреевъ можно считать приблизительно 1096 годъ* (начало крестовыхъ походовъ).

Первый періодъ нашей исторической жизни начинается съ этого момента и простирается до половины XIII вѣка (1096—1264 г.). Періодъ этотъ, какъ и вообще начальные періоды всякой исторіи, чрезвычайно теменъ и нуждается въ самыхъ тщательныхъ изслѣдованіяхъ. Пока мы изъ событій всего этого періода знаемъ только о благопріятныхъ отношеніяхъ къ евреямъ двухъ польскихъ князей изъ рода Пястовъ, а именно Мечислава III Стараго (1173 г.) и Лешка Бѣлаго (1220 г.), да еще нѣсколько разрозненныхъ фактовъ. Въ общемъ можно заключить, что въ теченіе XII и первой половины XIII в. евреи, преслѣдуемые на Западѣ позднѣйшими крестоносцами и католическимъ духовенствомъ,

постепенно прибывали и селились въ привислянскихъ земляхъ, такъ что къ 1264 г. ихъ уже было тамъ значительное число и, по крайней мѣрѣ въ великой Польшѣ, могло образоваться много крупныхъ еврейскихъ общинъ. Беремъ именно *1264 годъ*, какъ годъ изданія знаменитой Болеславовой привилегіи, надолго установившей правовое положеніе евреевъ въ Польшѣ.

Съ этого года начинается *второй періодъ* нашей исторіи, продолжающійся два съ половиною столѣтія, до вступленія на престолъ Сигизмунда I Августа (*1264—1506 г.*). Количественный ростъ еврейства въ Польшѣ и покоренныхъ ею русскихъ областяхъ быстро увеличивается. Содѣйствуютъ тому покровительственныя отношенія польскихъ князей къ евреямъ—съ одной стороны, и все болѣе усиливающіяся бѣдствія евреевъ западной Европы—съ другой. Грамата Болеслава Благочестиваго, данная евреямъ Великой Польши въ Калишѣ 14 августа 1264 г., говоритъ уже о повсемѣстномъ распространеніи евреевъ въ польскихъ земляхъ („*iudaeis nostris per totum districtum nostri dominii constitutis*"). Само содержаніе граматы предполагаетъ существованіе общинной организаціи у польскихъ евреевъ. Организація эта должна была крѣпнуть и самое число евреевъ должно было возрости благодаря льготнымъ пунктамъ Болеславовой граматы и дружелюбному отношенію къ евреямъ его преемниковъ—Владислава Локетка (о которомъ говорятъ, что онъ даже *вызывалъ* евреевъ изъ Германіи въ Польшу) и Казиміра III Великаго, торжественно подтвердившаго, въ 1343 г., грамату Болеслава. Изъ великопольскихъ областей евреи переходятъ также въ *Литву*, гдѣ къ концу XIV вѣка пріобрѣтаютъ прочную осѣдлость въ разныхъ пунктахъ (Трокахъ, Брестѣ, Луцкѣ и др.). Замѣчательная привилегія, данная евреямъ литовскимъ княземъ Витовтомъ въ 1388 г., немало содѣйствуетъ ихъ размноженію и усиленію въ этой странѣ, ставшей съ тѣхъ поръ наиболѣе спокойнымъ для нихъ убѣжищемъ. Литовскіе евреи имѣютъ не только религіозно-общинную организацію, но и свое довольно широкое внутреннее самоуправленіе, т. е. составляютъ опредѣленную единицу въ государствѣ. По мѣрѣ объединенія Литвы и Польши подъ скипетромъ Ягеллоновъ, положеніе евреевъ въ обѣихъ странахъ уравнивается. Въ продолженіе XV-го вѣка это положеніе

въ общемъ не измѣняется, только изрѣдка начинаетъ уже проявляться религіозная нетерпимость къ евреямъ, навѣянная съ Запада. Такъ, король Казиміръ Ягеллонъ, подъ вліяніемъ фанатическаго странствующаго монаха Капистрано, отмѣняетъ въ 1454 г. всѣ привилегіи евреямъ, данныя его предками и подтвержденныя ранѣе имъ самимъ, а его преемникъ великій князь литовскій Александръ изгоняетъ изъ Литвы многихъ евреевъ, не пожелавшихъ принять христіанство (1495 г.). Однако, это были только временныя вспышки. Казиміръ вновь возвращаетъ евреямъ свое благоволеніе и въ продолженіе остальныхъ лѣтъ своего долгаго царствованія постоянно пользуется ихъ услугами въ качествѣ королевскихъ откупщиковъ, арендаторовъ, вообще „нужныхъ людей“ [1]. Князь Александръ также скоро перелагаетъ гнѣвъ на милость и въ 1503 г., будучи уже польскимъ королемъ, допускаетъ обратно въ Литву изгнанныхъ имъ оттуда за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ евреевъ, которые въ эти годы изгнанія пріютились въ сосѣднихъ великопольскихъ областяхъ. Старыя привилегіи вновь подтверждаются и еврейская жизнь входитъ въ свою прежнюю колею.

Третій періодъ еврейской исторіи въ Польшѣ, Литвѣ и западной Руси начинается со вступленія на престолъ преемника Александра—короля Сигизмунда I и кончается возстаніемъ казаковъ при Хмѣльницкомъ (*1506—1648 г.*). Эта эпоха наибольшаго процвѣтанія всей Рѣчи Посполитой была *золотымъ вѣкомъ* и въ исторіи польско-литовскихъ евреевъ. Экономическое положеніе евреевъ, въ качествѣ купцовъ, поссесоровъ, откупщиковъ, ремесленниковъ и землевладѣльцевъ, значительно улучшается, общественная организація усложняется вмѣстѣ съ быстрымъ ростомъ населенія, внутреннее самоуправленіе расширяется. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ самобытная умственная культура, распространяется изученіе Талмуда въ массѣ спеціальныхъ школъ, высшихъ и низшихъ, синагога дѣлается центромъ духовной жизни, появляются выдающіеся раввины и комментаторы Талмуда (Магаршалъ, Рамо, Магарамъ, Магаршо, Шахъ и пр.), создается центральный органъ „Синодъ четырехъ странъ“, играющій роль сейма и высшаго судилища, — вообще

[1] См. „Русско-еврейскій архивъ“, т. I, №№ 5—24, между 1463 и 1490 г.

народъ живетъ полною жизнью. Конечно, экономическое положеніе евреевъ въ ту эпоху, какъ ни выгодно было оно для послѣднихъ, отнюдь нельзя признать нормальнымъ, такъ какъ оно было основано на началахъ абсолютнаго крѣпостничества и безграничной панской власти надъ хлопами. Часть этой власти получили евреи, какъ среднее сословіе, что подняло ихъ значеніе въ государствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ привело впослѣдствіи къ ужасной украинской катастрофѣ 1648 г. Отношенія къ евреямъ шляхты и мѣщанъ въ городахъ также не представляютъ ничего отраднаго. Шляхта пользовалась евреями, насколько послѣдніе были ей нужны, но въ общемъ относилась къ нимъ съ высокомѣрнымъ *презрѣніемъ*. Мѣщане и цехи въ городахъ *ненавидѣли* евреевъ, какъ конкуррентовъ, и то и дѣло тягались съ ними, причемъ нерѣдко доходило даже до кровавыхъ столкновеній[1]. Евреи были уже настолько крѣпки, что могли противустоять нападеніямъ, но они сами, вѣроятно, не замѣчали, что стоятъ на опасной вулканической почвѣ... Впрочемъ, здѣсь не мѣсто входить въ оцѣнку историческихъ фактовъ. Для насъ пока важно знать общую физіономію разсматриваемаго періода, который нынѣ еще мало изслѣдованъ, но въ виду значительной массы документовъ, уже открытыхъ и имѣющихъ быть открытыми, можетъ быть разъясненъ вполнѣ. *Здѣсь историческое повѣствованіе впервые вступитъ въ свои права*, такъ какъ оно будетъ основано на почти непрерывномъ рядѣ документальныхъ данныхъ. Характеръ этихъ данныхъ будетъ подробно выясненъ въ слѣдующей главѣ.

Еще обильнѣе фактическимъ матеріаломъ слѣдующій, *четвертый періодъ* исторіи польско-русскихъ евреевъ. Періодъ этотъ начинается катастрофою *1648 г.* и кончается первымъ раздѣломъ Польши *1772 г.* Король Янъ Казиміръ, въ своемъ универсалѣ отъ 1658 г., мѣтко опредѣлилъ взаимныя отношенія народностей въ Рѣчи Посполитой въ то время слѣдующими словами: *„Если что въ нашемъ государствѣ производитъ наибольшія замѣшательства, такъ это внутренняя ненависть между подданными.*

---

[1] См. „Акты Вилен. археогр. коммиссіи“, т. V и VI, и прочіе „Акты“ и „Архивы“ etc.

Эти вѣщія слова могли бы служить эпиграфомъ ко всей исторіи Польши въ названный періодъ. Взаимный антагонизмъ народностей Рѣчи Посполитой роковымъ образомъ отразился на судьбѣ евреевъ, въ жизни которыхъ, съ половины XVII вѣка, наступаетъ полоса сплошного мрака. Вулканическая почва Украйны, гдѣ сосредоточилось наибольшее число евреевъ, обнаружила свои гибельныя свойства. Ненормальное, но вынужденное обстоятельствами экономическое положеніе евреевъ, стоявшихъ между хлопствомъ и панствомъ, привело къ тому, что въ моментъ казацкаго возстанія евреи очутились „между молотомъ и наковальней". Ихъ, конечно, раздавили. Десятки тысячъ евреевъ погибли въ страшные годы (1648—1655). Отъ многочисленнаго еврейскаго населенія Украйны уцѣлѣла едва *одна десятая часть*. Соединившаяся съ Россіей казацкая часть Украйны извергла изъ себя евреевъ,—можетъ быть, ко благу послѣднихъ. Въ остальной части Украйны они продолжали жить,—къ несчастью, на тѣхъ же ненормальныхъ началахъ, что прежде,—только страшно обнищали и опустились во всѣхъ отношеніяхъ. Не столь грустное зрѣлище представляетъ собственная Польша и Литва, которыя только немного пострадали отъ казацкихъ сатурналій и отъ прохожденія побѣдоносныхъ русскихъ войскъ. Здѣсь общественное и духовное развитіе евреевъ продолжается, хотя и съ весьма характерными уклоненіями въ сторону. Испытанное общее горе вызываетъ обособленіе. Власть кагала и духовенства усиливается; „Синодъ четырехъ странъ" и раввинскіе съѣзды въ Литвѣ функціонируютъ въ качествѣ высшихъ духовныхъ трибуналовъ. На югѣ зарождается сильное мистическое теченіе, связанное сначала съ палестинской Каббалой, съ мессіанствомъ Саббатая Цеви, и наконецъ стремящееся овладѣть умами въ видѣ вѣроученія. Является *хасидизмъ*, достигающій въ короткое время невѣроятнаго распространенія на югѣ, западѣ, и даже на сѣверѣ... Вновь омрачающійся на югѣ горизонтъ еще болѣе благопріятствуетъ усиленію мистическаго настроенія въ массахъ. Гайдамачина (1734—1768 г.) и ея кровавый финалъ—„уманьская рѣзня" снова напоминаютъ злосчастнымъ южнымъ евреямъ, что страшный вулканъ, куда они были заброшены волею судебъ, еще не погасъ... Вслѣдъ за тѣмъ совершается то событіе, которое послужило нача-

ломъ превращенія польскихъ евреевъ въ русскихъ. Часть Польши (Бѣлоруссія) отходитъ въ 1772 г. къ Россіи вмѣстѣ со всею массою жившихъ въ ней евреевъ. Государство, дотолѣ гнавшее евреевъ „за рубежъ" и не впускавшее ихъ въ свои предѣлы „ни подъ какими образы", вдругъ „обогатилось" многочисленнымъ еврейскимъ населеніемъ. Но это было только началомъ.

Окончательный переходъ евреевъ Рѣчи Посполитой въ составъ русскаго государства совершается въ теченіе *пятаго періода* или „періода раздѣловъ", обнимающаго короткое время между *1772 и 1795 гг.* Общая физіономія этого періода въ еврейской исторіи слѣдующая: двоевластіе внѣшнее, политическое, смутное ожиданіе перемѣнъ; кагально-раввинскій режимъ еще держится, но чуетъ свой конецъ; въ духовной жизни продолжаетъ свои завоеванія хасидизмъ, сталкивающійся съ раввинизмомъ въ смертельной борьбѣ, приводящей къ религіозному расколу. Умирающая Польша, незадолго до послѣдней агоніи, вдругъ ободряется и переживаетъ чудный, но короткій „свѣтлый промежутокъ". Въ ней просыпается совѣсть, она вдругъ постигаетъ все безобразіе положенія, въ которое она поставила евреевъ,—и въ конституціи 3-го мая (1791 г.) она возвращаетъ послѣднимъ отнятое у нихъ человѣческое достоинство. Но это было только обманчивое предсмертное оживленіе. Евреямъ на востокѣ Европы не суждено было такъ скоро воскреснуть для новой свободной жизни, какая тогда наступила для ихъ французскихъ единовѣрцевъ...

Съ *1795 г.* начинается исторія евреевъ „Государства Россійскаго". Возникаетъ роковой, донынѣ еще неразрѣшенный „еврейскій вопросъ". Цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ законодательныхъ экспериментовъ направленъ къ тому, чтобы такъ или иначе рѣшить этотъ вопросъ. Консервативное отношеніе къ евреямъ Екатерининскаго и Павлова царствованій смѣняется либеральными мѣропріятіями начала царствованія Александра I, которыя позже опять уступаютъ мѣсто строго-ограничительной политикѣ, достигающей въ тридцатилѣтіе 1825 — 1855 гг. своего апогея. Что было потомъ—мы всѣ знаемъ... Но

...возъ и нынѣ тамъ.

Это финалъ всѣхъ усилій рѣшить „еврейскій вопросъ“ не на основаніи гуманныхъ началъ (тогда и самаго вопроса не стало бы), а на основаніи началъ утилитарныхъ... Нельзя, однако, сказать того же о внутреннемъ бытѣ и умственномъ ростѣ русскихъ евреевъ. За послѣднія сто лѣтъ нашъ старинный патріархальный бытъ, общественный складъ и литература, какъ мѣрило жизни духовной, перетерпѣли самыя сложныя метаморфозы, смыслъ и значеніе которыхъ предстоитъ выяснить будущему историку.

Такова общая *карта пути*, предстоящаго изслѣдователямъ исторіи русскихъ евреевъ. Эта карта, какъ уже сказано, весьма неполна и недостаточна, но болѣе подробной мы не можемъ имѣть при нынѣшнемъ состояніи нашей исторической науки. Когда намъ удастся снарядить упомянутую „историческую экспедицію“, когда мы энергично возьмемся за изслѣдованіе всей темной области нашего прошедшаго,—тогда карта нашего историческаго пути получитъ совсѣмъ другую физіономію: пустыя мѣста будутъ заполнены массою многозначительныхъ названій, откроются невѣдомые намъ теперь истоки и устья многихъ историческихъ теченій, обнаружатся длинныя цѣпи фактовъ, изъ коихъ нынѣ имѣются у насъ лишь отдѣльныя звенья. Тогда общій планъ нашей исторіи представитъ нѣчто полное и законченное. Но вѣдь этой цѣли нельзя достигнуть иначе, какъ предварительнымъ изслѣдованіемъ нашего историческаго пути, а пуститься въ путь безъ всякаго маршрута тоже нельзя. Стало быть, нуженъ предварительный планъ, хотя бы самый краткій и несовершенный. Такой приблизительный планъ или маршрутъ я, по силѣ разумѣнія, представилъ интересующимся читателямъ.

VI.

Источники русско-еврейской исторіи и способы изслѣдованія ихъ.

Конечно, съ однимъ маршрутомъ въ карманѣ далеко не уѣдешь: надо имѣть еще кое-что посущественнѣе. Нужно имѣть наготовѣ не только планъ пути, но и *планъ дѣятельности*, изысканій на этомъ пути. Нужно знать, что дѣлать и какими средствами осуществить предпріятіе, что и гдѣ собирать или изслѣдовать. Съ чего же именно начать

изслѣдованіе русско-еврейской исторіи, гдѣ искать матеріаловъ для нея,—короче: гдѣ источники нашей исторіи?

Такіе источники существуютъ; ихъ даже немало. Нужно только откопать ихъ, обнаружить все скрытое въ нихъ богатство. Предварительно же необходимо назвать ихъ, сдѣлать точную ихъ классификацію и опредѣлить порознь ихъ значеніе.

Самымъ существеннымъ и достовѣрнымъ источникомъ для исторіи польско-русскихъ евреевъ слѣдуетъ считать:

А. Старинные «Пинкосы» еврейскихъ обществъ.

Пинкосъ (פנקס) — это рукописная памятная или актовая книга какого либо еврейскаго общества, учрежденія, общиннаго союза или религіознаго братства. Оффиціальнымъ языкомъ въ такихъ книгахъ былъ древне-еврейскій, съ примѣсью раввинскаго діалекта. Въ мѣстахъ еврейской осѣдлости „Пинкосы" обязательно имѣли: 1) *кагальныя управленія* до упраздненія ихъ въ 1844 г. (פנקס הקהל), и 2) *погребальныя братства*, какъ важнѣйшее изъ еврейскихъ общинныхъ учрежденій (פנקס חברה קדישא). Этого рода „Пинкосы" имѣлись во всѣхъ безъ исключенія городахъ и мѣстечкахъ съ еврейскимъ населеніемъ, такъ какъ вездѣ существовали кагалы (или „прикагалки") съ соотвѣтствующими „управленіями" (*кагальная изба*), а также погребальныя братства. Но кромѣ того въ разныхъ мѣстахъ, особенно же въ большихъ благоустроенныхъ общинахъ, имѣли свои особыя памятныя книги разныя общественныя учрежденія, какъ, напр., „*Благотворительные союзы*", „*Общества попеченія о больныхъ*", „*Союзъ провожателей покойниковъ*" (חברות צדקה גדולה, בקור חולים, לויה) и т. п. Не рѣдко же, въ одномъ и томъ же городѣ вели свои особыя „лѣтописи" разныя *синагоги*.

Болѣе общее значеніе имѣютъ актовыя книги еврейскихъ центральныхъ учрежденій въ старинной Рѣчи Посполитой, а именно: 1) *областныхъ кагальныхъ управленій*, находившихся въ крупныхъ центрахъ и вѣдавшихъ общія дѣла евреевъ цѣлаго края (פנקסי המדינה) [1]; 2) „*Синода четы-*

[1] Такія центральныя управленія существовали въ XVII и XVIII в. въ Литвѣ, Бѣлоруссіи, Волыни. Послѣ 1772 г. ихъ функціи перешли, повидимому, къ

рехъ странъ", игравшаго въ продолженіе двухъ столѣтій (1570—1764) роль чрезвычайнаго еврейскаго сейма и высшаго трибунала (מנקס דועד ד' ארצות) [1]; 3) литовскихъ раввинскихъ съѣздовъ, функціонировавшихъ съ 1623 по 1761 г. [2].

Когда именно возникло и упрочилось дѣло веденія Пинкосовъ въ еврейскихъ обществахъ—опредѣлить пока невозможно. Мы знаемъ о существованіи кагальныхъ памятныхъ книгъ, относящихся къ началу XVIII в., въ разныхъ общинахъ Литвы. Большинство сохранившихся книгъ относится къ XVIII вѣку [3]. Но въ нихъ встрѣчаются ссылки на гораздо болѣе ранніе Пинкосы. Въ памятной книгѣ погребальнаго братства одной бѣлорусской общины я даже нашелъ ссылку на „древній Пинкосъ, на которомъ значилась дата: 1398 г." [4]. Это допускаетъ предположеніе, что регистрація общественныхъ дѣлъ установилась еще въ очень ранній періодъ нашей исторіи. Причина чрезвычайной рѣдкости очень старыхъ Пинкосовъ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что ихъ не умѣли хранить какъ слѣдуетъ. По мѣрѣ того какъ старые Пинкосы исписывались или приходили въ ветхость, ихъ замѣняли новыми, куда изрѣдка вносились важнѣйшія записи изъ старыхъ, упраздненныхъ книгъ. О сохраненіи послѣднихъ мало заботились—и они по большей части безслѣдно исчезали. Сверхъ того масса старинныхъ Пинкосовъ истреблена пожарами, наводненіями, по-

---

узаконеннымъ русскимъ правительствомъ „губернскимъ кагаламъ". Что у нихъ были свои актовыя книги, видно изъ ссылокъ на послѣднія въ ординарныхъ „кагальныхъ" Пинкосахъ.

[1] „Синодъ четырехъ странъ", состоялъ изъ представителей четырехъ областей: Великой и Малой Польши, Червонной Руси и Литвы. Нѣкоторыя его постановленія дошли до насъ изъ вторыхъ рукъ. Актовыя же книги „Синода", заключающія полный ихъ перечень, пока еще не открыты. Выражаютъ опасеніе, что онѣ давно пропали. Дѣйствительно-ли это такъ, или есть еще надежда отыскать хоть часть этого драгоцѣннаго историческаго сокровища—покажутъ будущіе розыски.

[2] Одинъ довольно обширный Пинкосъ, содержащій рядъ постановленій литовскихъ раввинскихъ съѣздовъ (болѣе 1000 документовъ) отъ 1623 до 1761 г., сохранился донынѣ—и копію съ него мнѣ удалось видѣть. Нѣкоторыя извлеченія изъ него помѣщены въ ежегодникѣ כנסת ישראל, т. II, и въ книгѣ עיר תהלה („Исторія еврейской общины въ Брестѣ").

[3] По крайней мѣрѣ почти всѣ видѣнные мною въ подлинникахъ Пинкосы относятся къ этому именно вѣку. Древнѣйшій изъ имѣющихся у меня кагальныхъ Пинкосовъ начинается съ 1702 г. Изъ болѣе старинныхъ извѣстны мнѣ лично только подлинники кагальныхъ книгъ городовъ Кейданы и Биржи, да еще вышеупомянутая копія съ Пинкоса литовскихъ раввинскихъ съѣздовъ.

[4] Ср. ст. „Изъ еврейской старины", Восходъ 1889 г., кн. I, стр. 176, примѣч.

громами, войнами такъ богата наша исторія. Такъ погибли Пинкосы врупнѣйшихъ общинъ Литвы — Вильны, Бреста и Гродно и множества другихъ болѣе мелкихъ общинъ. Въ Украинѣ же, вслѣдствіе смутъ XVII и XVIII вв., ихъ погибло, вѣроятно, гораздо больше. Но все-таки много такихъ драгоцѣнныхъ документовъ еще осталось и нынѣ лежитъ подъ спудомъ въ разныхъ градахъ и весяхъ „черты осѣдлости".

Изъ обыкновенныхъ общинныхъ актовыхъ книгъ наиболѣе существенный матеріалъ для исторіи даютъ книги кагальныхъ управленій и, въ меньшей степени, погребальныхъ братствъ. Кагальныя книги имѣютъ одинъ общій типъ, выработанный, повидимому, долговременною практикою. На первомъ мѣстѣ въ такихъ книгахъ, на цѣломъ рядѣ листовъ, помѣщались списки кагальныхъ представителей и должностныхъ лицъ, избиравшихся ежегодно въ промежуточные дни Пасхи. Далѣе идутъ: раскладки налоговъ, преимущественно чрезвычайныхъ, на болѣе состоятельныхъ обывателей, купчія на недвижимыя имущества, счеты по долговымъ обязательствамъ кагала, судебныя рѣшенія по имущественнымъ тяжбамъ, акты о назначеніяхъ раввиновъ, священнослужителей и прочихъ синагогальныхъ чиновъ, заявленія частныхъ лицъ о потеряхъ, находкахъ и т. п. Важнѣйшую, но количественно меньшую часть Пинкосовъ составляютъ протоколы чрезвычайныхъ засѣданій кагаловъ и ихъ постановленій по общимъ дѣламъ. Постановленія такого рода обыкновенно опредѣляютъ общинные и синагогальные порядки, подтверждаютъ или измѣняютъ прежніе законы и обычаи внутренняго управленія, налагаютъ извѣстныя обязанности на лицъ даннаго сословія и общественнаго положенія, наконецъ исключаютъ изъ общества, въ силу „херема", лицъ непокорныхъ кагалу, тяжкихъ грѣшниковъ или еретиковъ. Еще важнѣе (и еще меньше объемомъ) та часть Пинкосовъ, въ которой записывались „на память грядущимъ поколѣніямъ" крупныя историческія событія, какъ, напр., случаи постигшихъ общину несчастій (погромы, гоненія, военныя опустошенія) или избавленія отъ бѣдствій [1].

Изъ этого краткаго опредѣленія содержанія Пинкосовъ

[1] Образцы подобныхъ документовъ приведены уже мною въ цитированной выше статьѣ „Изъ еврейской старины", въ указанномъ мѣстѣ.

легко усмотрѣть, какой богатый и неоцѣнимый матеріалъ для исторіи евреевъ, для изученія ихъ быта, нравовъ, экономическаго положенія и общественнаго самоуправленія заключается въ этихъ книгахъ. Прибавьте къ сему *безусловную правдивость* содержащихся въ нихъ документовъ, которые записывались запросто pro domo sua, безъ намѣренія печатать или оглашать ихъ за предѣлами данной общины, безъ канцелярскаго крючкотворства и безо всякихъ заднихъ мыслей—и вы поймете, какой по-истинѣ неисчерпаемый родникъ историческихъ фактовъ кроется въ этой громадной массѣ рукописей, число коихъ доходитъ, быть можетъ, до нѣсколькихъ тысячъ томовъ,—въ этой грудѣ древнихъ хартій, гдѣ заключена, какъ въ гробу, длинная полоса нашего прошедшаго, почти все пережитое нами за послѣднія столѣтія въ сферѣ внутреннихъ отношеній и общественной дѣятельности.

Какъ же мы пользуемся этими *естественными богатствами* нашей исторіи? Такъ, какъ могъ бы пользоваться подобными сокровищами самый невѣжественный, самый темный народъ, не имѣющій ни самобытнаго прошедшаго, ни литературы, ни вообще духовной жизни. Мы оставляемъ наши „памятныя книги“ гнить тамъ, куда онѣ случайно заброшены рукою времени: въ домахъ частныхъ лицъ, не знающихъ имъ никакой цѣны, на запыленныхъ полкахъ съ книгами, въ темныхъ кладовыхъ, въ бѣдныхъ лачугахъ, между разною рухлядью, въ кучахъ ветхой печатной бумаги, покоющихся въ дальнемъ углу синагогъ, даже на чердакахъ, среди разнаго мусора, гдѣ надъ нашими историческими памятниками прилежно работаютъ настоящіе „буквоѣды“, въ образѣ крысъ и мышей. Въ „помѣщеніяхъ“ послѣдняго рода находятъ вѣчное себѣ упокоеніе самые старинные, ветхіе Пинкосы, выброшенные нѣкогда „за негодностью“; понятно, что при такомъ способѣ „храненія“ отъ нихъ остаются лишь жалкія лоскутья. Болѣе поздніе Пинкосы сохраняются нѣсколько лучше: толпа цѣнитъ древнія хартіи, какъ всякое „имущество“: что поновѣе да попрочнѣе, то дороже. Есть еще одно обстоятельство, которое до нѣкоторой степени содѣйствовало и содѣйствуетъ сохраненію такого рода Пинкосовъ. Дѣло въ томъ, что, по издавна существующему обычаю, Пинкосы отдаются на храненіе мѣст-

ному раввину, старостѣ синагоги или старшинѣ погребальнаго братства, какъ своего рода регаліи, которыя находятся въ рукахъ такихъ лицъ, пока они состоятъ на службѣ и сохраняютъ свое званіе; по смерти ихъ или увольненіи отъ должностей эти регаліи передаются ихъ замѣстителямъ въ означенныхъ духовныхъ и общественныхъ должностяхъ. Иногда къ старымъ Пинкосамъ пришиваются новые листы, на которыхъ записываются отчеты по текущимъ дѣламъ синагогальнаго союза или погребальнаго братства большею частью—о денежныхъ суммахъ, о доходахъ и расходахъ etc.). Все это заставляетъ тѣхъ общественныхъ представителей, въ чьихъ рукахъ находятся Пинкосы, не только хранить ихъ, но даже тщательно прятать, такъ какъ обыкновенно такіе люди, стоящіе у кормила правленія, имѣютъ въ общинѣ многихъ враговъ въ лицѣ приверженцевъ оппозиціи, и боятся потерять свои регаліи — знаки общественнаго довѣрія и служебныхъ полномочій. Конечно, это обстоятельство, содѣйствовавшее сохраненію многихъ Пинкосовъ, нынѣ нѣсколько затрудняетъ пользованіе ими для историческихъ цѣлей, такъ какъ охраняющіе ихъ церберы не такъ-то легко выпустятъ ихъ изъ рукъ, особенно для какихъ-то „богопротивныхъ" научныхъ цѣлей. Однако, съ такими препятствіями можно было бы справиться при извѣстной настойчивости. Гораздо больше энергіи и трудовъ потребуется для отысканія тѣхъ, еще болѣе важныхъ, *старинныхъ* Пинкосовъ, которые, какъ уже сказано, валяются на разныхъ чердакахъ, въ мусорныхъ кучахъ, или въ не болѣе удобныхъ грязныхъ жилищахъ, среди разной рухляди и ветоши. Эти рукописи гніютъ, изъѣдаются мышами, истребляются невѣжественными домашними или дѣтьми, отрывающими отъ нихъ листъ за листомъ для разныхъ надобностей, словомъ — съ каждымъ годомъ исчезаютъ и пропадаютъ для исторіи, для которой должны были бы служить важнѣйшимъ строительнымъ матеріаломъ. Въ моихъ рукахъ имѣются три такихъ Пинкоса, изъ коихъ только одинъ случайно найденъ въ „библіотекѣ" одного стараго талмудиста, на открытой нижней полкѣ, почти на самомъ полу, среди изорванныхъ старо-печатныхъ книгъ, покрытыхъ вѣковою пылью; толстая фоліантовая рукопись оказалась истрепанною и со сгнившими наружными листами; другой Пин-

кость, или, точнѣе, жалкій остатокъ онаго, оказался въ бѣдной лачужкѣ меламеда, гдѣ-то на нарахъ, за печкою, въ разномъ тряпьѣ; третій доставленъ мнѣ въ видѣ кучи отдѣльныхъ листовъ, отъ коихъ нерѣдко оторваны большіе куски, да и оставшееся скомкано, измарано и всячески растерзано...

Такъ поступаетъ съ нашими древними историческими памятниками „чернь непросвѣщенная". Еще хуже относится къ нимъ интеллигенція, которая ихъ просто знать не хочетъ. Вмѣсто того, чтобы собирать эти рукописныя сокровища, стараться публиковать ихъ, обогащать ими нашу убогую и жалкую литературу, которая въ большей своей части сводится къ пустѣйшей фразеологіи, — наши провинціальные „Gebildete" прямо лѣзутъ въ періодическую печать, занимаются сочиненіемъ бездарныхъ стиховъ, разсказовъ, глупыхъ газетныхъ фельетоновъ, переполненныхъ „мелицою", — вообще самымъ непроизводительнымъ трудомъ. Что же касается высшихъ слоевъ интеллигентнаго общества, вдохновителей или руководителей нашей „серьезной" печати, то среди нихъ преобладаетъ не только равнодушіе къ дѣлу обнародованія упомянутыхъ историческихъ памятниковъ, но даже нѣкоторое *предубѣжденіе* противъ этого дѣла. И знаете-ли, чѣмъ вызвано такое предубѣжденіе? Опасеніемъ, что обнародованіе старинныхъ, преимущественно кагальныхъ Пинкосовъ побудитъ юдофобскую печать усилить свои крики о кагалѣ, о еврейскомъ status in statu etc.! Такъ говорили мнѣ нѣкоторые изъ нашихъ писателей и ученыхъ. Да вотъ и фактъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ издатель еврейской газеты дерзнулъ и объявилъ передъ подпискою, что дастъ читателямъ своей газеты, въ видѣ преміи, сборникъ постановленій литовскихъ раввинскихъ съѣздовъ XVII и XVIII в., впервые напечатанный съ сохранившейся рукописи. Спустя нѣкоторое время, уже послѣ новогодней подписки, въ той же газетѣ появляется новое объявленіе, гдѣ редакція выражаетъ сожалѣніе, что не могла исполнить даннаго обѣщанія, ибо хотя „Литовскій Пинкосъ" начатъ уже печатаніемъ, но „важныя соображенія, клонящіяся ко благу еврейства", заставили ее, редакцію, во-время одуматься, пріостановить печатаніе и отказаться отъ мысли обнародованія историческаго матеріала, который можетъ дать нашимъ врагамъ поводъ къ

новымъ нападкамъ [1]... И такъ думаютъ многіе, отъ которыхъ зависитъ святое дѣло спасенія отъ забвенія нашего прошедшаго! Низменнѣе и глупѣе такого рода отношенія къ дѣлу я не могу себѣ и представить. Такое поведеніе возможно только у народа, окончательно потерявшаго чувство чести и свободы, у народа—раба, насквозь пропитаннаго холопскимъ духомъ, низкою трусостью, лакейскимъ желаніемъ всѣмъ угодить. Какъ прятать свое прошедшее изъ опасенія, что оно не понравится какимъ нибудь жалкимъ проходимцамъ и ничтожнымъ газетнымъ крикунамъ, торгующимъ юдофобіей! Прятать и таить нашу исторію, нашу *народную восьмивѣковую исторію*, изъ боязни, что скажутъ на это, что подумаютъ разные борзописцы, какъ восполь, зуются ею для своихъ цѣлей безнравственные публицисты-задавшіеся цѣлью—всѣми способами вредить намъ въ глазахъ русскаго общества и русскаго правительства! Еслибъ даже было и такъ, еслибъ опубликованіе нашихъ историческихъ памятниковъ дѣйствительно могло навлекать на насъ разныя обвиненія, причинить намъ непріятности, огорченія, даже прямо зло, — то и тогда простое самоуваженіе не должно было бы допустить насъ отказаться отъ такого священнаго дѣла, какъ раскрытіе судебъ нашего прошлаго изъ временныхъ политическихъ соображеній, жертвовать исторіей ради дипломатіи, самосознаніемъ ради минутной выгоды. Но

[1] Возникновеніе вышеупомянутаго предразсудка противъ публикаціи Пинкосовъ относится, мнѣнію, къ 1870 г., когда появилось первое изданіе „Книги Кагала“ Брафмана, вызвавшей нападки на евреевъ въ юдофобской печати и обвиненія въ тайномъ существованіи у нихъ кагала. Брафманъ основывалъ свои лживыя выдумки о функціяхъ кагала въ настоящее время на подлинныхъ актахъ, взятыхъ изъ Пинкоса г. Минска и относящихся ко времени между 1794 и 1841 г., т. е. къ эпохѣ *легальнаго* существованія кагала, упраздненнаго закономъ лишь въ 1844 г. Отсюда—страхъ передъ всякими Пинкосами у нашихъ боязливыхъ угодниковъ. Но неужели эта передержка Брафмана, который изъ *старинныхъ* документовъ сдѣлалъ выводы, относящіеся къ гораздо *позднѣйшему* времени, компрометируетъ дѣло публикаціи Пинкосовъ, какъ *историческихъ* документовъ? Вѣдь всякій мало-мальски порядочный читатель, даже не изъ евреевъ, можетъ съ перваго взгляда замѣтить въ „Книгѣ Кагала“ преднамѣренный обманъ: попытку выдавать историческіе документы за современные, и разсчетъ, что простодушная публика не замѣтитъ хронологіи документовъ. Первая часть сочиненія Брафмана (выводы), конечно, есть сплошная и легко опровержимая клевета; но вторая ея часть, содержащая свыше тысячи пинкосныхъ документовъ, является по-истинѣ услугою еврейству, котораго она не только ничуть не компрометируетъ, а, напротивъ, оказываетъ ему существенную услугу. Подлинность собранныхъ въ ней документовъ не подлежитъ сомнѣнію, только русскій переводъ ихъ требуетъ нѣкоторой провѣрки. Во всякомъ случаѣ, весьма прискорбно, что прикосновеніе нечистыхъ Брафманскихъ рукъ къ дѣлу столь высокому, какъ публикація Пинкосовъ, осквернила самое это дѣло въ глазахъ нѣкоторыхъ пугливыхъ нашихъ „дѣятелей“.

вѣдь на самомъ дѣлѣ всѣ подобныя трусливыя опасенія совершенно напрасны. Скрывать тотъ фактъ, что мы, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, имѣли свое широкое внутреннее самоуправленіе, свои кагалы, суды, синоды—было бы нелѣпо и безсмысленно: во первыхъ, потому, что этотъ фактъ общеизвѣстенъ въ исторіи, и во вторыхъ, потому, что онъ не только не унижаетъ насъ, но дѣлаетъ намъ честь. Пользоваться внутреннимъ самоуправленіемъ и извѣстною общественною независимостью могутъ только народы болѣе или менѣе культурные, одаренные самобытными духовными качествами и умѣющіе сами устраивать свою жизнь на собственныхъ началахъ. Безличныя и нищія духомъ племена всегда прилѣпляются къ болѣе сильнымъ и развитымъ народамъ, ибо не способны поддерживать у себя независимое внутреннее управленіе. Евреи же съумѣли удержать за собою самоуправленіе при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ: подъ безалаберным польскимъ режимомъ, при вѣчныхъ смутахъ, погромахъ, рѣзняхъ и гоненіяхъ, которыхъ они часто были жертвами, при всеобщемъ къ нимъ презрѣніи или ненависти... Люди придавленные, отверженные, униженные, разсѣянные среди чуждыхъ имъ и враждебныхъ народностей, но крѣпкіе силою духа, съумѣли объединиться и урегулировать свой общественный строй на оригинальныхъ началахъ,—развѣ это не величественное зрѣлище? Хороши или дурны эти начала съ нашей современной точки зрѣнія — это другой вопросъ, касающійся однихъ только евреевъ и никого другого. Если кагальное управленіе, особенно въ послѣдній періодъ своего существованія, вырождалось часто въ деспотизмъ, — то отъ этого деспотизма страдала только бѣдная еврейская масса. Если же кагалъ въ прежнія времена всею силою своей власти отстаивалъ интересы евреевъ и тѣ ничтожныя человѣческія права, которыя, изъ милости или за деньги, были дарованы имъ разными властями, — то въ этомъ состояла его прямая, священная обязанность: безъ этого единенія силъ, вполнѣ естественнаго между братьями по вѣрѣ, духу и страданіямъ, безъ солидарности, евреи, пожалуй, давно исчезли бы съ лица земли. Никто не хочетъ отдать себя на съѣденіе, всякій борется за свою жизнь; боролись, насколько могли, и евреи, въ лицѣ своихъ представительныхъ управленій. Ихъ въ теченіе вѣковъ отдѣлили отъ общей государственной

жизни, отрѣзали отъ общихъ интересовъ, лишили въ значительной степени покровительства общихъ законовъ—и они отдѣлились, и управлялись своими законами (ибо культурный народъ не можетъ существовать безъ правильной общественной организаціи), что отнюдь не можетъ быть поставлено имъ въ вину, а скорѣе—въ заслугу.

И такъ, *винить* евреевъ за ихъ вѣковое самоуправленіе, во всякомъ случаѣ, не приходится: это значило бы привлечь на скамью подсудимыхъ исторію, необходимые и неизбѣжные историческіе факты, не зависѣвшіе отъ произволенія отдѣльныхъ личностей, но сложившіеся подъ вліяніемъ цѣлой совокупности условій. Если же нынѣ находятся такіе безчестные лгуны, которые, съ легкой руки покойнаго Брафмана, утверждаютъ, будто у евреевъ и въ настоящее время, не смотря на пріобщеніе ихъ къ общимъ законамъ, все еще существуютъ кагалы, которые пользуются будто бы своей властью, чтобы вредить экономическимъ интересамъ христіанъ,—то исторія сюда вовсе неприкосновенна. Исторія не можетъ ни подтвердить, ни опровергнуть этихъ извѣтовъ: она говоритъ о томъ, что было, а не о томъ, что есть. Если изобрѣтателей миѳа о современномъ существованіи кагала не могли разубѣдить ни оффиціальные законы объ упраздненіи кагаловъ полвѣка назадъ, ни многочисленныя фактическія доказательства, ни, наконецъ, сама жизнь еврейская, гдѣ уже почти вышелъ изъ употребленія самый терминъ „кагалъ“ въ примѣненіи къ общинному управленію,—то что же ихъ убѣдитъ или разубѣдитъ, и какое значеніе могутъ имѣть ихъ ссылки на старинные документы? Да и вообще, какое значеніе можно придавать доводамъ людей, имѣющихъ наглость обвинять евреевъ въ употребленіи христіанской крови для религіозныхъ цѣлей, въ стремленіи къ „міродержавству“, къ потрясенію всѣхъ основъ и во всевозможныхъ порокахъ, продиктованныхъ имъ ненавистью и собственною порочностью? Если послушаться тѣхъ нашихъ угодниковъ, которые совѣтуютъ намъ дѣлать все такъ, чтобы не возбуждать хотя бы неосновательнаго подозрѣнія со стороны юдофобовъ,—то намъ пришлось бы лечь и умереть. Ибо, что бы мы ни дѣлали, за какое самое благородное предпріятіе ни взялись бы, все будетъ перетолковано нашими врагами во вредъ намъ. Если мы ѣдимъ, значитъ—мы ограбили христіанъ; если пьемъ

вино, значитъ—мы примѣшали туда христіанскую кровь; если поднимаемъ промышленность, значитъ—эксплоатируемъ; если учимся, значитъ—желаемъ захватить всѣ образовательныя профессіи; если имѣемъ свою литературу, значитъ—хотимъ обособиться; если молчимъ—мы низкіе трусы; если защищаемся—мы дерзновенны... И вотъ такимъ-то врагамъ вы, запуганные, одержимые „страхомъ іудейскимъ", хотите и надѣетесь угодить; ради ихъ благоволенія или во избѣжаніе ихъ нападокъ и клеветъ жертвуете своей исторіей, своимъ самосознаніемъ! Изъ страха быть увѣшеннымъ какимъ нибудь публицистомъ-людоѣдомъ, вы, затаивъ дыханіе, душите въ себѣ искреннее чувство, прячете, какъ контрабанду, наше *незапятнанное прошедшее* (ибо можетъ-ли быть запятнана историческая жизнь, полная страданій?)!.. Неужели вы не чувствуете всей унизительности подобнаго поведенія?...

Нѣтъ, пора бросить это трусливое угодничество! Будемъ дѣлать наше народное дѣло смѣло и честно, не охорашиваясь ни передъ кѣмъ, не справляясь, что скажутъ на это, какъ перетолкуютъ наши благія намѣренія озлобленные враги еврейства! Воссоздать исторію нашей восьмивѣковой жизни на землѣ, на всей, волею судебъ, живемъ и нынѣ, есть одна изъ нашихъ священнѣйшихъ національныхъ обязанностей. Для этой цѣли необходимо прежде всего собирать и издавать важнѣйшіе историческіе памятники, которыхъ немало сосредоточено въ Пинкосахъ. За это дѣло собиранія мы и должны взяться и исполнять его открыто, заботясь лишь о правдѣ, а не о томъ, какъ взглянутъ на эту правду другіе. Боязливо озираться намъ нечего: не на дурное дѣло идемъ. Мы только удовлетворяемъ извѣстной духовной потребности, предпринимаемъ великій научный трудъ, который долженъ встрѣтить только искреннее сочувствіе въ лучшихъ слояхъ не только еврейскаго, но и русскаго общества (ибо исторія евреевъ есть до извѣстной степени часть исторіи Россіи), а также въ ученыхъ кругахъ западной Европы.

И такъ, мы должны въ наискорѣйшемъ времени приступить къ собиранію Пинкосовъ, преимущественно старинныхъ, которыхъ, вслѣдствіе нашей преступной небрежности, погибло уже много для исторіи. Поспѣшимъ спасти хоть остатки этого нашего національнаго архива, этихъ убываю-

щихъ съ каждымъ годомъ историческихъ сокровищъ! Какъ это осуществить—о томъ подробнѣе поговоримъ ниже. А пока перейдемъ къ обзору другихъ источниковъ русско-еврейской исторіи.

В. Матеріалы для исторіи евреевъ, хранящіеся въ русскихъ государственныхъ архивахъ.

Второе мѣсто въ ряду первоисточниковъ русско-еврейской исторіи занимаютъ *государственные и юридическіе акты*, относящіеся къ прошедшей жизни евреевъ въ Польшѣ, Литвѣ и Руси и разбросанные въ громадной массѣ актовыхъ книгъ, хранящихся въ русскихъ оффиціальныхъ архивахъ. Въ „Пинкосахъ"—этихъ своеобразныхъ кагальныхъ лѣтописяхъ—сосредоточены спеціально лишь тѣ матеріалы, которые уясняютъ старинный бытъ, характеръ самоуправленія и взаимныя отношенія сословій *внутри самого еврейства*; въ государственныхъ же архивахъ заключается, главнымъ образомъ, тотъ историческій матеріалъ, который уясняетъ *сферу внѣшнихъ отношеній* евреевъ, а именно: правовое и экономическое положеніе ихъ въ государствѣ, отношенія къ нимъ королей и всѣхъ прочихъ земскихъ сословій—духовенства, шляхты, ремесленныхъ и промышленныхъ цеховъ, мѣщанъ и крестьянъ. Эти двоякаго рода матеріалы, взаимно другъ друга дополняющіе и провѣряющіе, будучи взяты въ совокупности, могутъ дать довольно полное изображеніе еврейской жизни въ западной Россіи въ былыя времена.

По присоединеніи къ Россіи большей части территоріи бывшей Рѣчи Посполитой, всѣ польскіе и литовскіе государственные архивы перешли въ соотвѣтственныя русскія учрежденія. Богатѣйшимъ изъ этихъ архивовъ была такъ называемая *Метрика Литовская*, т. е. государственный архивъ Великаго Княжества Литовскаго, обнимающій время отъ половины XV до конца XVIII в. Въ актовыя книги „Метрики" вносились въ свое время копіи со всѣхъ документовъ, выходившихъ изъ Литовской государственной канцеляріи. Содержаніе документовъ самое разнообразное: всевозможныя королевскія и княжескія граматы, правительственныя распоряженія общаго и мѣстнаго характера, судебныя рѣшенія различныхъ инстанцій, ревизіонные списки населенія, земель и угодій, постановленія сеймовъ, инструкціи сеймовымъ

посламъ и т. п. Всѣхъ актовыхъ *книгъ* Метрики Литовской свыше тысячи: въ каждой же книгѣ содержатся сотни актовъ. Общая опись содержанія этихъ книгъ, составленная въ 1836 г., состоитъ изъ 16 томовъ. Въ этой громадной массѣ актовъ найдется, конечно, не одна тысяча документовъ, относящихся къ исторіи евреевъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи между XV—XVIII вв. Нѣсколько сотъ такихъ документовъ уже обнародовано въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ изданіяхъ и въ особенности въ извѣстномъ сборникѣ проф. Бершадскаго „Документы и регесты къ исторіи Литовскихъ евреевъ отъ 1388 до 1569 года", но гораздо большая масса ихъ лежитъ подъ спудомъ и ждетъ своего собирателя. Всѣ актовыя книги Литовской Метрики хранятся въ настоящее время въ Петербургѣ [1].

Не менѣе обильный матеріалъ для исторіи евреевъ заключается въ *Центральныхъ Архивахъ*, находящихся въ трехъ главныхъ пунктахъ еврейской осѣдлости: въ *Кіевѣ*, *Вильнѣ* и *Витебскѣ*. Архивы эти учреждены по Высоч. повелѣнію въ 1852 г. и поручены общему надзору мѣстнаго высшаго начальства; непосредственное же наблюденіе за ними принадлежитъ въ Кіевѣ—правленію университета Св. Владиміра, въ Вильнѣ—попечительству учебнаго округа, а въ Витебскѣ—губернатору. Въ настоящее время въ Кіевскомъ Центральномъ Архивѣ, гдѣ сосредоточены дѣла *юго-западнаго края*, находится около 6,027 актовыхъ книгъ и до полумилліона отдѣльныхъ документовъ; въ Виленскомъ Архивѣ (*Литовскомъ*) число актовыхъ книгъ доходитъ приблизительно до 15,000, а въ Витебскѣ архивъ содержитъ всего около 1,500 книгъ, состоящихъ изъ областныхъ актовъ *Бѣлоруссіи*. Во всей этой колоссальной массѣ оффиціальныхъ актовыхъ книгъ содержится весьма значительный процентъ документовъ, относящихся къ исторіи еврейской, какъ можно заключить изъ пропорціональнаго отношенія числа еврейскихъ документовъ къ числу общихъ въ опубликованныхъ уже собраніяхъ актовъ, извлеченныхъ изъ названныхъ трехъ архивовъ. Объ

[1] Эти и дальнѣйшія свѣдѣнія о состояніи архивнаго дѣла на западѣ Россіи почерпнуты: изъ предисловій къ трудамъ С. А. Бершадскаго „Документы и регесты къ исторіи Литовскихъ евреевъ". С.-Петербургъ, 1882 г. „Матеріалы для исторіи евреевъ ю.-з. Руси" („Евр. Библ." т. VII—VIII), а также изъ оффиціальныхъ изданій, какъ-то: „Памятники, изд. коммисіею для разбора древ. актовъ въ Кіевѣ" (1847), „Архивъ Юго-западной Россіи" (1859—90 г.), „Акты Западной Россіи" (С.-Петерб., 1846—53), „Акты Виленской Арх. коммисіи" (съ 1865 г.) и мн. др.

этихъ опубликованныхъ, но все еще малоизвѣстныхъ сборникахъ актовъ и о значеніи ихъ для еврейской исторіи необходимо поговорить подробнѣе.

Въ виду чрезвычайной важности, которую имѣетъ для исторіи западной Руси весь вышеозначенный запасъ документовъ, хранящихся въ Литовской Метрикѣ и въ трехъ западныхъ Центральныхъ Архивахъ, русское правительство издавна озабочено разборомъ этихъ документовъ и публикованіемъ наиболѣе интересныхъ изъ нихъ. Для сей цѣли учреждены были еще въ 40-хъ годахъ двѣ архивныя коммисіи, а именно: *Археографическая Коммисія для разбора и изданія древнихъ актовъ* въ Петербургѣ и *Временная Коммисія для разбора древнихъ актовъ при кіевскомъ, волынскомъ и подольскомъ генералъ-губернаторѣ*. Изъ крупныхъ изданій петербургской „Археографической Коммисіи" представляютъ для насъ особенный интересъ слѣдующія: 1) *Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи*, въ четырехъ томахъ, напечатанныхъ отъ 1846 до 1853 г., и 2) *Акты, относящіеся къ исторіи Южной и Западной Россіи* (Спб. 1863—1878, 13 томовъ). Первое изъ этихъ изданій содержитъ въ себѣ документы, извлеченные изъ „Литовской Метрики", а второе наполнено преимущественно документами, относящимися къ исторіи Малороссіи въ эпохи Хмѣльницкаго и его преемниковъ (такое исключительное направленіе приняло изданіе со времени назначенія главнымъ его редакторомъ историка Костомарова) и составлено изъ разнородныхъ архивныхъ матеріаловъ. Документовъ, относящихся къ еврейской исторіи, въ обоихъ названныхъ изданіяхъ наберется немного,—всего нѣсколько десятковъ, но по содержанію эти документы весьма важны. Они состоятъ преимущественно изъ польскихъ королевскихъ граматъ и привилегій, содержаніе коихъ было только отчасти извѣстно ранѣе изъ трудовъ польскихъ историковъ [1].

Гораздо болѣе солидный матеріалъ для исторіи евреевъ находится въ изданіяхъ „Временной Коммисіи" въ Кіевѣ. Въ 1847—1859 гг. эта „Коммисія" издала четыре объе-

[1] Изъ прочихъ изданій петербургской „Археографической Коммисіи" слѣдуетъ еще упомянуть о „*Русской исторической Библіотекѣ*" (вышло доселѣ десять томовъ), въ которой также преобладаютъ памятники западно-русской исторіи, косвенно затрогивающіе и еврейскую исторію.

мистыхъ тома „*Памятниковъ*“, извлеченныхъ изъ мѣстныхъ архивовъ, а съ 1859 г. она публикуетъ довольно часто важнѣйшіе акты изъ тѣхъ же источниковъ въ періодическомъ сборникѣ подъ заглавіемъ: „*Архивъ Юго-западной Россіи*“. Въ этомъ послѣднемъ изданіи, редактируемомъ членами Коммисіи и профессорами кіевскаго университета, замѣтно даже стремленіе къ систематичности. Документы распредѣлены по серіямъ, изъ коихъ каждая заключаетъ большую однородную массу ихъ и образуетъ въ изданіи особую „часть“, которая распадается на отдѣльные объемистые „томы“. Такъ, часть первая содержитъ акты, относящіеся къ *исторіи православной церкви* въ юго-западной Россіи и состоитъ пока изъ семи томовъ; часть вторая—*акты о состояніяхъ*; часть третья—акты о *казачествѣ и гайдамакахъ*, въ трехъ томахъ; часть четвертая—акты о *шляхетствѣ* (1 т.); часть пятая—*акты о городахъ*, въ двухъ томахъ; часть шестая—акты объ *экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ* въ XVI—XVIII вв. (2 тома); часть седьмая—акты о *заселеніи* юго-западной Руси (томъ 1-й). Въ вышедшихъ до сихъ поръ двухъ десяткахъ томовъ „Архива Юго-западной Россіи“ разбросано множество документовъ о евреяхъ, въ особенности же въ серіяхъ актовъ „о городахъ“ и „о гайдамакахъ“. Число этого рода документовъ такъ значительно, что „Коммисія“ могла бы смѣло выдѣлить ихъ въ особую серію,—чего она, однако, къ сожалѣнію, не сдѣлала. Только самый послѣдній, вышедшій въ концѣ прошлаго года выпускъ „Архива“ (2-й томъ пятой части, Кіевъ, 1890, стр. 1045+239) занятъ *цѣликомъ* матеріалами для исторіи евреевъ. Онъ содержитъ въ себѣ *переписи еврейскаго населенія въ юго-западной Россіи въ 1765—1791 гг.*, взятыя изъ градскихъ книгъ кіевскаго Центральнаго Архива. Это показываетъ, что кіевская „Коммисія“ стала серьезнѣе относиться къ находящимся въ ея распоряженіи архивнымъ матеріаламъ о евреяхъ и сознала необходимость выдѣлить такіе матеріалы въ особые томы. Крайне желательно, чтобы она слѣдовала этому раціональному порядку и въ дальнѣйшихъ выпускахъ своего изданія.

Въ половинѣ 60-хъ годовъ разработка архивовъ началась также въ *сѣверо-западномъ краѣ*. Толчокъ къ этому дало послѣднее польское возстаніе, вызвавшее особенный

интересъ къ историческимъ судьбамъ Литвы и Бѣлоруссіи подъ польскимъ владычествомъ. Архивные матеріалы оказались нужными не только для научно-историческихъ цѣлей, но также для извѣстныхъ политическихъ выводовъ, которые могли бы подтвердить фактъ исконнаго преобладанія русскаго элемента въ названныхъ двухъ областяхъ и послѣдующаго подавленія этого коренного элемента подъ владычествомъ Польши. Въ этихъ видахъ учреждены были двѣ новыя „Коммисіи": „*Археографическая Коммисія* для разбора и изданія древнихъ актовъ" въ *Вильнѣ* и „Коммисія" для разбора дѣлъ мѣстнаго архива въ *Витебскѣ*. Важнѣйшую задачу предстояло, конечно, исполнять первой, которая дѣйствительно и проявила, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, усиленную дѣятельность въ намѣченномъ ей направленіи. Съ 1865 г. Виленскою Археографическою Коммисіею издано 15 большихъ томовъ „*Актовъ*", заимствованныхъ изъ мѣстнаго Центральнаго Архива, и сверхъ того еще нѣсколько томовъ архивныхъ документовъ въ формѣ монографической [1]. Въ вышедшихъ томахъ „Актовъ" разсѣяно около *250 документовъ*, относящихся спеціально къ исторіи евреевъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи между XV и XVIII вв. Наибольшее число этихъ документовъ (около 180) сосредоточено въ 5-мъ и 6-мъ томахъ „Актовъ", гдѣ находимъ массу характернѣйшихъ данныхъ для выясненія экономическаго быта и общественнаго положенія евреевъ въ двухъ главныхъ литовскихъ „воеводствахъ" того времени—Гродненскомъ и Брестскомъ. Осо-

[1] *Акты, издаваемые Виленскою Археографическою Коммисіею*, Вильна, 1865—1889. 15 томовъ in 4°. *Томъ 1*: Акты Гродненскаго земскаго суда; *томъ 2*: Акты Брестскаго земскаго суда; *томъ 3* и *4*: Акты Брестскаго градскаго суда; *томъ 5*: Акты Брестскаго и Городненскаго земскихъ судовъ; *томъ 6*: Акты Брестской, Кобринской и Каменецкой магдебургій; *томъ 7*: Акты Гродненскаго градскаго суда; *томъ 8*: Акты Виленскаго градскаго суда; *томъ 9*: Акты Виленскаго земскаго суда; *томъ 10*: Акты Виленскаго магистрата и магдеоургіи съ 1500 до 1794 гг.; *томы 11, 12 и 13*: Акты главнаго литовскаго трибунала; *томъ 14*: Инвентари имѣній XVI в.; *томъ 15*: Декреты главнаго литовскаго трибунала. Сверхъ того, Виленской Археографическою Коммисіей изданы: „Ревизія пущъ и переходовъ зѣриныхъ В. Кн. Литовскаго въ XVI в." (1867 г.); „Краткія Таблицы, необходимыя для разбора древнихъ актовъ и граматъ западнаго края Россіи" etc. „Ординаціи королевскихъ пущъ въ В. Кн. Литовскомъ въ XVII в." (1871 г.); „Ревизія Кобринской экономіи въ 1563 г."; „Писцовая Книга Пинскаго староства" (1874 г.); „Писцовая Книга Гродненской экономіи отъ 1565 г." (2 тома, В. 1882 г.) и „Писцовая Книга Пинскаго и Клецкаго Княжества 1552—55 гг." (1884 г.). Въ этихъ послѣднихъ монографіяхъ можно найти преимущественно *статистическія* свѣдѣнія о количествѣ еврейскаго населенія въ разныхъ пунктахъ Литвы и о его промыслахъ.

бенно ярко выступаетъ здѣсь картина непрерывныхъ столкновеній евреевъ съ мѣщанами-христіанами, которые изъ ненависти къ своимъ еврейскимъ конкуррентамъ взводили на нихъ самыя ужасныя обвиненія, коренившіяся въ суевѣрныхъ предразсудкахъ той темной эпохи, а нерѣдко даже учиняли нападенія на синагоги и дома евреевъ, сопровождавшіяся грабежомъ, истязаніемъ и даже убійствами. Взаимныя „жалобы" мѣщанъ и евреевъ другъ на друга, защитительныя королевскія граматы евреямъ, судебныя рѣшенія по тяжбамъ христіанъ съ евреями,—вотъ преобладающее содержаніе всѣхъ этихъ актовъ, обнимающихъ время между 1569 и 1780 гг. Удивленія достойно, что въ теченіе двадцати лѣтъ, протекшихъ со времени обнародованія этой массы документовъ (5-й и 6-й томы „Актовъ" вышли въ 1871—72 г.), не нашлось ни одного еврейскаго писателя, который бы воспользовался ими для научно-историческихъ цѣлей (между тѣмъ какъ недоброжелатели евреевъ уже давно успѣли воспользоваться ими для извѣстныхъ публицистическихъ цѣлей). Я даже не встрѣчалъ ни одной рецензіи объ этихъ томахъ ни въ одномъ еврейскомъ изданіи. Разительное доказательство нашей научной незрѣлости!...

Одновременно съ „Актами" Археографической Коммисіи, управленіе виленскаго учебнаго округа издавало свой „*Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси*" (вышло всего десять томовъ in 4°, между 1867 и 1874 гг.). Въ „Актахъ" фигурируетъ главнымъ образомъ Литва, въ „Сборникѣ" же—Бѣлоруссія. Спеціальныхъ документовъ о евреяхъ въ „Сборникѣ" не особенно много, но часто встрѣчаются данныя о нихъ въ документахъ общаго содержанія, извлеченныхъ не только изъ Виленскаго Центральнаго Архива, но также изъ разныхъ хранилищъ рукописей, находящихся при древнихъ монастыряхъ и семинаріяхъ бѣлорусскихъ губерній. Особенно интересенъ второй томъ „Сборника", гдѣ напечатаны въ приложеніи „*Записки игумена Ореста*", заключающіе въ себѣ нѣкоторыя весьма важныя историческія данныя о жизни могилевскихъ евреевъ въ XVII и XVIII вв.

Нѣкоторый интересъ для исторіи евреевъ въ Бѣлоруссіи представляютъ еще скромные труды Витебской Архивной Коммисіи. Между 1871 и 1880 гг. этою Коммисіей опу-

бликованы, въ десяти томахъ, „*Историко-юридическіе матеріалы изъ актовыхъ книгъ Витебской и Могилевской губерній, хранящихся въ Центральномъ Архивѣ въ Витебскѣ*“ (изданы подъ редакціей архиваріуса *Сазонова*). Въ каждомъ томѣ встрѣчаются въ большемъ или меньшемъ количествѣ свѣдѣнія по исторіи евреевъ въ названныхъ двухъ губерніяхъ. Только выборъ матеріаловъ и размѣщеніе ихъ въ этомъ изданіи оставляютъ желать весьма многаго [1].

Главный недостатокъ, свойственный только что упомянутымъ изданіямъ, въ особенности же виленскимъ и кіевскимъ, заключается въ *одностороннемъ подборѣ* документовъ, касающихся евреевъ, и въ тенденціозномъ ихъ освѣщеніи. Спеціальная задача, которою руководятся западныя „Археографическія Коммисіи“, заставляла членовъ ихъ, въ выборѣ архивнаго матеріала, руководиться не чисто-историческимъ его значеніемъ, а лишь пригодностью его для извѣстныхъ видовъ. Конечно, подлинность подобныхъ актовъ не подлежитъ сомнѣнію; но вѣдь выбирать изъ огромной массы разнородныхъ документовъ исключительно такіе, которые могли бы доказать что нибудь желательное намъ, значитъ—производить впечатлѣніе одностороннее, неполное. Эта тенденціозность особенно обнаруживается въ освѣщеніи подобраннаго матеріала, даваемомъ обыкновенно въ предисловіяхъ къ разнымъ томамъ „Актовъ“ и „Архивовъ“ ихъ редакторами. Авторы такихъ „предисловій“ старательно истолковываютъ историческіе факты въ духѣ враждебномъ евреямъ, указывая то и дѣло на „захваты“ или даже „пороки и преступленія жидовъ“, обвиняя евреевъ огульно въ умышленномъ угнетеніи православнаго населенія, въ „эксплоатаціи“, „кагальности“ etc. (См., напр., обширныя предисловія къ V и VI томамъ „Актовъ Виленской Археографической Коммисіи“, составленныя членами ея гг. Шолковичемъ и Спрогисомъ, стр. XVIII—XXXVII 5-го тома и стр. XLVI—LIII 6-го тома). Невѣрность и односторонность всѣхъ такихъ сужденій стали бы очевидны, если бы рядомъ съ документами извѣстнаго разряда, избранными для печатанія „Коммисіею“, были напечатаны и документы раз-

[1] Дополнительныя свѣдѣнія по исторіи евреевъ въ Витебскѣ можно найти еще въ новѣйшемъ изданіи г. *Сапунова* „Витебская Старина“ (1883—89 г., 5 томовъ). Этими свѣдѣніями слѣдуетъ, однако, пользоваться съ извѣстною осторожностью, въ виду явно-юдофобской тенденціи изданія.

личныхъ другихъ разрядовъ, относящіеся къ исторіи евреевъ въ Литвѣ и Руси. Факты неблагопріятные евреямъ не потеряли бы и тогда своего значенія, но объясненіе ихъ пришлось бы во многомъ измѣнить, и измѣненіе это могло бы быть въ пользу и въ оправданіе евреевъ. Tout savoir c'est tout pardonner... Въ этихъ именно видахъ, т. е. въ интересахъ правды и безпристрастія, было бы весьма желательно, чтобы архивные матеріалы, касающіеся исторіи евреевъ, продолжали издаваться, но не по какой либо опредѣленной тенденціозной программѣ, а исключительно для цѣлей научно-историческихъ, для выясненія прошлыхъ судебъ значительной части населенія западнаго края Россіи.

Кромѣ всѣхъ указанныхъ выше оффиціальныхъ изданій архивныхъ актовъ, существуетъ еще масса сборниковъ, заключающихъ въ себѣ богатый архивный матеріалъ, опубликованный разными *учеными обществами* или *частными лицами*, частію даже ранѣе возникновенія названныхъ археографическихъ коммиссій [1]. И такъ какъ ни одинъ сборникъ документовъ по исторіи Польши и западной Руси не обходится безъ большаго или меньшаго числа документовъ, касающихся евреевъ (безъ которыхъ нельзя себѣ представить и самый складъ общественной жизни въ этихъ странахъ въ

---

[1] Можно было бы составить довольно порядочный каталогъ подобнымъ изданіямъ, но здѣсь достаточно назвать только важнѣйшія изъ нихъ, а именно: 1) *Acta Tomiciana*—многотомный сборникъ документовъ по исторіи Польши, издававшійся въ началѣ настоящаго столѣтія въ Варшавѣ; 2) *Monumenta historica Poloniae*, издаваемые съ давняго времени въ Краковѣ; 3) *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae* (коллекція *Тейнера*, составленная изъ рукописей Ватикана, Римъ, 1864, I—IV), гдѣ находится немало данныхъ объ отношеніяхъ польскаго духовенства къ еврейству и въ особенности къ сектѣ фрашкистовъ; 4) *Бѣлорусскій Архивъ древнихъ грамотъ*, напечатанный въ 1824 г. въ Москвѣ (т. 1-й) и содержащій, между прочимъ, нѣсколько важныхъ документовъ для исторіи могилевскихъ евреевъ въ XVII в.; 5) *Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ* городовъ Вильны, Ковно, Трокъ etc. (ч. 1—2, Вильна, 1843), гдѣ напечатаны съ подлинниковъ королевскія привилегіи древнѣйшимъ еврейскимъ общинамъ Литвы (т. II, №№ 66—80); 6) *Временникъ* Импер. Москов. общества исторіи и древностей. 24 тома, 1849—56; 7) *Книги посольскія Метрики Литовской*, изд. Погодина, 2 т. М. 1843 г.; 8) *Граматы в. князей литовскихъ*, изд. В. Антоновича, Кіевъ, 1868; 9) *Памятники*, содержащіе летор. акты и матеріалы для исторіи Малороссіи; т. I—IV, Кіевъ, 1848—52 г.; 10) *Жизнь князя Курбскаго* на Литвѣ и Волыни, Кіевъ, 1849, т. 1—2, изд. Коммисіи для разбора древн. актовъ; 11) Собраніе древнихъ граматъ городовъ Минской губерніи, М. 1848; 12) *Андріевскій: Историческіе матеріалы* изъ архива кіевскаго губ. правленія, 10 выпусковъ, К. 1882—88 г.; 13) *Записки Одес. Общества ист. и древностей* съ 1842 до посл. времени и мн. другіе. Справки въ большей части этихъ изданій, гдѣ разсѣяно много матеріаловъ и для исторіи евреевъ, облегчаются *указателями*, изданными отдѣльно или въ приложеніяхъ къ самымъ сборникамъ.

былыя времена),—то естественно долженъ былъ накопиться весьма солидный матеріалъ по еврейской исторіи, который, будучи разбросанъ въ сотняхъ томовъ, разновременно изданныхъ и вдобавокъ мало распространенныхъ, совершенно стушевывается, но объединенный и систематизированный могъ бы обратить на себя вниманіе. По-истинѣ великую услугу еврейской исторіи окажетъ тотъ, кто возьметъ на себя трудъ привести въ систему всю эту безпорядочную груду документовъ, извлечь ихъ изъ многотомныхъ и по большей части рѣдкихъ изданій, гдѣ они теряются въ массѣ другихъ архивныхъ матеріаловъ, расположить въ хронологическомъ порядкѣ и, наконецъ, издать ихъ въ особомъ сборникѣ. Если это невозможно скоро осуществить, то слѣдовало бы по крайней мѣрѣ пока составить и издать подробный *указатель* всѣхъ такихъ документовъ съ обозначеніемъ вкратцѣ ихъ содержанія. Такой указатель могъ бы облегчить справки въ названныхъ сборникахъ актовъ, до тѣхъ поръ пока спеціально-еврейскіе документы не будутъ выдѣлены въ особое изданіе, гдѣ они должны быть помѣщены цѣликомъ и въ подлинникахъ (латинскомъ и на старо-русскомъ актовомъ языкахъ) съ полными или сокращенными переводами на современный русскій языкъ.

Но гораздо важнѣе еще будетъ заслуга тѣхъ, которые возьмутся за великій трудъ *извлеченія изъ тьмы архивовъ* на свѣтъ Божій невѣдомыхъ доселѣ историческихъ сокровищъ—*неизданныхъ актовъ и документовъ, относящихся къ исторіи евреевъ*. Ибо какъ ни много издано уже архивнаго матеріала, все же во стократъ больше этого количество *неизданныхъ* и совершенно неизвѣстныхъ еще матеріаловъ, хранящихся въ архивахъ Петербурга и западно-русскихъ центровъ. Выше мы видѣли, что однѣхъ *актовыхъ книгъ* въ Литовской Метрикѣ и въ трехъ западныхъ центральныхъ архивахъ насчитывается нѣсколько десятковъ тысячъ, отдѣльные же акты исчисляются сотнями тысячъ. Въ такой огромной массѣ актовъ можетъ оказаться свыше десятка тысячъ документовъ, относящихся къ исторіи евреевъ. Опубликовано же въ разныхъ общихъ изданіяхъ едва одна тысяча такихъ документовъ. Предстоитъ, стало быть, трудъ крайне сложный и кропотливый. Нужны соединенныя усилія многихъ изслѣдователей и собирателей, чтобы совер-

шить этотъ трудъ выборки изъ архивовъ, приведенія въ порядокъ и изданія въ свѣтъ еврейскихъ историческихъ матеріаловъ; нужны цѣлые годы неустанной работы и необходимы, наконецъ, значительныя денежныя затраты на собираніе, переписку и печатаніе означенныхъ матеріаловъ.

За эту трудную задачу взялся-было, какъ мы видѣли, профессоръ С. А. Бершадскій, которому удалось выбрать изъ актовыхъ книгъ Метрики Литовской и Виленскаго и Кіевскаго Центральныхъ Архивовъ свыше *двухъ тысячъ* документовъ, относящихся къ исторіи евреевъ. Изъ этой обширной коллекціи онъ успѣлъ опубликовать, при содѣйствіи „Общества просвѣщенія евреевъ", только одну треть, а именно: 662 документа, напечатанныхъ въ первыхъ двухъ томахъ „*Русско-еврейскаго Архива*", въ 1882 г. Документы изданы въ хронологическомъ порядкѣ и вообще весьма тщательно, но они доведены только до *1569 г.*, а вдобавокъ относятся исключительно къ исторіи евреевъ въ *Литвѣ*. Почти десять лѣтъ прошло со времени опубликованія этихъ документовъ—и до сихъ поръ не появилось ни продолженія ихъ, ни слѣдующихъ томовъ изданія, гдѣ они напечатаны. Это очень прискорбно. „Русско-еврейскій Архивъ", который „Общество просвѣщенія евреевъ" нѣкогда рѣшило издавать періодически, есть именно тотъ типъ изданія, который намъ нуженъ для подготовленія нашей исторіографіи. Выходи такое изданіе хоть дважды въ годъ, оно дало бы намъ въ теченіе десяти лѣтъ два десятка томовъ, гдѣ умѣстилась бы весьма значительная часть лежащаго нынѣ подъ спудомъ архивнаго матеріала для еврейской исторіи. Прекращеніе „Архива" есть положительно тяжкій грѣхъ, лежащій на совѣсти тѣхъ, отъ кого зависѣло поддерживать и продолжать это необходимое изданіе. Многихъ изъ публики смущали въ опубликованныхъ въ первыхъ томахъ „Архива" документахъ ихъ сухость и однообразность, а также ихъ неудобопонятный старо-русскій актовый языкъ; но, во первыхъ, трудности формы можно устранить приложеніемъ къ издаваемымъ документамъ краткаго словаря стараго актоваго языка; во вторыхъ, на этомъ языкѣ написаны только документы древнѣйшаго періода, ибо начиная съ Люблинской Уніи (1569 г.) въ Литвѣ и западной Руси употребляется въ оффиціальныхъ актахъ преимущественно польскій языкъ,

какъ общегосударственный, и всѣ акты такого рода можно будетъ печатать съ подстрочнымъ русскимъ переводомъ. Что же касается содержанія документовъ, то интересъ его возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ позднѣйшему времени. Документы XVII и XVIII вѣковъ, находящіеся въ архивахъ Кіева и Вильны, должны отличаться гораздо большимъ интересомъ и разнообразіемъ, чѣмъ опубликованные ранніе акты, взятые изъ Литовской Метрики. Это можно заключать даже изъ обзора той сравнительно небольшой серіи документовъ о евреяхъ, которую виленская и кіевская „Коммисіи" успѣли обнародовать до сихъ поръ. Да оно и естественно: по мѣрѣ роста и распространенія еврейскаго населенія въ Западной Руси, интересы его становились разнообразнѣе, столкновенія съ враждебными элементами — чаще и острѣе, общественная жизнь — сложнѣе и богаче событіями, а соотвѣтственно этому должны были возрастать количество и разнообразіе оффиціальныхъ документовъ, которые до извѣстной степени служатъ отголоскомъ общественной жизни.

И такъ, матеріалы для исторіи евреевъ, хранящіеся въ русскихъ государственныхъ архивахъ, слѣдуетъ дѣятельно собирать и важнѣйшіе изъ нихъ печатать въ особомъ сборникѣ, который долженъ выходить періодически томами. Ближайшее осуществленіе этой задачи сводится нынѣ къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ: 1) собирать и печатать важнѣйшіе *неизданные* архивные документы о евреяхъ; 2) соединить въ одномъ сборникѣ всѣ *изданные* уже архивные матеріалы для еврейской исторіи, разбросанные въ сотняхъ томовъ различныхъ оффиціальныхъ изданій, или, по крайней мѣрѣ, составить точный указатель такимъ матеріаламъ; 3) продолжать печатаніе документовъ изъ коллекціи г. Бершадскаго, начатое въ первыхъ двухъ томахъ „Русско-еврейскаго Архива".

С. Польско-литовскіе своды и собранія законовъ, какъ источники еврейской исторіи.

Къ оффиціальнымъ актамъ тѣсно примыкаютъ *собранія и своды законовъ старой Рѣчи Посполитой*. Собственно говоря, и содержаніе архивныхъ актовъ имѣетъ по преимуществу юридическій характеръ, такъ какъ дѣла, вносившіяся

въ актовыя книги, возникали обыкновенно на почвѣ правовыхъ споровъ. Нѣкоторая же существенная часть актовъ, а именно королевскія граматы и привилегіи, имѣли прямо законодательное значеніе, такъ какъ по старымъ польскимъ порядкамъ такія граматы часто замѣняли, въ особенности для евреевъ, основные государственные законы. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе многовѣковой политической жизни Рѣчи Посполитой выработалась масса постоянныхъ или временныхъ законоположеній, регулировавшихъ бытъ евреевъ, какъ части государственнаго организма, и внесенныхъ поэтому въ государственные кодексы. Главными изъ такихъ кодексовъ являются *Volumina Legum* — старинное многотомное собраніе всѣхъ законовъ и конституціонныхъ актовъ Польскаго государства, — и *Литовскіе Статуты*, изъ коихъ первый былъ опубликованъ въ 1529 г., второй—въ 1566 г., а третій—въ 1629 г. Необходимымъ дополненіемъ и коррективомъ къ такимъ основнымъ кодексамъ могутъ служить научно-критическіе сборники польскихъ законодательныхъ памятниковъ, какъ, напр., „Jus Polonicum" *Бандтке*, „Zbior Praw litewskich" Дзялынскаго и проч. Изъ этихъ собраній законовъ слѣдовало бы извлечь все то, что относится къ евреямъ, издать всѣ извлеченныя мѣста въ особомъ сборникѣ, расположивъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ — и тогда получится точное представленіе о развитіи нормальнаго или общаго польскаго законодательства о евреяхъ (спеціальное законодательство о евреяхъ заключалось, какъ уже сказано, въ великомъ множествѣ особыхъ грамать и привилегій королевскихъ). Распространяться о важномъ значеніи такого изданія для еврейской исторіи — едва-ли есть надобность. Прекрасный „*Хронологическій сборникъ Законовъ о евреяхъ въ Россіи отъ 1649 по 1873 г.*", изданный *В. О. Левандою* (въ 1873 г.), давно уже показалъ, какую огромную услугу исторической наукѣ могутъ оказать подобныя извлеченія законовъ о евреяхъ изъ общихъ многотомныхъ собраній законовъ, гдѣ первые совершенно теряются. Этотъ сборникъ сдѣлалъ возможнымъ появленіе лучшихъ историко-юридическихъ изслѣдованій Оршанскаго и вызвалъ цѣлый рядъ крупныхъ трудовъ и статей, выяснившихъ юридическое положеніе евреевъ въ Россіи въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтій. То же самое могло бы сдѣлать для древней исто-

рій польско-литовскихъ евреевъ изданіе хронологическаго сборника законовъ о евреяхъ, извлеченныхъ изъ кодексовъ бывшей Рѣчи Посполитой.

Д. Сводъ сказаній о евреяхъ изъ польскихъ, литовскихъ и русскихъ древнихъ лѣтописей.

Множество отрывочныхъ свѣдѣній о евреяхъ разбросаны въ лѣтописной и древней исторической письменности Польши, Литвы и Руси. Главнѣйшія произведенія этой письменности — слѣдующія. Въ *Польшѣ*: древнѣйшія „Хроники" *Галла* (1113 г.) и *Кадлубека* (1223 г.), обширный трудъ перваго польскаго „историка" или, точнѣе, хронографа *Яна Длугоша* (жилъ въ XV в.) подъ заглавіемъ „Historia Polonica", въ 12-ти книгахъ, лѣтописи XVI вѣка *Мѣховиты*, *Дѣгція* и *Мартина Кромера*; „Kronika Polska" I. Бѣльскаго; наконецъ обширная лѣтопись *Стрыйковскаго* „Kronika Polska, Litewska, Zmudska i wszystkeij Rusi", изданная въ 1582 г. Въ *Литвѣ*: сводъ Литовскихъ и бѣлорусскихъ лѣтописей, изданныхъ въ полномъ видѣ извѣстнымъ историкомъ Литвы *Нарбутомъ* („Хроника" Быховца и др.), „Лѣтописи в. князей литовскихъ" изд. Даниловича и Попова etc. Въ Россіи нынѣ существуетъ „Полное собраніе русскихъ лѣтописей", изданное Археографическою Коммисіею въ Петербургѣ, въ XV томахъ (1841—1885 г.).

Къ этимъ древнимъ лѣтописямъ примыкаютъ позднѣйшія, относящіяся къ XVII и XVIII вѣкамъ, какъ, напр., „Лѣтопись Самовидца о войнахъ Хмѣльницкаго" (нов. кіев. изд. 1878), „Лѣтопись событій въ югозападной Руси въ XVII в." *Величко* (Кіевъ, 1856—64 г., 4 тома, изд. „Врем. Ком. д. разб. др. актовъ"), Бѣлорусская лѣтопись *Трубницкаго*, и „Записки" Могилевскаго игумена Ореста о событіяхъ XVII и XVIII в. и т. п.

Изъ всей этой лѣтописной литературы слѣдуетъ извлечь всѣ сказанія или даже краткія упоминанія о евреяхъ и затѣмъ, расположивъ отрывки въ хронологическомъ порядкѣ, издать въ видѣ особаго свода. Такія лѣтописныя свѣдѣнія, полу-легендарныя и полу-фактическія, будучи сгруппированы, могутъ весьма много послужить для выясненія нѣкоторыхъ темныхъ пунктовъ еврейской исторіи, конечно, послѣ тща-

тельной оцѣнки достовѣрности этихъ свѣдѣній. Вдобавокъ лѣтописныя сказанія весьма цѣнны сами по себѣ, какъ характерное выраженіе взглядовъ тѣхъ временъ, когда они распространялись въ народѣ и записывались [1].

Е. Литература польско-литовскихъ евреевъ XVI, XVII и XVIII вѣковъ: еврейскія лѣтописи, записки очевидцевъ, молитвы и синагогальныя элегіи историческаго характера, раввинская письменность и разсѣянныя въ ней историческія свѣдѣнія.

Самостоятельная литература появилась у евреевъ бывшей Рѣчи Посполитой впервые во второй половинѣ XVI вѣка. Возникла она въ собственной Польшѣ, въ городахъ Люблинѣ, Краковѣ, Львовѣ (Шаломъ Шахно, Моисей Иссерлесъ и др.), перешла затѣмъ на Волынь (С. Лурье изъ Острога, Магаршо и др.), и наконецъ утвердилась и достигла высокой степени развитія въ Литвѣ въ XVII в.

Въ историческомъ отношеніи эта литература имѣетъ двоякое значеніе: 1) *во всей своей совокупности* она представляетъ собою непосредственный матеріалъ для *исторіи умственнаго развитія* польско-русскихъ евреевъ; 2) *въ нѣкоторыхъ же своихъ частяхъ* она является источникомъ для выясненія *внѣшнихъ событій* еврейской исторіи.

Наша старая письменность состоитъ, какъ извѣстно, почти сплошь изъ произведеній богословскаго содержанія. Главную ея часть составляютъ раввинскіе трактаты о религіозныхъ законахъ и обрядахъ, разсужденія о спорныхъ вопросахъ въ этой области (שאלות ותשובות), толкованія на древніе талмудическіе и раввинскіе кодексы, комментаріи библейскіе, нравоучительныя книги (ספרי מוסר), каббалистическія и мистическія (позднѣе—хасидскія) сочиненія и т. п. Будущій историкъ нашей литературы воспользуется всѣмъ этимъ огромнымъ матеріаломъ, чтобы нарисовать картину своеобразнаго,

[1] Для этой послѣдней цѣли, т. е. для опредѣленія инородныхъ воззрѣній на евреевъ встарину, было бы весьма полезно собрать всѣ тѣ мѣста о евреяхъ, которыя разсѣяны въ произведеніяхъ *народной поэзіи* Польши и Руси, а также въ поэтическихъ или религіозныхъ твореніяхъ *старинной письменности* польской и русской. Таковы, напр., древне-русскія духовныя творенія митрополитовъ Илларіона, Іоанна II (XI в.), упоминанія о „жидовинѣ" въ русскихъ народныхъ сказкахъ и эпосѣ древняго періода, анти-іудейскія поэмы польскаго стихотворца XVI в. Кленовича, религіозно-полемическая письменность въ родѣ „Просвѣтителя или обличеніе ереси жидовствующихъ" Іосифа Волоцкого (нач. XVI в.), „Мессіи Праведнаго" Галятовскаго (1666 г.) и мн. др.

не тѣмъ не менѣе весьма интенсивнаго, духовнаго развитія польско-русскихъ евреевъ въ теченіе трехъ столѣтій (XVI—XVIII). Но что же даетъ эта литература для *исторіи* въ собственномъ смыслѣ?—Сравнительно очень мало. Произведенія свѣтскія и научныя въ ней крайне рѣдки; лѣтописей и историческихъ сочиненій въ ней еще меньше. Наши предки обладали удивительною способностью даже въ самые ужасные моменты своей исторической жизни ревностно заниматься вопросами о „кошерѣ и трефѣ", о субботнихъ и праздничныхъ обрядахъ и наполнять разсужденіями о подобныхъ предметахъ сотни объемистыхъ фоліантовъ. Записывать то, что происходило у нихъ на глазахъ, въ чемъ они являлись участниками или жертвами, отмѣчать историческія событія, коихъ они были очевидцами, повѣствовать грядущимъ поколѣніямъ о своей горькой долѣ—на это у нихъ не хватало ни охоты, ни умѣнія. Только въ своихъ синагогальныхъ памятныхъ книгахъ (*Пинкосахъ*), не предназначенныхъ для печати, отмѣчали они иногда, кромѣ отчетовъ о текущихъ дѣлахъ общины, и нѣкоторыя чрезвычайныя событія—бѣдствія или избавленія отъ опасности,—имѣвшія болѣе чѣмъ временный и мѣстный интересъ (о важномъ историческомъ значеніи этого источника мы уже говорили выше). Въ печатныхъ же произведеніяхъ они крайне рѣдко повѣствуютъ о современныхъ имъ событіяхъ. Во всей нашей старо-еврейской литературѣ найдется всего съ десятокъ книжекъ, которыя можно назвать *лѣтописями* или *историческими повѣствованіями*. Первое появленіе ихъ вызвано было страшною катастрофою, постигшею юго-западныхъ евреевъ въ 1648 г. Къ тому историческому моменту относятся: подробное описаніе бѣдствій евреевъ въ эпоху Хмѣльницкаго, составленное очевидцемъ ихъ *Натаномъ Ганноверомъ* изъ Заслава и напечатанное въ 1653 г., гдѣ встрѣчаются также интереснѣйшія свѣдѣнія о еврейскомъ бытѣ въ XVII в. (יון מצולה); посланіе виленскаго раввина *Саббатая Когена* (מגלת עיטה); изложеніе тѣхъ же событій въ элегическихъ стихахъ, напечатанное въ 1650 и 1656 гг. (צוק העתים); разсказы объ украинской рѣзнѣ *С. Ф. Фейтеля* изъ Вѣны (מים היון) и *Авраама Ашкенази* (צער בת רבים, лишь недавно изданный съ рукописи стараніями I. Гурлянда). Сверхъ того, къ этой кровавой эпопеѣ относятся многія синагогальныя элегіи и

молитвы (קינות, סליחות), разбросанныя въ различныхъ молитвенникахъ, требникахъ и другихъ книгахъ. Нѣсколько подобныхъ отрывистыхъ воплей прозвучало въ нашей литературѣ и въ эпоху гайдамачины и уманской рѣзни 1768 г. Мистическія движенія XVIII вѣка (саббатіанство, мессіанизмъ, секта франкистовъ, появленіе хасидизма) также вызвали нѣсколько, весьма слабыхъ, впрочемъ, отголосковъ въ современной еврейской литературѣ, въ образѣ раввинскихъ посланій и полемическихъ книгъ *Я. Эмдена*, противъ саббатіанской и франкистской ересей въ Польшѣ, анти-хасидскихъ брошюръ etc. Сюда можно прибавить еще свѣдѣнія о польскихъ евреяхъ, разбросанныя въ общихъ еврейскихъ хронографіяхъ *Давида Ганса* изъ Праги (צמח דוד, изд. 1692 г.) и *Іехіеля Гальберина* изъ Минска (סדר הדורות, изд. 1769 г.).

Этими немногими скудными произведеніями исчерпывается вся наша старинная исторіографія. Она освѣщаетъ лишь нѣкоторые чрезвычайные моменты еврейской исторіи въ Польшѣ и Литвѣ, не касаясь почти вовсе обыкновеннаго хода событій. Тщательные поиски въ богатыхъ библіотекахъ Европы (въ лондонскомъ British Museum, парижской Bibliothèque Nationale, оксфордской *Бодлеянѣ*, Импер. публ. библіотекѣ въ Петербургѣ), а также въ книгохранилищахъ частныхъ лицъ, откроютъ, быть можетъ, и извлекутъ на свѣтъ Божій хранящіяся тамъ въ рукописяхъ и доселѣ намъ невѣдомыя *старинныя хроники* о событіяхъ прошлой жизни польско-русскихъ евреевъ. Эти поиски, какъ я уже сказалъ, входятъ прямо въ программу дѣятельности подготовителей нашей исторіи. Но покамѣстъ наша старая лѣтописная литература крайне отрывочна и скудна и можетъ оказать помощь изслѣдователямъ прошедшаго лишь какъ частица прочаго историческаго матеріала, рукописнаго и печатнаго, а не какъ нѣчто самостоятельное и цѣльное (чѣмъ лѣтописи обыкновенно являются въ литературахъ другихъ культурныхъ народовъ).

Не имѣя сколько нибудь значительной лѣтописной литературы, мы должны искать, не затерялись-ли случайно какія либо *историческія крупицы* въ нашей обширной богословской литературѣ. Такія „крупицы“, въ формѣ отрывочныхъ, случайныхъ упоминаній о тѣхъ или другихъ современныхъ событіяхъ и лицахъ, мы дѣйствительно находимъ во многихъ ритуальныхъ трактатахъ раввиновъ, въ особенно-

сти же въ разныхъ религіозныхъ „*Вопросахъ и Отвѣтахъ*“ (שאלות ותשובות) стараго времени. Авторы такихъ книгъ иногда невзначай, посреди сухихъ и безплодныхъ разсужденій о ничтожнѣйшихъ обрядовыхъ казусахъ, роняютъ интересныя историческія замѣчанія, сообщаютъ кстати или некстати факты ихъ современной жизни. Эти маленькіе оазисы въ пустынѣ раввинской письменности встрѣчаются чаще всего въ обширныхъ предисловіяхъ къ такого рода книгамъ. Здѣсь благочестивые авторы, какъ въ передней „храминѣ науки“, позволяютъ себѣ иногда „побалтать“ о мірскихъ дѣлахъ, о тѣхъ или другихъ чрезвычайныхъ событіяхъ и случаяхъ и т. п. Иногда же случается, что данный обрядовый вопросъ возникаетъ на почвѣ какого либо историческаго факта (напр., вопросъ о разводѣ женъ съ евреями, исчезнувшими или окрещенными насильно во время рѣзни Хмѣльницкаго)—и въ подобныхъ случаяхъ уже самъ Богъ позволяетъ говорить объ историческихъ фактахъ, конечно, не ради нихъ самыхъ, а только въ интересахъ точнаго рѣшенія даннаго религіознаго вопроса. Въ „предисловіяхъ“ нерѣдко также встрѣчаются интересныя хронологическія указанія относительно малоизвѣстныхъ событій или личностей.—Всѣ эти историческія крупицы необходимо собрать и соединить въ систематическомъ видѣ въ отдѣльномъ сводѣ, ибо только въ такомъ видѣ изъ нихъ можно будетъ извлечь цѣнный матеріалъ для исторіи [1].

Г. Еврейскія народныя сказанія, преданія, мѣстные обычаи, основанные на историческихъ событіяхъ, надгробные памятники старинныхъ еврейскихъ кладбищъ.

Значеніе народныхъ сказаній, обычаевъ, преданій и вещественныхъ памятниковъ для изученія исторіи всякаго на-

---

[1] Нѣкоторый починъ въ этомъ направленіи уже сдѣланъ. Въ засѣданіи общаго собранія членовъ „Общества для распростр. просвѣщенія м. евреями“, происходившемъ 10-го мая 1890 г. въ Петербургѣ, доложено было, между прочимъ, предложеніе члена комитета д-ра А. Я. Гаркави о преміи имени покойнаго Гамзея Цейтлина на тему: „Собрать и систематически сгруппировать историческія свѣдѣнія о русскихъ, польскихъ и литовскихъ евреяхъ, разсѣянныя въ раввинскихъ посланіяхъ, такъ называемыхъ „вопросахъ и отвѣтахъ (שאלות ותשובות) XVI и XVII столѣтій“. Сочиненіе можетъ быть написано на русскомъ или еврейскомъ языкѣ. Срокомъ выдачи преміи назначается 1-е января 1894 г. Собраніе постановило: означенное предложеніе д-ра Гаркави принять къ исполненію. (См. „Нед. Хрон. Восхода“ 1890, № 19). Весьма отрадный фактъ!

рода до того общеизвѣстно, что распространяться о немъ нѣтъ надобности.

Относительно спеціальнаго значенія подобныхъ источниковъ для исторіи русскихъ евреевъ слѣдуетъ замѣтить, что важнѣйшимъ изъ этихъ источниковъ являются *народные обычаи* (по большей части *религіознаго* характера), *основанные на извѣстныхъ историческихъ событіяхъ*. Въ тѣхъ пунктахъ „черты осѣдлости", гдѣ евреи живутъ съ древнѣйшихъ временъ, вы рѣдко встрѣтите такой городъ или мѣстечко, гдѣ въ извѣстный день года не соблюдался бы благочестивыми обывателями постъ съ соотвѣтствующимъ синагогальнымъ ритуаломъ по случаю какого либо несчастія, нѣкогда постигшаго евреевъ этой мѣстности, или не праздновался бы какой либо день въ году по случаю какого нибудь чудеснаго избавленія мѣстныхъ евреевъ отъ опасности во время оно. А еврейскія народныя бѣдствія, какъ извѣстно, почти всегда имѣютъ историческій характеръ: не обыкновенные „гладъ и моръ", эти естественные бичи человѣчества, сохраняются въ нашей народной памяти, а бѣдствія болѣе ужасныя, болѣе спеціальныя: нападенія христіанской черни, рѣзня, погромы, мученичество за вѣру, гнетъ, преслѣдованія отъ *людей*—не отъ бездушной природы. Дни наступленія такихъ бѣдствій знаменуются изъ года въ годъ обязательными постами и „молитвами плача" (селихотъ) въ синагогахъ, а дни избавленія отъ нихъ празднуются съ славословіями Господу. Такимъ образомъ укрѣплялись въ народѣ воспоминанія о многихъ историческихъ событіяхъ, которыя сверхъ того обыкновенно записывались на память въ мѣстныхъ „Пинкосахъ". Такъ, напримѣръ, множество постовъ въ разные дни года соблюдается еще и понынѣ во многихъ городахъ Волыни, Подоліи и Кіевской губерніи въ память бѣдствій, перенесенныхъ мѣстными еврейскими общинами въ эпохи хмѣльничины и гайдамачины, — не считая дня 20-го Сивана, который установленъ былъ какъ день обязательнаго національнаго поста для *всѣхъ евреевъ*, въ память рѣзни евреевъ въ Немировѣ въ 1648 г. Въ городахъ Литвы и Бѣлоруссіи также существуютъ подобнаго рода посты или праздники по случаю разныхъ мѣстныхъ не счастій или избавленій[1].

---

[1] Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Въ родномъ городѣ моемъ, Мстиславлѣ (Могилев. губ.), до недавняго времени соблюдался еще постъ въ день 4-го Швата

Въ недавнія еще патріархальныя времена такіе обычаи исполнялись всенародно и считались строго обязательными; нынѣ же, вслѣдствіе ослабленія религіозной дисциплины и умноженія числа „непомнящихъ родства", ихъ соблюдаютъ только старожилы и благочестивые обыватели, да еще завсегдатаи синагогъ... Слѣдуетъ поспѣшить собираніемъ свѣдѣній о всѣхъ такихъ старинныхъ мѣстныхъ обычаяхъ, столь важныхъ для нашей исторіи, покуда еще не вымерло то поколѣніе, которое само соблюдало ихъ или помнитъ по какому поводу и какъ ихъ соблюдали встарину. Будущее поколѣніе едва-ли что нибудь скажетъ намъ объ этихъ прекрасныхъ историческихъ обычаяхъ...

Народныя *сказанія и устныя преданія* историческаго характера также съ каждымъ годомъ исчезаютъ по мѣрѣ вымиранія стараго поколѣнія. А между тѣмъ въ нихъ много интереснаго и важнаго, особенно относительно событій прошлаго столѣтія. Многое передавалось изъ рода въ родъ, что хранилось, какъ святыня, въ памяти нашихъ „отцовъ"; память новѣйшихъ поколѣній въ этомъ отношеніи—tabula rasa...

Еврейскихъ народныхъ *пѣсенъ* я не назвалъ въ числѣ источниковъ, по той простой причинѣ, что у насъ ихъ почти нѣтъ, по крайней мѣрѣ, такихъ, которыя имѣли бы историческое значеніе. *Народной лирики* въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, какъ, напримѣръ, пѣсни малорусскія, у евреевъ не было: еврей никогда не пѣлъ внѣ синагоги, его пѣсни, скорбныя или радостныя, всегда были *молитвами*; онъ пѣлъ, рыдалъ о своемъ горѣ, выражалъ свои чувства только передъ Богомъ. Наши національныя пѣсни приходится искать въ молитвенникахъ. О такихъ молитвахъ и элегіяхъ историческаго характера мы уже говорили въ предыдущемъ параграфѣ.

Надгробные памятники старинныхъ еврейскихъ кладбищъ съ ихъ надписями особенно важны для приблизительнаго опредѣленія времени, когда евреи первоначально поселились въ той или другой мѣстности. Важны они также для жиз-

---

ежегодно, въ память разгромленія города шайкою Ващилы въ 1744 г. (См. ст. „Изъ еврейской старины", *Восходъ* 1889, кн. I). Еще одинъ постъ и одинъ праздникъ ежегодно соблюдаются въ томъ же городѣ и понынѣ по случаю внезапнаго несчастія, постигшаго мѣстныхъ евреевъ, сравнительно недавно, въ 1844 г., и прекратившагося лишь въ слѣдующемъ году. Исторію этого послѣдняго несчастія я надѣюсь еще разсказать когда нибудь.

несписаній замѣчательныхъ историческихъ лицъ, для опредѣленія генеалогіи славныхъ родовъ и т. п. Иногда въ надгробныхъ надписяхъ встрѣчаются даже прямыя указанія на историческія событія, съ которыми связаны жизнь или смерть покойниковъ, къ которымъ надписи относятся. Замѣчательно, что этотъ послѣдній видъ историческаго матеріала наши послѣдователи оцѣнили прежде всего и давно уже кое-что сдѣлали по этой части. Такъ, С. И. Фенъ собралъ и опубликовалъ еще въ 1860 г. массу интересныхъ надгробныхъ надписей изъ еврейскаго кладбища г. *Вильны* (въ его извѣстной монографіи [illegible]); Фирковичъ собралъ множество древнѣйшихъ надписей въ *Крыму*, и нѣкоторыя изъ нихъ опубликовалъ пр. Хвольсонъ въ „Сборникѣ статей по евр. литературѣ" (1866 г.); І. Цунцъ обнародовалъ надгробные надписи Краковскаго кладбища (רבת עמי; Краковъ, 1874); напечатаны также немногія сохранившіяся надгробныя надписи городовъ: Брестъ-Литовска, Гродно, Одессы [1]. Будемъ надѣяться, что работа въ этомъ направленіи продолжится и принесетъ плоды для исторіи. Особенно важны, конечно, старинныя надписи, которыя можно найти еще массами въ древнѣйшихъ мѣстахъ еврейскаго жительства, какъ, напр., въ Пинскѣ, Слуцкѣ, Острогѣ, Владимірѣ-Волынскомъ, Люблинѣ, и т. п. Много этихъ надписей уже погибло для исторіи, вслѣдствіе-ли разрушенія памятниковъ отъ времени или упраздненія самыхъ кладбищъ; много ихъ и нынѣ погибаетъ изъ года въ годъ: стирается, портится, разваливается. И тутъ, стало быть, необходимо поспѣшить и спасти отъ забвенія хоть остатокъ старинныхъ надгробныхъ надписей. Ихъ слѣдуетъ собирать и важнѣйшія изъ нихъ публиковать.

VII.

Необходимость организаціи подготовительныхъ работъ къ исторіографіи русскихъ евреевъ.—Учрежденіе «Русско-еврейскаго Историческаго Общества» и планъ его дѣятельности.

Изъ всего вышеизложеннаго объ источникахъ русско-еврейской исторіи слѣдуетъ:

Что *подготовительная работа къ исторіографіи евреевъ въ Россіи, состоящая въ отыскиваніи, собираніи и*

[1] Ср. עיר תהלה Варшава, 1885; עיר גבורים, Вильна, 1881; איינים מזוינים Одесса, 1888.

публикованіи разнороднаго матеріала, чрезвычайно сложна и единоличными усиліями никоимъ образомъ не можетъ быть совершена.

Взять, напримѣръ, хоть бы одно только дѣло собиранія *Пинкосовъ*, какъ первостепеннаго источника для исторіи русскихъ евреевъ. Пинкосы, какъ намъ уже извѣстно, разсѣяны по всѣмъ градамъ и весямъ еврейской осѣдлости и по большей части находятся въ такихъ мѣстахъ и такихъ рукахъ, откуда добыть ихъ очень недегко. Для *собиранія* ихъ отовсюду пришлось бы снарядить цѣлую археологическую экспедицію, которая должна имѣть вдобавокъ извѣстное оффиціальное полномочіе, ибо многіе владѣльцы такихъ рукописей не уступятъ ихъ иначе, какъ по приглашенію „именемъ закона". При существованіи центральнаго учрежденія для изслѣдованія русско-еврейской исторіи, эта задача значительно упростилась бы, ибо такое учрежденіе могло бы имѣть въ нужныхъ мѣстахъ своихъ агентовъ, которые собирали бы имѣющіеся тамъ Пинкосы и доставляли бы ихъ въ подлинникахъ или въ копіяхъ въ главное учрежденіе. За работою собиранія сотенъ или даже тысячъ Пинкосовъ пойдутъ *разборъ* находящихся въ нихъ документовъ, *выборка* важнѣйшихъ документовъ и точное ихъ *копированіе*,—для чего нужна коммисія изъ свѣдущихъ и компетентныхъ лицъ, т. е. *коллективная научная сила*. Наконецъ, избранный пинкосный матеріалъ долженъ приводиться въ порядокъ, приготовляться къ печати и *издаваться* съ необходимыми научными разъясненіями,—на что нужны уже не только научныя силы, но и *матеріальныя средства*.

Такая же организація силъ и средствъ необходима для собиранія и изданія матеріаловъ изъ *русскихъ государственныхъ архивовъ*. Доступъ въ эти архивы не всякій можетъ получить, да и самая выборка нужныхъ документовъ и копированіе ихъ требуетъ массы спеціальныхъ знаній. Нужно, стало быть, сотрудничество въ этомъ дѣлѣ ученыхъ спеціалистовъ. Затѣмъ сортировка собраннаго матеріала и печатаніе его должны лежать на обязанности извѣстной коммисіи, обладающей и надлежащею компетенціей и нужными для того рессурсами.

То же можно сказать и обо всѣхъ прочихъ видахъ подготовленія историческаго матеріала: о собираніи и изданіи

подходящихъ историческихъ свѣдѣній, разсѣянныхъ въ разныхъ изданіяхъ археографическихъ коммисій, въ старинныхъ сводахъ законовъ, въ древнихъ польскихъ, литовскихъ и русскихъ лѣтописяхъ, въ старой еврейской письменности, о собираніи народныхъ сказаній, преданій и обычаевъ историческаго характера, древнихъ надгробныхъ надписей и т. п. Все это требуетъ и умственныхъ силъ, и матеріальныхъ затратъ, и упорнаго труда въ теченіе десятковъ лѣтъ,— труда, одухотворяемаго великою идеею *созиданія исторіографіи русскихъ евреевъ*, которая станетъ возможною только послѣ того, какъ 15-ти или 20-лѣтняя безпрестанная работа собиранія матеріаловъ создастъ для нея прочный фактическій фундаментъ.

Для осуществленія этой великой и сложной задачи, нужно прибѣгнуть къ тому способу, который въ подобныхъ случаяхъ употребляется у всѣхъ другихъ культурно-историческихъ народовъ, а именно: нужно учредить особое *общество для изслѣдованія исторіи русскихъ евреевъ*.

Въ чемъ именно будетъ состоять дѣятельность этого общества и какими средствами обезпечить его существованіе—выяснится изъ слѣдующаго *общаго плана предлагаемаго историческаго предпріятія*, который позволяю себѣ представить на усмотрѣніе понимающихъ и сочувствующихъ лицъ.

§ 1) Учреждается, съ подлежащаго разрѣшенія, общество, имѣющее цѣлью изслѣдованіе исторіи евреевъ на территоріи нынѣшней Россіи, т. е. въ бывшей Польшѣ, въ Литвѣ, и всей Западной Руси,—подъ именемъ: „*Русско-еврейское Историческое Общество*".

§ 2) *Членами Общества* состоятъ всѣ, безъ различія вѣроисповѣданія, вносящіе въ кассу Общества *по пяти рублей ежегодно*, или же такія лица, которыя, хотя и ничего не вносятъ въ кассу, оказываютъ Обществу *постоянное содѣйствіе въ дѣлѣ собиранія историческихъ матеріаловъ*. Лица перваго разряда называются *дѣйствительными членами*, а втораго — *членами-сотрудниками*.

§ 3) Общество избираетъ изъ своей среды постоянную *Историческую Коммисію изъ пяти членовъ*, составъ которой мѣняется только въ случаѣ невозможности для какого либо члена или нежеланія его продолжать участвовать въ

ней. Коммисія имѣетъ своимъ мѣстопребываніемъ одинъ изъ двухъ центровъ: Петербургъ или Одессу, и засѣдаетъ два раза въ мѣсяцъ.

§ 4) *Дѣятельность* членовъ Коммисіи—двоякая: *научная* и *административная*. Научная работа Коммисіи состоитъ: 1) въ собираніи матеріаловъ для исторіи русскихъ евреевъ, непосредственно-ли, или при посредствѣ членовъ-сотрудниковъ, а также въ поощреніи и привлеченіи другихъ способныхъ лицъ къ участію въ собираніи; 2) въ разсмотрѣніи, разборѣ и группировкѣ собранныхъ матеріаловъ; 3) въ приготовленіи важнѣйшихъ изъ нихъ для обнародованія; 4) въ печатаніи избранныхъ матеріаловъ въ особомъ періодическомъ сборникѣ, и, наконецъ—5) въ изданіи оригинальныхъ ученыхъ изслѣдованій, монографій и систематическихъ трудовъ по исторіи русскихъ евреевъ, или въ содѣйствіи изданію таковыхъ.—Административная дѣятельность Коммисіи состоитъ: 1) въ завѣдываніи денежными сборами Общества, образующимися изъ членскихъ взносовъ и другихъ источниковъ, которые будутъ указаны ниже (§ 8); 2) въ назначеніи суммъ, расходуемыхъ на собираніе, копированіе и печатаніе историческихъ матеріаловъ и на другія надобности, вызываемыя самою задачею Общества,—и 3) вообще въ совѣщаніяхъ по всѣмъ практическимъ дѣламъ Общества.

§ 5) Въ виду того, что въ настоящее время составленіе систематической исторіи русскихъ евреевъ еще невозможно, вслѣдствіе недостатка матеріаловъ для такого труда, то дѣятельность Общества на первыхъ порахъ должна быть сосредоточена главнымъ образомъ на собираніи необходимыхъ историческихъ матеріаловъ. На первомъ планѣ стоятъ матеріалы *пинкосные* и *архивные*. Для *собиранія Пинкосовъ* „Историческая Коммисія“ прибѣгаетъ къ слѣдующимъ способамъ: а) вступаетъ въ письменныя сношенія съ духовными и казенными раввинами или съ другими представителями еврейскихъ общинъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ имѣются старинные Пинкосы, предлагая такимъ лицамъ или присылать въ коммисію (для постояннаго, либо временнаго пользованія) самые подлинники Пинкосовъ, или существенные изъ нихъ извлеченія въ копіяхъ; б) заводитъ въ нужныхъ пунктахъ своихъ агентовъ и корреспондентовъ, которые безвозмездно (въ качествѣ членовъ-сотрудниковъ), или за из-

вѣстное вознагражденіе, доставляютъ въ Коммисію подлинники старинныхъ Пинкосовъ, или копіи съ нихъ; в) въ случаѣ надобности, командируетъ въ мѣста, гдѣ находятся особенно древніе Пинкосы, ученаго спеціалиста, съ цѣлью извлеченія изъ послѣднихъ всего существеннаго историческаго матеріала, — конечно, въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда инымъ способомъ нельзя добыть ни подлинниковъ Пинкосовъ, ни копій съ нихъ. Что же касается архивныхъ матеріаловъ, то собираніе ихъ должно происходить въ кіевскомъ, виленскомъ и витебскомъ Центральныхъ Архивахъ, а также въ архивѣ, гдѣ хранится Литовская Метрика, въ Петербургѣ. Для этой цѣли Коммисія должна вступить въ сношенія съ администраціями этихъ архивовъ, а также съ состоящими при нихъ археографическими коммисіями, которыя могутъ много содѣйствовать ей въ дѣлѣ доставленія копій съ спеціально еврейскихъ архивныхъ документовъ. Самую работу собиранія и копированія Коммисія можетъ поручить нѣкоторымъ ученымъ и свѣдущимъ лицамъ, могущимъ получить доступъ къ названнымъ государственнымъ архивамъ и готовымъ брать на себя такую работу безвозмездно, или за извѣстное вознагражденіе. — Относительно собиранія всѣхъ прочихъ второстепенныхъ видовъ историческаго матеріала (отрывковъ изъ кодексовъ, лѣтописей, старопечатныхъ книгъ, народныхъ сказаній, преданій, историческихъ обычаевъ, надгробныхъ надписей) коммисія имѣетъ выработать особую программу.

§ 6) Всѣ собираемые историческіе рукописные матеріалы поступаютъ въ Коммисію и хранятся при ней въ особой *библіотекѣ*. Туда же поступаютъ и всѣ тѣ печатныя книги, которыя заключаютъ въ себѣ какія либо свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи русскихъ евреевъ. Такія книги пріобрѣтаются или покупкою, или въ видѣ пожертвованій отъ членовъ общества и другихъ лицъ. Ближайшій надзоръ за библіотекою возлагается на одного изъ членовъ коммисіи.

§ 7) Общество имѣетъ свой спеціальный *печатный органъ*, подъ заглавіемъ: *„Памятники исторіи евреевъ въ Россіи“*. Выходитъ онъ подъ редакціею членовъ Коммисіи, четыре раза въ годъ, книгами въ 20 печатныхъ листовъ. Въ немъ помѣщаются какъ сырые матеріалы (пинкосные и архивные документы, etc.), такъ и изслѣдованія и монографіи по исто-

рія русскихъ евреевъ. Рукописные документы печатаются въ подлинникахъ съ переводомъ на русскій языкъ, если они написаны по польски или по еврейски; впрочемъ, ради экономіи мѣста, можно вмѣсто полнаго перевода такихъ документовъ обозначать по русски, въ заголовкахъ, ихъ существенное содержаніе. Изданіе Общества высылается какъ членамъ послѣдняго, такъ и постороннимъ подписчикамъ, за опредѣленную плату, низшаго размѣра для первыхъ и высшаго — для вторыхъ. Кромѣ своего временника, Коммисія издаетъ и отдѣльные сборники документовъ или историческія изслѣдованія, если находитъ это нужнымъ и если обладаетъ необходимыми для того средствами.

§ 8) Для *пополненія матеріальныхъ средствъ Общества*, въ видахъ расширенія круга его дѣятельности, коммисія устраиваетъ отъ времени до времени *публичныя чтенія* по еврейской исторіи, доходъ съ которыхъ идетъ въ кассу Общества, принимаетъ единовременныя денежныя *пожертвованія* отъ лицъ, сочувствующихъ цѣлямъ Общества, и т. п. Такимъ образомъ, денежный фондъ Общества составляется: а) изъ членскихъ взносовъ, б) изъ дохода отъ продажи изданій Общества, в) изъ дохода отъ публичныхъ чтеній, г) изъ случайныхъ пожертвованій. Этими доходами покрываются разнообразные расходы по содержанію коммисіи, по изданію „Памятниковъ" и отдѣльныхъ сборниковъ, по собиранію и копированію рукописныхъ документовъ, по вознагражденію участниковъ въ такой работѣ, по пріобрѣтенію книгъ для библіотеки Общества и т. п.

Таковъ общій планъ учрежденія и дѣятельности „Русско-еврейскаго историческаго Общества". Это — планъ *предварительный*, первоначальный *проектъ* рекомендуемаго мною предпріятія. Окончательный планъ, а также формальный уставъ Общества должны быть выработаны коллективно людьми, свѣдущими и сочувствующими святому дѣлу, за которое я ратую. Думаю, что предложенный проектъ особенно нуждается въ дополненіяхъ въ *практической* своей части. Но каковъ ни будетъ окончательный планъ Общества, онъ въ основаніяхъ своихъ, особенно теоретическихъ, научныхъ, будетъ тожественъ съ вышеизложеннымъ проектомъ, выработаннымъ на основаніи долгихъ размышленій и изученія аналогичныхъ учрежденій, существующихъ у другихъ наро-

довъ, а также у западно-европейскихъ евреевъ („Société des études juives“ въ Парижѣ, „Historische Commission für Geschichte der Juden in Deutschland“ и др.).

Осуществленіе этого дѣла зависитъ всецѣло отъ сочувствія мыслящей части еврейскаго общества; скажу прямѣе: отъ уровня ея умственнаго развитія, отъ размѣра ея духовныхъ потребностей, отъ интенсивности ея стремленія къ самосознанію. Отъ всего этого зависитъ великое дѣло возсозданія нашего многовѣкового, нынѣ еще покрытаго мракомъ прошедшаго. Десять—двадцать лѣтъ усердной подготовительной работы—и фундаментъ для нашей исторіографіи готовъ!... Еще нѣсколько десятилѣтій, и мы, быть можетъ, сподобимся увидѣть то, о чемъ теперь не имѣемъ почти и представленія: полную систематическую исторію русскихъ евреевъ. До тѣхъ поръ нашей исторической любознательности придется удовлетворяться исторіею въ сыромъ видѣ: древними хартіями, документами и памятниками прошедшаго, монографіями и изслѣдованіями по отдѣльнымъ частямъ русско-еврейской исторіи, имѣющими, однако, свою прелесть для людей, способныхъ понимать вѣщій языкъ древнихъ памятниковъ, часто болѣе краснорѣчивый, нежели самое изящное повѣствованіе исторіографа.

Но я слышу возраженія, замѣчаю въ нѣкоторыхъ даже недоумѣніе. Приходится отвѣчать на первыя и устранить послѣднее. Вдобавокъ, мнѣ еще осталось разъяснить напослѣдокъ кое-что принципіальное и отчасти существенное. Для всего этого послужитъ слѣдующая, заключительная глава.

VIII.

Отвѣты недоумѣвающимъ и возражающимъ. — Какъ должна писаться исторія? — Напутствіе будущимъ работникамъ на нивѣ русско-еврейской исторіи.

Не желая, какъ велитъ обычай, льстить своимъ „любезнымъ читателямъ“ и заставлять ихъ одобрительно кивать тому, чего они не понимаютъ или чему не сочувствуютъ, я весьма охотно допускаю, что среди этихъ читателей найдется много такихъ, которые будутъ недоумѣвать при чтеніи моего проекта. Недоумѣвающіе будутъ принадлежать къ разряду людей, считающихъ себя „большими

практиками", вся „практичность" которыхъ состоитъ, однако, лишь въ томъ, чтобы высмѣивать все высокое, идеальное—все, что выходитъ изъ круга обыденныхъ житейскихъ интересовъ, что не приноситъ непосредственной экономической пользы. Такіе люди предложатъ мнѣ, пожалуй, тотъ же рѣшительный вопросъ, который въ пасхальной Гагадѣ предлагается однимъ изъ „четырехъ сыновей": „*Къ чему вамъ это* (מה העבודה הזאת לכם)? Къ чему всѣ эти „хлопоты", все это сложное предпріятіе, когда рѣчь идетъ всего только о томъ, чтобы написать исторію русскихъ евреевъ? Не слишкомъ-ли много шуму дѣлаете изъ-за пустяковъ?".

Съ такими господами, конечно, напрасно пускаться въ объясненія. Для нихъ у меня одинъ отвѣтъ,—та самая лаконическая фраза, которою отвѣтилъ извѣстный талмудистъ одному недоумѣвающему: *идите и поучитесь* (זיל גמור)!. И въ самомъ дѣлѣ, пристало-ли объясняться о необходимости еврейской исторіографіи съ людьми, которымъ недоступны элементарныя понятія ни о значеніи исторической науки вообще, ни о великомъ духовномъ и воспитательномъ вліяніи исторіи, ни наконецъ о національно-идейномъ значеніи историческаго самосознанія для всякаго народа, имѣющаго прошедшее и живущаго духовною жизнью? Если имъ недоступны тѣ общія истины, о которыхъ я упомянулъ въ началѣ настоящаго этюда; если они объ исторіи имѣютъ не болѣе высокое понятіе, чѣмъ гимназистъ, зубрящій учебники Иловайскаго и смотрящій на исторію только какъ на одинъ изъ „предметовъ", ниспосланныхъ „свыше" для мученія учащихся, — то въ чемъ убѣдятъ ихъ мои доводы? Вѣдь такіе люди не признаютъ въ сущности (а если признаютъ, то лишь притворно) того принципа, что у всякаго народа, кромѣ интересовъ экономическихъ, имѣются еще общіе интересы духовные, и что чѣмъ шире у какого либо народа область этихъ духовныхъ интересовъ, тѣмъ выше стоитъ народъ. А знаніе своего прошлаго занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ этой области. Даже правительства, занимающіяся только практическими задачами, учреждаютъ разныя историческія общества, археографическія коммиссіи, тратятъ милліоны на поощреніе исторіографіи, какъ дѣла національнаго. Намъ, русскимъ евреямъ, т. е.

мыслящей части народа, приходится исполнить, поскольку это въ нашихъ силахъ, этотъ великій національный долгъ.

Но тутъ выступаютъ *возражающіе*. Они въ принципѣ согласны съ вышеизложеннымъ. „Конечно,—скажутъ они,—все это очень хорошо, благородно и прекрасно; исторія нужна, народу слѣдуетъ открыть его прошедшее, о которомъ оно теперь ничего не знаетъ; но осуществимо-ли то, что, по вашему, прямо ведетъ къ этой цѣли? Осуществимо-ли рекомендуемое вами такое сложное предпріятіе, какъ учрежденіе историческаго общества, съ членскими взносами, ученой коммисіей для разработки русско-еврейской исторіи, широкой организаціей дѣла собиранія матеріаловъ и т. п.? Удастся-ли это?“

На это возраженіе, подъ которымъ дѣлающіе его подразумѣваютъ, что предпріятіе навѣрное не удастся и что поэтому за него и браться не стоитъ, я отвѣчу вотъ что: что подобное предпріятіе вообще вполнѣ *осуществимо* — тому мы имѣемъ убѣдительные примѣры. Съумѣло же менѣе чѣмъ полумилліонное германское еврейство создать обширнѣйшую историческую литературу именно путемъ общественной организаціи и дружнаго поощренія работъ по части исторіи евреевъ. Кому обязанъ величайшій историкъ еврейства Грецъ, тѣмъ, что его колоссальная одиннадцати-томная „Geschichte der Juden“ появилась въ свѣтъ, если не „*Институту поощренія еврейской исторіи и литературы*“, существовавшему въ Германіи съ 1854 г.? Если бы не „Институтъ“, могъ-ли бѣдный учитель еврейской семинаріи обнародовать на свои скромныя средства такое громадное сочиненіе, требовавшее десятковъ лѣтъ упорной работы и большихъ денежныхъ затратъ? Да и теперь, развѣ мало дѣлаетъ для развитія спеціальной исторіографіи нѣмецкихъ евреевъ берлинская „*Историческая Коммисія*“, о которой мы уже говорили? Наконецъ, вотъ разительный примѣръ: французскіе евреи, число которыхъ во всей Франціи не больше, чѣмъ число евреевъ въ одной Одессѣ, и вдвое меньше, чѣмъ число евреевъ въ Варшавѣ,—эта сравнительно небольшая горсть нашего народа имѣетъ, вотъ уже 12 лѣтъ, превосходно устроенное „Общество еврейской науки“ („Société des études juives“), издающее ежегодно пять томовъ интереснѣйшихъ матеріаловъ для исторіи евреевъ во Франціи и другихъ го-

сударствахъ (трехмѣсячникъ „Revue des études juives“ и ежегодникъ „Annuaire des études juives“) и поощряющая изданіе постороннихъ трудовъ по этой части. И если мы, русскіе евреи, превосходящіе численностью въ сорокъ разъ нашихъ французскихъ единовѣрцевъ, не съумѣемъ сдѣлать для своей исторіи то, что сдѣлали эти послѣдніе для своей,— то стыдъ и позоръ намъ! Такимъ неумѣніемъ мы торжественно выдадимъ себѣ testimonium paupertatis—свидѣтельство о нашей нищетѣ духовной, о нашей незрѣлости, объ отсутствіи среди насъ потребности въ знаніи нашего прошедшаго.

Да, откровенно говоря, я этого боюсь. Я не ошибаюсь на счетъ нашихъ духовныхъ силъ: эти силы велики, больше, можетъ быть, чѣмъ у всякаго другого народа, но онѣ лежатъ подъ спудомъ. Наши огромныя духовныя богатства или лежатъ втунѣ, или тратятся попусту, безъ порядка, безъ ясной, здравой цѣли. У насъ нѣтъ умѣнія пользоваться своими силами, нѣтъ выдержки, нѣтъ привычки къ правильному, *систематическому* труду. Все у насъ *безпорядочно*, начиная съ воспитанія дѣтей и кончая „общественными собраніями“ взрослыхъ. *У насъ,—какъ говоритъ покойный проф. Никитенко о русскихъ,—бездна способностей, но людей, приспособленныхъ къ дѣлу, очень мало*, — вотъ что можно сказать къ характеристикѣ русскихъ евреевъ [1].

И зная все это, я тѣмъ не менѣе говорю: взываю къ сознанію народа, который могъ бы многое сдѣлать для своего правильнаго духовнаго развитія, если бы хотѣлъ. Если безпорядочность и безсистемность — наши органическіе пороки, то противъ нихъ надо бороться, а не потакать имъ. Лѣность можно лечить только пріученіемъ къ упорному труду; противъ неразвитости, непониманія можно дѣйствовать поученіями и доводами здраваго смысла. Опасеніе, что мой призывъ къ мыслящей части еврейства останется безъ отклика, не освобождаетъ меня все-таки отъ обязанности призывать къ дѣлу, которое считаю священнымъ долгомъ своимъ, и всѣхъ тѣхъ, къ кому обращаюсь.

„Но,—скажутъ мнѣ, — время-ли теперь обращаться съ подобными предложеніями къ народу, бѣгущему мас-

---

[1] «Дневникъ» его, «Русск. Старина» 1891 г., кн. 2.

сами за море для поисковъ за кускомъ хлѣба, котораго дома не имѣетъ? Вы призываете къ изученію своего *прошедшаго* людей, *настоящее* которыхъ такъ безотрадно, — развѣ это съ чѣмъ нибудь сообразно?" — Да! отвѣчаю, вполнѣ сообразно — конечно, не съ узкими будничными воззрѣніями, но съ воззрѣніями высшаго порядка, доступными всѣмъ тѣмъ, кто не „о единомъ хлѣбѣ живетъ". Согласитесь, господа, что „печаль времени сего" заключается не только въ матеріальныхъ бѣдствіяхъ еврейской массы (она бѣдствовала и двадцать, и тридцать лѣтъ назадъ), а также въ страданіяхъ нравственныхъ. Нравственныя же боли надо лечить нравственными, духовными лекарствами. И однимъ изъ такихъ лекарствъ, быть можетъ, самымъ дѣйствительнымъ, является углубленіе въ самого себя и самосознаніе въ прошедшемъ. Прошедшее еврейскаго народа обладаетъ чудною цѣлительною силою для болящей еврейской души. Подобно тому, какъ древній эллинскій Антей оживалъ, какъ только прикасался къ родной землѣ, такъ и мы, евреи, можемъ ожить и воспрянуть духомъ отъ прикосновенія къ нашей исторической духовной почвѣ. Одно сознаніе нашего національнаго безсмертія, нашей неистребимости — чего стоитъ! А вѣдь такое сознаніе дается только исторіей. Но, помимо утѣшенія, сколько свѣта, ясности, сознательности вноситъ въ нашъ умъ знаніе нашего прошедшаго! Мы чувствуемъ себя тогда не отрѣзаннымъ ломтемъ, а продолженіемъ цѣлаго ряда поколѣній, жившихъ только для того, чтобы „мыслить и страдать", отпрысками богатырей духа, которые умѣли умирать за свои убѣжденія, но не умерщвлять ближнихъ, чему нѣтъ другого примѣра въ исторіи человѣчества. Мы ясно видимъ, чѣмъ мы были въ давно прошедшія времена; мы сознаемъ себя, какъ цѣлое, на всемъ протяженіи нашей исторической жизни, питаемся огромнымъ запасомъ воспоминаній. Cogitamus, ergo sumus. Развѣ эти вѣчныя, возвышающія насъ истины могутъ терять свою силу вслѣдствіе временныхъ условій? Повторяю: развѣ великая заповѣдь, данная мыслящему человѣчеству: *Познай самого себя*! — потеряла уже всякое значеніе для насъ, оттого что мы подвергаемся невзгодамъ? И развѣ невзгоды матеріальныя должны отуплять, а не напротивъ, изощрять нашъ духъ?... Вѣдь собственная наша исторія даетъ намъ тому самые поучительные

примѣры. Личность, способная къ интенсивному мышленію, въ такіе моменты обыкновенно уходитъ внутрь себя; то же бываетъ и съ народами.

Считаю нужнымъ отвѣтить еще на мелкія практическія возраженія. Нѣкоторые выразятъ, можетъ быть, сомнѣніе въ томъ, разрѣшатъ-ли учредить „Русско-еврейское историческое общество“ и утвердятъ-ли его уставъ. Полагаю, что сомнѣніе это не имѣетъ достаточнаго основанія. Ибо что можно имѣть противъ существованія спеціальнаго ученаго общества, цѣли котораго такъ далеки отъ современности, девизъ котораго—«изученіе прошедшаго»? Напротивъ, мы должны разсчитывать на сочувствіе этому научному предпріятію въ правящихъ сферахъ, такъ какъ исторія польско-русскихъ евреевъ есть собственно часть исторіи Россіи, въ составъ которой входятъ эти евреи.

Могутъ еще спросить: зачѣмъ учреждать особое „Историческое общество“ въ то время, какъ задачу таковаго могло бы взять на себя существующее уже „Общество для распространенія просвѣщенія между русскими евреями“? На это отвѣчу: во 1-хъ, „Общество просвѣщенія“ имѣетъ свои ближайшія многочисленныя заботы, съ которыми и то едва справляется по недостатку свѣжихъ силъ и средствъ; во 2-хъ, задача проектируемаго „Историческаго Общества“ такъ сложна, что для осуществленія ея нужно особое учрежденіе, съ спеціальною ученою коммисіею и совершенно независимымъ кругомъ дѣятельности. То—практическое, а это—чисто-научное учрежденіе. Можемъ только разсчитывать, что „Общество просвѣщенія“ не откажется придти на помощь проектируемому „Историческому обществу“, пока послѣднее не станетъ на прочную почву.

Въ виду того, что настоящій этюдъ имѣетъ служить не только воззваніемъ къ учрежденію „Русско-еврейскаго историческаго общества“, но и въ большей еще степени пособіемъ или краткимъ руководствомъ для лицъ, желающихъ серьезно заниматься изученіемъ исторіи русскихъ евреевъ по первоисточникамъ,—я считаю своимъ долгомъ подѣлиться съ такими лицами, какъ моими будущими сработниками (ибо и я посвящаю и впредь буду посвящать свои скудныя силы великому дѣлу нашей исторіографіи), нѣкоторыми общими

мыслями и соображеніями, которыя, можетъ быть, кому нибудь изъ нихъ пригодятся.

Ходъ предстоящихъ намъ историческихъ работъ приблизительно слѣдующій: 1) собираніе и систематизація сырыхъ матеріаловъ; 2) монографіи и научныя изслѣдованія объ отдѣльныхъ моментахъ русско-еврейской исторіи, когда для выясненія такихъ моментовъ уже собранъ будетъ достаточный запасъ фактовъ, и 3) систематическое изложеніе всей исторіи русскихъ евреевъ, когда всѣ ея моменты будутъ выяснены на основаніи накопленнаго матеріала. Работа, какъ видите, возростаетъ въ сложности и трудности по мѣрѣ приближенія къ послѣднему, завершительному пункту, но вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ и интересъ ея. Изъ массы пыльныхъ хартій, обработанныхъ, сближенныхъ, осмысленныхъ, поднимается мало-по-малу и наконецъ встаетъ передъ вами во весь ростъ фигура Прошедшаго... Точь-въ-точь какъ въ „долинѣ костей" Іезекіеля. Сухія кости, останки погибшихъ поколѣній, валялись въ долинѣ. *Оживутъ-ли кости сіи?*—вопрошаетъ пророкъ. И вотъ „стали приближаться кости одна къ другой, и появились на нихъ жилы и плоть, и кожею обтянулись они, только духа не было въ нихъ... И сталъ я пророчествовать; и вотъ вошелъ въ нихъ духъ, и ожили онѣ, и стали на ноги, и было ихъ превеликое воинство. И сказалъ мнѣ Господь: сынъ человѣческій! *Эти кости—весь домъ Израилевъ!*"...

Да, господа, и намъ предстоитъ быть свидѣтелями и даже участниками такого же великаго акта воскресенія. Передъ нами та же долина, переполненная „сухими костями"—архивными хартіями, нѣмыми документами, памятниками былой, угасшей жизни. Возникаетъ сомнѣніе: оживутъ-ли эти мертвые останки былого? Да! увидите—и повѣрите. Собирайте ихъ усердно, сближайте, подводите „кость къ кости", соединяйте ихъ, дайте имъ плоть и кровь, наконецъ *одухотворяйте*,—и оживетъ эта мертвая масса, встанетъ передъ вами на ея мѣстѣ цѣлый рядъ живыхъ прошедшихъ поколѣній, живыхъ образовъ людей и яркихъ картинъ стариннаго быта. И убѣдитесь вы тогда, что „эти кости — весь домъ Израилевъ", что въ нихъ схоронена была жизнь прошедшаго, жизнь нашихъ предковъ. Силою духа мы вновь вызовемъ эту жизнь въ мертвой массѣ древнихъ хартій, заставимъ

ихъ заговорить и воскресить передъ нами давно минувшія событія и бытъ угасшихъ поколѣній. Но для того, чтобы этого достигнуть, мы должны обладать такою именно силою одухотворенія, силою *творчества*...

Творчествомъ въ исторіи и философіи я называю тотъ актъ гармоническаго единенія субъекта и объекта мысли, то-есть, мыслящаго существа съ мыслимымъ предметомъ, при которомъ самые отдаленные факты и отвлеченныя мысли воплощаются въ живые и вѣрные образы, какъ будто бы присутствующіе передъ глазами. Это—своего рода способность *вызыванія духовъ, способность видѣть не только наружный покровъ, но и душу фактовъ*. Такая творческая способность въ наибольшей мѣрѣ нужна историку. Вы, положимъ, читаете какой нибудь древній документъ. Если вы видите только наружную оболочку изложенныхъ въ немъ фактовъ,—то вы его не поняли. Только тогда можете сказать, что поняли документъ, когда его содержаніе дало вамъ не одни формальныя *свѣдѣнія* о томъ, чего вы ранѣе не знали, но также *образныя, конкретныя представленія* о лицахъ и событіяхъ, о коихъ въ документѣ говорится. Конечно, на основаніи одного документа еще трудно вызвать въ себѣ такія представленія; но чѣмъ больше число однородныхъ документовъ, относящихся къ какой либо эпохѣ или извѣстному кругу явленій, тѣмъ живѣе и реальнѣе становятся подобныя представленія. Писать исторію значитъ не только излагать факты въ извѣстномъ порядкѣ, но и комбинировать извѣстнымъ образомъ всѣ вызванныя ими, строго провѣренныя, представленія — эти души фактовъ. Цѣль историческаго изложенія—не перечень событій, а картина былой жизни. Вотъ что значитъ *оживлять прошлое*. Исторія есть, въ сущности, искусство *реставраціи прошедшаго*.

Такъ широко слѣдуетъ намъ понимать задачу исторіографіи. Такъ поняли ее великіе историки и мыслители нашего вѣка—Маколей, Ренанъ, Тэнъ. И только такимъ образомъ можно сдѣлать исторію однимъ изъ интереснѣйшихъ и поучительнѣйшихъ человѣческихъ знаній и осуществить великое изреченіе древнихъ: *Historia magistrix vitae* (исторія—учительница жизни)!

Конечно, широта идейная и философская должна соотвѣтствовать *широтѣ знанія историческихъ фактовъ*. Не-

обходимо хорошо изучить не только изслѣдуемую область, но и всѣ примыкающія къ ней области. Намъ, напримѣръ, для исполненія нашей спеціальной задачи, слѣдуетъ имѣть въ виду, что исторія русскихъ евреевъ тѣсно соприкасается: а) съ исторіею евреевъ въ другихъ странахъ, б) исторіею Польши и Литвы и в) исторіею Россіи. Ни еврейскаго быта, ни законодательства объ евреяхъ, ни общественнаго ихъ положенія мы не поймемъ достаточно, если не будемъ имѣть точныхъ представленій о бытѣ, законодательствѣ, общественной жизни тѣхъ народовъ, среди коихъ жили евреи; также не постигнемъ мы вполнѣ духовной жизни польско-русскихъ евреевъ, если не приведемъ ея въ связь съ духовнымъ развитіемъ всего остальнаго еврейства. Поэтому намъ нужно основательно и детально знать какъ исторію Рѣчи Посполитой и Россіи, такъ и всеобщую еврейскую исторію, знать научно, по первоисточникамъ.

Другимъ руководящимъ правиломъ для насъ должна быть *безусловная правдивость и безпристрастіе въ выборѣ документовъ и въ освѣщеніи ихъ.* Мы никогда не должны подчинять изслѣдованіе исторіи какой нибудь предвзятой идеѣ. Мы не должны останавливаться передъ публикаціею такихъ историческихъ документовъ, которые могутъ быть истолкованы не въ пользу нашего народа. Это — низко и недостойно. Таить исторію нечего. Въ жизни каждаго народа встрѣчаются свѣтлыя и темныя явленія. Не будемъ скрывать темныхъ сторонъ нашего прошедшаго, не станемъ выставлять себя образцами добродѣтели. Это было бы и смѣшно и, что еще хуже, ложно. Мы можемъ быть увѣрены только въ одномъ: что какими бы ни выставила насъ исторія, мы никогда не окажемся ни въ одномъ отношеніи ниже другихъ народовъ. Напротивъ, еврейскій народъ имѣетъ два великихъ преимущества, которыя рѣдко выпадаютъ на долю другимъ народамъ: непрерывная *жизнь духа* и *терновый вѣнецъ*... Имѣя такія регаліи, можемъ смѣло говорить правду и себѣ, и другимъ, ибо никакая правда не очернитъ насъ.

И такъ, пойдемте и будемте работать! Работа наша будетъ происходить на почвѣ прошедшаго, но жатва ея всецѣло будетъ принадлежать настоящему и будущему.

Призываю всѣхъ благомыслящихъ людей, какъ евреевъ, такъ и не-евреевъ, содѣйствовать этому святому дѣлу—сози-

данію русско-еврейской исторіографіи. Покажемъ, что мы, русскіе евреи, не только вѣтвь „наиболѣе историческаго“ народа, но что мы сами имѣемъ богатое прошедшее и умѣемъ цѣнить его. Мы съумѣемъ воспользоваться и его уроками. Народъ-старецъ, убѣленный сѣдинами, умудренный многовѣковымъ опытомъ, имѣющій по-истинѣ безпримѣрное прошедшее,—неужели такой народъ можетъ отворачиваться отъ своей исторіи?...

Опечатка. На страницѣ 48-й строка десятая вмѣсто словъ: Къ *XVIII* вѣку слѣдуетъ читать: Къ *XVII* вѣку.

The borrower must return this item on or before the last date stamped below. If another user places a recall for this item, the borrower will be notified of the need for an earlier return.

*Non-receipt of overdue notices does **not** exempt the borrower from overdue fines.*

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 617-495-2413

WIDENER
WIDENER
SEP 2 6 2005
SEP 1 0 2005
CANCELLED
BOOK DUE

Please handle with care.
Thank you for helping to preserve library collections at Harvard.